

Г.П. Стерликова

ХУДОЖНИК
ВАСИЛИЙ МАКСИМОВ
корреспондент
«Этнографического бюро»
князя Тенишева

Санкт-Петербург

ББК
Х 87

Художник Василий Максимов, корреспондент «Этнографического бюро» князя Тенишева. / Сост. Г.П. Стерликова. — СПб.: Издательство «Аврора», ТО «Балтийская звезда», 2014. — 192 с., 121 ил. (Серия «Источник»)

ISBN 978-5-85902-189-5

29 января 2014 года исполнилось 170 лет со дня рождения талантливого художника-передвижника Василия Максимовича Максимова. Его картины — это особый мир, удивительно реальный и вместе с тем — тонкий, пронзительный. Запоминаются образы, детали, запоминается жизнь... И хотя уже более века художника нет на этой земле, продолжают открываться новые стороны его творчества.

Сегодня у тех, кто держит в руках это издание, — уникальная возможность познакомиться с малоизвестной страницей в биографии художника — участии его в проекте «Этнографическое бюро» князя В. Н. Тенишева.

Автор-составитель выражает сердечную благодарность Российскому Государственному Этнографическому музею за предоставление возможности использования материалов «Этнографического бюро» князя Тенишева, а также Администрации Волховского района Ленинградской области за поддержку издания.

© Стерликова Г. П., составление, 2014
© «ТО «Балтийская звезда», издание, серия, 2014
© Издательство «Аврора», иллюстрации, 2014
© Ю. Черемская, макет, 2014

ISBN 978-5-85902-189-5

*И. Н. Крамской.
Портрет В. М. Максимова.
Бумага, акварель, белла. 1878 г.
Государственный Русский музей*

Художник Василий Максимов

Василий Максимович Максимов (1844–1911) — художник-передвижник, один из наиболее известных во второй половине девятнадцатого века.

Даже те, кто мало знаком с творчеством В. М. Максимова, знают, по крайней мере, две его, можно сказать «хрестоматийные» работы — «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» и «Всё в прошлом». Ещё не так давно репродукции их можно было видеть в школьных учебниках.

С «Колдуна» (1875), как называл картину сам Максимов, началась его «громкая» слава. Картина оказалась в центре внимания 4-й передвижной выставки Товарищества передвижных художественных выставок.

Через три года, в 1878 г. «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» и «Семейный раздел» (1876) — представляли русское искусство на Всемирной выставке в Париже. В ноябре 1878 г. Петербургская Императорская Академия художеств присвоила художнику звание академика — за отличные познания в живописи.

«Всё в прошлом» (1889) — последняя значительная работа В. М. Максимова, его последний большой успех. Василий Максимович выполнил с неё более сорока копий, что убедительно говорит о востребованности творчества художника.

Всё в прошлом. Эскиз к картине

Сюжет, как всегда, незатейлив, и, как всегда психологически выверен. Старая дворянская усадьба, в которой некогда кипела жизнь. Всё, что от неё осталось,— закороченный барский дом. Доживать хозяйке имения приходится в домике прислуги, которая присела на ступеньке крылечка, по-прежнему готовая исполнить любое желание барыни. И, как прежде, она знает «своё» место. Всё, что и осталось от прежней жизни,— память да буйно цветущая сирень в саду. Картина «Всё в прошлом» — яркий штрих времени, потоком которого уносило дворянскую Россию.

Вспомним другие полотна, написанные В. М. Максимовым: «Больное дитя» (1864), «Бабушкины сказки» (1867), «Бедный ужин» (1879), «Аукцион» (1880–1881), «Больной муж» (1881), «Заём хлеба» (1882), «Утро вдовца» (1883). Пронзительные, трогательные за душу сюжеты, удивительно точно воссозданные интерьеры крестьянских жилищ — искреннее творчество художника-передвижника привлекало посетителей выставок, критиков и даже товарищей по цеху.

Он писал о том, что лучше всего знал. А знал, потому как жил среди этих людей. Они были персонажами его картин, натурщиками, первыми зрителями и критиками. Это были люди, которых он любил, тяжёлой жизни которых глубоко сочувствовал. В русском искусстве не было лучшего знатока крестьянской жизни; и даже из передвижников, решавших «деревенскую» тему, никто не поднимался до такого её художественного воплощения.

А начиналось всё здесь, на волховской, земле, в небольшой деревушке Лопино, на берегу Волхова, где родился Василий Максимов. Семья — обыкновенная, крестьянская. Трудно сказать откуда взялась эта тяга: рисовать, рисовать и рисовать. Всё равно, что и на чём, — на обрывке листа бумаги или на только что побелённой печи; в школьной тетради на уроке в монастырской школе, за что, кстати, был порот. Будто какая-то внутренняя энергия не давала покоя, требовала выхода...

Рано осиротел. После смерти матери школа, в которой учился, сам монастырь, где жил, стали невыносимы.

Правда, именно здесь, в Никольском монастыре, он встретил людей, благодаря которым начал понимать что-то в жизни. Один из них — отец Антоний, в ту пору духовник Староладожского Никольского монастыря, — в миру Алексей Поликарпович Бочков — литератор, встречавшийся с А. С. Пушкиным, известный церковный деятель. «...Здесь впервые я узнал Гоголя, Пушкина, Крылова, здесь я прочитал Плутарха; достаточно одних добрых советов от Антония, чтобы помнить о нём до смерти», — напишет В. М. Максимов в «Автобиографических записках».

Наверное, совсем не случайно среди обитателей монастыря отец Антоний отметил именно этого чрезвычайно любознательного мальчугана, старался хоть как-то облегчить его жизнь. О желании Василия

Всё в прошлом

оставить монастырь, ехать в Петербург — учиться, догадывался, хотя напрямую об этом никогда не говорили. Конечно, с тревогой отнёсся к такому решению, но не отговаривал, помог деньгами да и потом, пока было возможно, не упускал из поля зрения.

Однако надежда Максимова на иконописные мастерские в Санкт-Петербурге, где, как считал, его научат рисовать, не оправдалась.

С лихвой хлебнул лиха сначала в одной (кстати, знаменитой и именитой в то время, — Василия Пешехонова), откуда бежал; потом в другой — унижения, оскорбления; вместо кисти в руках — половая тряпка, «подай», «принеси»... Но и бесследно эта школа не прошла. Трудности закаляли характер, настойчиво готовился к поступлению в Академию художеств.

И поступил. Осенью 1862 года выдержал экзамены, но из-за отсутствия «отпускной» из сельской общины к занятиям приступил лишь в январе 1863 года, и только в качестве вольноприходящего ученика. Без стипендии, за плату.

Никольский монастырь. Фото

Чернавино. (Васильевский погост). Фото

Не прошло и года, уже в декабре молодой художник напишет «Автопортрет». Напишет быстро, за три дня. Талантливая работа, сходятся во мнении искусствоведы. Д. В. Сарабьянов считал его «одним из самых удачных автопортретов второй половины XIX века». Многоплановость «Автопортрета» отмечали другие исследователи творчества В. М. Максимова.

И. Н. Шувалова, писала о нём как о поразительном «по смелости трактовки образа и живописной свободе...» Таким, видимо, он и видел себя, девятнадцатилетний: художник-демократ, свободолобивый, независимый, исполненный «пафоса протеста и самоутверждения», «в котором задор и бравада уживаются с глубокой серьёзностью», и только грусть в глазах выдаёт тревогу, незащищённость перед миром, в который вступает. Наверное, и самому художнику эта работа была особенно дорога.

Она прошла с ним через всю жизнь через многочисленные невзгоды, переезды с квартиры на квартиру, и только после смерти художника жена передала его в Русский музей.

Академический курс Василию Максимова давался легко, он шёл одним из первых в 1-м десятке. Профессора считали его кандидатом на

Займ хлеба. Х.м. 1882 г.

все высшие отличия академического курса серебряных и золотых медалей и, наконец, самое высшее — поездка в Европу на шесть лет для окончательного усовершенствования в искусстве, чтобы возвратиться достойным звания и деятельности профессора.

Однако, пройдя академический курс за три года, неожиданно для преподавателей и товарищей художник отказался от конкурса на большую золотую медаль. Получив в 1866 году звание классного художника 3-й степени, покинул стены Академии художеств и отправился в деревню; сначала в Шубино Тверской губернии, в имение Голенищевых-Кутузовых, на должность домашнего учителя, а затем в родное Лопино. «Поездку за границу я никогда не считал верхом благополучия,— пишет художник в «Автобиографических записках»,— находил её даже вредной для молодого человека, не знающего своей родины. На чужбине легко подвергнуться соблазнам и потерять

свежесть чувства любви к родине. Какой я ценитель иностранных городов, когда не видел своих, а по возвращении, пожалуй, своего-то не сумеешь понять и оценить, набравшись чужого духа...»

С деревней, за которую болела душа, связана большая часть творческой биографии В. М. Максимова. Лопино, Чернавино, Любша — его родные места. Именно здесь написаны лучшие работы художника. Он нашёл свою тему, он её разрабатывал — каждый раз по-новому, и оставался ей верен до конца. Его боль за простых людей, его знание и тонкое понимание крестьянской души — на полотнах. Творчество Максимова часто автобиографично, сюжеты картин не придуманы, взяты из деревенской жизни и его собственной, наполнены его переживаниями.

В 1867 году на выставке общества поощрения художеств экспонировалась первая большая картина Максимова «Бабушкины сказки».

Удостоенная первой премии, она тут же была приобретена П. М. Третьяковым. И потом почти все значительные работы Максимова находили место в галерее Третьякова. Павел Михайлович внимательно следил

за творчеством «народного» таланта, ценил его, поддерживал материально.

Стойким последователем идейных принципов передвижничества, его «кремнем», называл В. М. Максимова И. Е. Репин, с которым вместе учились в Академии. В члены Товарищества передвижных художественных выставок Максимова приняли в ноябре 1872 года, но его работы были представлены уже на первой выставке товарищества. И потом редкая передвижная обходилась без его участия. Его картины приветствовал известный художественный критик того времени В. В. Стасов, называя художника «национальным талантом».

В. М. Максимов познал и успех, и славу. Но удержаться на их гребне не просто. Как пишет художник М. М. Далькевич, «картины В.М. пользовались симпатиями и возбуждали интерес лишь до тех пор, пока мода не прошла, не воцарились новые требования и вкусы...»

Бабушкины сказки

Бедный ужин

Вот оно — начало конца. Семья становится больше. Картины не продаются, а если и продаются, покупатели не торопятся платить. Нужда всё сильнее заявляет о себе. Силы слабеют, руки опускаются...

Кто сытый ест обед,
Не купит, знаю, «Бедный ужин»,
А автору мужицких бед
Богатый покупатель нужен...

— горестно напишет художник о своей картине «Бедный ужин», суровая и трагическая простота которой была малопривлекательна для покупателя.

Повороты времени и судьбы непредсказуемы. «Давно считавшийся утраченным шедевр передвижника Василия Максимова “Утро вдовца” ушёл за 420 тысяч евро...» — это информация со шведского аукциона Stockholms Auktionsverk 2007 года.

«Утро вдовца» художник написал в 1883 году в непростое для него время. Ему трудно было согласиться с новыми вкусами и новыми зарождающимися течениями в живописи. Приспособиться не пытается, ищет новый круг сюжетов. Из путешествия по Волге, которая привлекает его с самого первого путешествия по ней в 1866 году, привозит эскизы к задуманной картине «Хлебный караван в Рыбинске» (1886).

Выдающийся ученый, географ и путешественник П. П. Семенов Тянь-Шанский использует её фрагмент (суда с хлебом) в своём многотомном труде «Живописная Россия», где опубликован очерк о городе Рыбинске. Однако так называемая «деревенская» тема настолько прочно сидит в художнике, что он снова и снова пишет сюжеты из родной ему среды: «Слепой хозяин» (1884), «Лихая свекровь» (1893), «Пережил старуху» (1896). Может, и нет в них того размаха, на который художник делал

Утро вдовца. Х.м., 1884

заявку в первые десятилетия своего творчества, но это хорошо сделанные, оставляющие щемящее чувство сострадания, искренние работы. «Беда моя, что я трушу соврать перед жизнью...» — признавался Максимов в одном из писем Третьякову. Он писал правду жизни, ту, что видел.

В те же, девяностые, когда художник обстоятельствами жизни отлучён от родных мест, он создаёт небольшие, проникнутые ностальгией, небольшие работы «Будущий художник» (1899) и «Опять на родине» (недатированный).

Вместе с другом, литератором В. П. Острогорским, они едут по пушкинским местам, и как результат — совместный юбилейный «Пушкинский альбом» с рисунками и акварелями В. М. Максимова.

В последние годы жизни художник работает над картиной «Прощёное воскресенье», которая осталась незавершённой.

Нужда и лишения, болезни делают своё дело. В 1911 году, в ночь с 17 на 18 ноября (по старому стилю) В. М. Максимова не стало. Умер в Петербурге. Похоронен, как и хотел, на родине, на Васильевском погосте — неподалёку от деревни Лопино, от Чернавино и Любши, где создавал свои замечательные полотна.

Наследие художника «растворилось» во времени — даже в Третьяковской галерее и Русском музее многое ждёт своего часа в запасниках. Но этот час обязательно настанет, потому что не за горами время, когда только по картинам Максимова и можно будет представить, какой была, чем жила российская деревня позапрошлого века, а это — немаловажный пласт нашей национальной культуры.

Рыбинск.

И. Е. Репин в посмертном очерке о В. М. Максимове предвещал: «Пройдут века, а эти простые картины только чем-то сделаются свежее и ближе зрителю будущих времён и интересов. А чем? — это вовсе не загадка и не таинственный символ — это самая простая русская, вечная правда».

О том, что художник Василий Максимович Максимов участвовал в работе «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева, было известно. Этот факт упоминает писатель Ал. Алтаев (М. Ямщикова) в очерке о художнике-передвизнике, опубликованном в 1914 году в журнале «Голос минувшего».

Подтверждает его и письмо жены Максимова, Лидии Александровны, П. М. Третьякову от 11 июня 1898 г.: «Вас[илий] Макс[имович] получил весьма выгодное предложение: участвовать в новом этнографическом издании князя Тенишева. Нужны рисунки и тексты из народного русского быта...»

Стать корреспондентом «Этнографического бюро» В. Н. Тенишева В. М. Максимова предложили не случайно. «Из поколения художников 60–70-х годов, — пишет искусствовед Ф. Рогинская, — только Максимов обладал тем глубоким, органическим и конкретным знанием крестьянского быта, а главное, интересом к внутреннему укладу жизни крестьянской семьи, которое давало ему возможность правдиво воссоздавать интерьер крестьянской избы с её светцом, с лучиной, русской печью, обвешанной пучками трав, зыбкой, прялкой и другими предметами повседневного крестьянского быта».

Прощённое воскресенье. Х. м., 1911

*Портрет В. Н. Тенишева.
Леон Жозеф Флоран Бонна.
Эрмитаж*

«Русский американец» князь Тенишев

«Этнографическое бюро» в Санкт-Петербурге было создано в 1897 году известным русским промышленником и меценатом князем Вячеславом Николаевичем Тенишевым (1843–1903 гг.).

Князь был незаурядной фигурой в России последней четверти XIX века, современники называли его «русским американцем». Отмечали; расчет, сметливость, какое-то особое везение, своеобразная организация труда, свойственная крупнейшим мировым фирмам, позволили В. Н. Тенишеву встать в один ряд самых видных в то время коммерсантов нового, европейского типа.

Отец Вячеслава Николаевича, князь Николай Иванович Тенишев, управлял путями сообщения в Царстве Польском, строил первые железные дороги. Сына воспитал в офицерском духе. Закончив частную гимназию в Москве, Вячеслав поступил в Санкт-Петербургский университет, но был отозван отцом в Варшаву. Завершил своё образование в германском городе Карлсруэ. получив диплом инженера путей сообщения.

Ему не было 20 лет, когда отца не стало, так что карьеру он делал совершенно самостоятельно.

Деталь группового портрета.
Автопортрет В. М. Максимова. Х. м., 1864

Трудиться начинал на Московско-Курской и Рижско-Орловской железных дорогах. Пользуясь глубокими техническими знаниями, хорошо чувствуя экономическую конъюнктуру, В. Н. Тенишев стал успешным предпринимателем. В 26 лет основал свой первый завод — на Гутуевском острове в Петербурге, выпускавший лесопильные рамы на паровой тяге и другую технику. В 1872 году на Московской политехнической выставке Гутуевский завод получил Большую золотую медаль за усовершенствование лесопильной машины на двух рамах. В. Н. Тенишев

имел предприятия в Ростове-на-Дону, два лесопильных завода и коззавод породистых рысаков в Орловской губернии.

В июле 1873 года князь Тенишев — в числе основателей «Акционерного общества Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода». Предприятие было создано в Бежице, но называлось Брянским заводом. Предполагалось заниматься выплавкой чугуна, выделкой железа и стали, приготовлением из них изделий, производством всякого рода машин и принадлежностей для железных дорог и судостроения. Со временем Брянский завод превратился в крупнейшее металлургическое предприятие страны, а В. Н. Тенишев в 1879 году становится во главе предприятия, и акционерного общества. Ему было тогда всего 35 лет. Продукция завода не знала себе равных, а предприятие развивалось небывало высокими темпами.

Княгиня М. К. Тенишева дала своему супругу такую характеристику: «Это был человек с железной волей, сильный духом. Он мягко, без малейшего усилия умел заставить говорить и делать, что хотел. В обращении он был добродушен, в манерах, туалете — более чем прост.

Меня подкупало в нём то, что он был совершенно несветский, серьёзный, образованный человек, любил и понимал музыку..., но более всего — его сильный, независимый характер. Для него не существовало

ни предрассудков, ни препятствий в достижении раз поставленной цели. Редкий тип человека, настоящий самородок!»

Как истинно деловой человек, князь постоянно участвовал в деловых операциях, вкладывая капиталы в различные предприятия, в том числе — в завод по выпуску сельскохозяйственной техники в Петербурге, был членом совета Петербургского международного банка. Вся деятельность В. Н. Тенишева продиктована заботой о поддержке русских инженеров и изобретателей, об устранении зависимости российской промышленности от иностранных фирм. Как организатор производства, он ориентировался на новейшие технические достижения, на инженерное творчество. Его заводы предоставляли свою продукцию на различные выставки, получали награды.

В середине 90-х князь отошёл от дел Брянского завода, продал своё имение (Хотылево) и решил посвятить себя занятиям «для души». К этому времени состояние В. Н. Тенишева было достаточным для того, чтобы

Семейный раздел. Х. м., 1876

А. А. Максимова. Фото 1870 г.

удалиться от дел, заняться научной и благотворительной деятельностью. Круг интересов В. Н. Тенишева был очень широким — образование, социология, этнография.

Княгиня поддерживала взгляды мужа. Особенно супругов Тенишевых заботило состояние образования в России. Вместе им удалось создать стройную педагогическую систему, которая была воплощена в программах различных учебных заведений, открытых в Петербурге, Брянске, Смоленске.

При поддержке князя княгиня М. К. Тенишева открыла при Брянском заводе ремесленно-духовное училище на 60 человек, ремесленную школу для девочек. В селе Хотылево была создана школа для сельских детей. В учебных заведениях Тенишевых сироты и дети из бедных семей принимались в первую очередь и на полное обеспечение.

В. Н. Тенишев был глубоко убеждён, что самое большое количество умных формул в голове ребёнка не сделает его богатым и счастливым, если он не сможет применить их в жизни.

Энергия князя была направлена на практические, реальные задачи, связанные с воспитанием молодого поколения. Его педагогическая концепция была успешно реализована в создании привилегированного учебного заведения — Общеобразовательной школы князя В. Н. Тенишева в Петербурге. В 1896 году Тенишев открывает школу, а в 1900 году преобразовывает её в училище.

В училище были: собственная обсерватория, две библиотеки, насчитывающие свыше шести тысяч томов, класс естествознания с амфитеатром и столами для самостоятельной работы. На воплощение своей идеи князь потратил 1,5 миллиона рублей, ежегодные дотации на содержание зданий и оплату труда преподавателей составили 50 тысяч рублей. В основу учебного процесса легли принципы, отстаиваемые Тенишевым: отсутствие принуждения и обучение реальным знаниям, которые могут пригодиться в жизни, соответствие получаемых сведений возрастным и физическим особенностям детей.

Программа была рассчитана на 8 лет. В училище принимали мальчиков любого сословия, национальности и вероисповедания, способных внести плату за обучение. Училище давало коммерческие и общеобразовательные знания; преподавались химия, физика, немецкий и английский языки, законоведение, поощрялось написание рефератов на общественные и гражданские темы, участие в литературных и исторических диспутах, занятия спортом. Переводных экзаменов и отметок не было.

Научные интересы В. Н. Тенишева лежали в области этнографии и социологии. Князь был убежден, что многонациональное Российское государство сможет сохранить своё единство только тогда, когда каждый живущий в ней народ сохранит свой язык, самобытную культуру, связь со своими корнями. Он надеялся, что социологические и этнографические исследования помогут разобраться в сложном мире человеческого общения.

В связи с этими идеями Тенишев решил организовать сбор сведений о жизни самой большей части населения России — крестьянства. Для этой цели он и организовал в 1897 году в Петербурге «Этнографическое бюро».

О деятельности бюро — чуть позже, потому что нельзя не вспомнить ещё об одном мероприятии, которое прославило князя, стало его триумфом — это Международная выставка 1900 года в Париже, русский отдел которой он возглавлял по поручению Российского правительства.

В. Н. Тенишеву приходилось координировать работу поставщиков, подрядчиков, рабочих, управлять сложным механизмом выставочного комплекса. Благодаря огромной энергии князя и таланту приглашённого им главного художника экспозиции Константина Коровина русский отдел пользовался у посетителей большой популярностью. Замысел устроить Москву в сердце Франции блестяще воплотился в жизнь.

Заканчивая в Париже демонтаж Русского отдела, князь, безусловно, не мог предположить, что именно здесь, в этом городе он и окончит

В. М. Максимов. Фото 1862 г.

Х., м.,

свои земные дела. Вячеслав Николаевич умер скоропостижно в гостинице «Риц» на Вандомской площади 25 апреля 1903 года. Франция устроила пышные похороны русскому князю, который в жизни предпочитал простоту, скромность, демократичность.

В. Н. Тенишев вписал своё имя в российскую науку и культуру. Книги и исследования его, открыв новые важные направления в науке, не потеряли своей актуальности и в наше время.

Вернёмся к «Этнографическому бюро», созданному Тенишевым в Петербурге. Задача его состояла в сборе этнографических сведений о крестьянстве и «городских жителях образованных классов». В 1897 году

В. Н. Тенишев издаёт программу этнографических сведений, которая включала в себя около 500 вопросов обо всех сторонах жизни человека.

В 1898 году при участии краеведов В. Н. Добровольского и А. Ф. Булгакова выходит второе, исправленное и дополненное издание «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России». Это была уже более конкретная программа и она предусматривала сбор материалов по 10 разделам: «физические и природные свойства крестьян; местные условия жизни крестьян; общие указания об образе жизни крестьян; общественные установления, обычаи и законы; отношения крестьян между собой и к посторонним лицам; верования, знания, язык, письмо, искусство; семья, обычный порядок жизни; сближение полов, брак; рождение детей, воспитание, обучение; выходящие из ряда обстоятельства».

Каждый из этих основных разделов программы состоял из нескольких параграфов, в свою очередь, уточнявших характер сведений, которые должны быть предоставлены сотрудником. Хотя в программе нет специальных вопросов о фольклоре, в отчётах сотрудников бюро множество великолепных фольклорных текстов.

От корреспондентов этнографического бюро В. Н. Тенишев требовал прежде всего точности и достоверности, рассматривая их как «свидетелей народного быта», настаивал на точной фиксации виденного и слышанного.

«Сотрудник, — писал он в обращении, предпосланном программе, — должен постоянно помнить, что от него требуются факты, а не общие отзывы и выводы».

Работа по сбору информации проводилась на местах в течение трёх лет — с 1898 по 1900 год.

Х., м.,

Х., м.,

Корреспондентами «Этнографического бюро» (364 человека) были учителя, земские работники, волостные писари, духовенство, семинаристы, реже — крестьяне. Труд оплачивался гонораром в размере от 15 до 30 рублей с печатного листа (35 000 букв) в зависимости от достоинства материала. Известно, что в целом содержание «Этнографического бюро» обошлось князю Тенишеву в 20 000 рублей, что представляло значительную по тем временам сумму.

Материалы, собранные благодаря «Этнографическому бюро», уникальны по своей научной значимости. Они дают достоверное представление о русской традиционной культуре на рубеже XIX и XX веков. От корреспондентов бюро поступило 3492 рукописи из 23 губерний России.

Но опубликовать их князь В. Н. Тенишев не успел: в 1903 году его не стало. В 1904 году материалы этнографического бюро поступили в фонды этнографического отдела Русского музея, ныне Российского этнографического музея.

К сожалению, за сто с лишним лет, которые прошли после передачи тенишевского архива в музей, публикаций о нём было немного. «Без движения» практически лежала и рукопись В. М. Максимова, за исключением небольших выдержек из рассказа о колдуне. И только недавно полный её вариант увидел свет.

В 2004 году этнографический музей приступил к изданию

Х., м.,

«Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева». В томе № 6, который вышел в 2008 году, опубликованы отчёты корреспондентов по Санкт-Петербургской губернии, в том числе и Новоладожскому уезду.

Корреспондентами «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева по Новоладожскому уезду были учитель Яков Афанасьевич Афанасьев (д. Никитино Городищенской волости — ныне территория Киришского района) и известный русский художник В. М. Максимов. Материалы Я. А. Афанасьева были сформированы в рукописном фонде архива «Этнографического бюро» в одно дело, отчёт В. М. Максимова — в восемь довольно масштабных дел.

Василий Максимович работал над ними, как указано им самим в рукописи, с 1898 по 22 января 1899 года. В задачу Максимова входило показать «срез» жизни крестьян на рубеже веков на территории Спасовщины Усадицкой (так в тексте) волости Новоладожского уезда (с. Усадище и деревень Бор, Мыслино и Бёзово).

Х., м.,

Сведения, собранные художником, позволяют увидеть разные стороны крестьянской жизни на территории не только Усадищенской, но Иссадской, Михайловской волостей.

В отчёте корреспондента В. М. Максимова содержатся ответы на большинство вопросов «Программы этнографических сведений о крестьянах Центральной России князя В. Н. Тенишева». Как и на своих полотнах, художник старался осветить каждую тему в отчёте так же ярко и выпукло — с пословицами, поговорками, местными речевыми оборотами. Писал о том, что хорошо знал: о рыболовстве на Волхове, коновальстве, других занятиях крестьян; подробно описаны свадебные обряды, приведены фольклорные тексты.

Так что у читателей данного издания появилась уникальная, а может быть, пока и единственная возможность познакомиться с отчётом

сотрудника «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева художника Максимова, который более сотни лет был малодоступен.

А теперь вспомним одну из наиболее известных работ В. М. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Если внимательно читать рассказ художника о колдуне Семёне Шабаре, понимаешь, что этот самый колдун и послужил отправной точкой для сюжета картины, ставшей для нашего земляка громкой на века славой. И познакомился с ним художник отнюдь не тогда, когда поехал на охоту в сторону деревни Чернецкое, как пишет он в отчёте для «Этнографического бюро». Первая их встреча состоялась в далёком детстве, детстве, ещё счастливом, когда ещё была жива мама. И связана эта встреча со свадьбой старшего брата Алексея на «девице по имени Варвара» из деревни Чернецкое.

В «Автобиографических записках» Максимова читаем: «Вошёл какой-то человек с собакой и, не снимая шапки, стоял у порога. Все гости переглянулись и шептали друг другу: “Колдун, колдун пришёл”, — тогда дядя о. Трифилий (дядя Максимова — Трифилий Кедров служил

Приход колдуна на крестьянскую свадьбу. Х., м., 1878

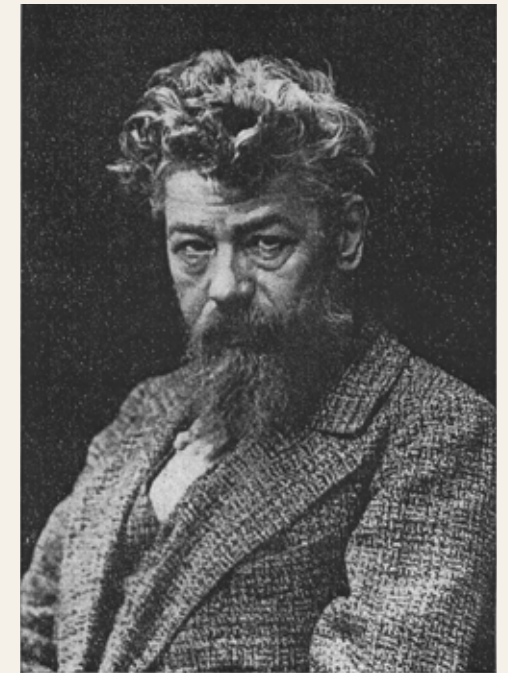
диаконом Новоладожского Николаевского собора) встал и громко сказал: “Колдун, подойди сюда, выпей за здоровье молодых красоулю и уходи, не мешай пировать...” Поднесли колдуну водки, дядя сунул ему в руку какую-то монету и колдун исчез со своей собакой...” Теперь понятно, почему колдун Шабара захаживал и в родную деревню Максимова — Лопино: проводывал племянницу, Варвару.

Вот так из ранних детских впечатлений возникла у художника «хоровая картина», как символически назвал «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу» великий Стасов.

Вернёмся к письму Лидии Александровны (жены художника) П. М. Третьякову: «...Нужны рисунки и тексты из народного русского быта...»

С «текстами» — отчётом корреспондента «Этнографического бюро» Максимова теперь мы будем знакомы. Возможно, придёт время, «всплывут» из каких-то запасников и рисунки, написанные художником специально для проекта князя Тенишева. Но и те картины, этюды, рисунки, что уже известны, со временем приобретают для этнографов всё большую и большую ценность.

...Знакомясь с отчётом В. М. Максимова, корреспондента «Этнографического бюро» князя Тенишева, невольно размышляешь о том, как же непредсказуемо соединяются в истории человеческие судьбы. Художник В. М. Максимов и князь В. Н. Тенишев — такие разные и такие похожие — в своем служении Отечеству, основам культуры: единомышленники с глубоким интересом к сокровенным народным корням. Проект «Этнографического бюро» объединил их имена, ещё раз позволил убедиться в самобытном таланте художника Василия Максимовича Максимова.

В. М. Максимов. Фото кон. 1890-х гг.

Галина Стерликова

Лесной сторож. Х. м., 1893

Корреспондент Василий Максимович Максимов¹.

1898 – 22 января 1899 г.

*Новоладожский уезд, Усадицкая волость,
местность Спасовщина (с. Усадище и д. Бор, Мыслино и Безово)*

Физические и природные свойства крестьян

1. Мужчины среднего роста, большинство, и меньшинство — ниже среднего роста, худощавые, с правильно очертанным черепом, высоким лбом, голубыми и серыми глазами, редко с карими, взгляд умный, плутовато-заискивающий, полные губы, зубы чудесные белые, волосы чаще белокурые, изредка темно-русые. По статности, ловкости движений спасовцев, как взрослые, так и подростки и дети, отличаются от всех крестьян, занимающихся земледелием. Женщин редко встретишь среднего мужского роста — чаще их рост уподобить можно малому росту мужчин; редко попадаются красивые очертания лица, серые умные глаза скрашивают часто встречающиеся чухонские черты². Взрослые девушки статны, поворотливы, также как и малыши. Как мужчины, так и женщины — сухощавы. Девушки и дети обоих полов — в теле.

2. Зрение дальнозоркое, глухие — редкость. К большим холодам невыносливы, жаров не боятся. К тяжёлой работе не способны, как и к переноске тяжестей.

¹ Печатается по изданию Российского этнографического музея «Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева». Т. VI, 2008.

² Имеется в виду антропологический тип, характерный для прибалтийско-финского населения северо-запада, представителей которого русские часто называли «чухонцы».

Местные условия жизни крестьян

3. Местоположение С. Усадище и д. Бор на одном поле, их разделяет погост и церковь. Обе эти деревни лежат на плоских местах, окружены полями и кустарником, тянущимся на версту и более; изредка попадаются молодые лесочки на местах вырубленных лесов, есть небольшие участки леса (полосы), отведённые на каждое общество.

Базар бывает один раз в году, 26 ноября, на Егория¹: продают дровни гнутые и копырни², суровские товары³ и крендели. Ближайшие заводы — кожевенные, кустарные (в Леоновщине, Вячкове, Раменье, Задневе, Лаптеве, Зеленце, Ясновицах); на них нанимают не более 2–3 работников (средний годовой оборот 300 руб., только в Лаптеве за 1000 руб.).

Церковь (от губернского города 196, от уездного — 47 вёр[ст]) находится в с. Усадище. Волостное правление, урядник, земская почтовая станция там же; почтово-телеграфная — 14 вёр[ст], в Гостинопольской пристани. Земский начальник в 37 вер[стах]. Становой пристав в уездном городе, 47 вёр[ст].

Дороги до того отвратительные, что (у крестьян много поговорок) по ним ехать можно в сухое время, но после дождей, когда размякнет глина, с возом надо на хорошей лошади, колеи выбиты, фашинник расхлябается, болото наполняется водой, выступающей на дорогу и только кой-где ее чинят, т.е. начинают чинить порядком, не более 3 верст) до почтово-телеграфной станции.

От Усадища до р. Волхова 14 вёр[ст], за рекой начинают проводить шоссе до Новой Ладogi. До Николаевской ж[елезной] дороги⁴ 74 вёр[ст].

4. Что даёт земля крестьянам. Рожь, при хорошем удобрении, родит сам 6, а то сам 4 и даже сам 3; без навоза и семян не соберёшь. Овёс приходит сам-другой. Весной для посева надо купить по 5 руб. за куль, а осенью от нужды продать по 3 руб. 75 коп., в дорогое время — 4 руб. Горох сеют только для забавы детей — по 1/8 меры. В огородах сажают капусту,

¹ День великомученика Георгия Победоносца, осенний Юрьев день.

² Разновидность лопаты или мотыги.

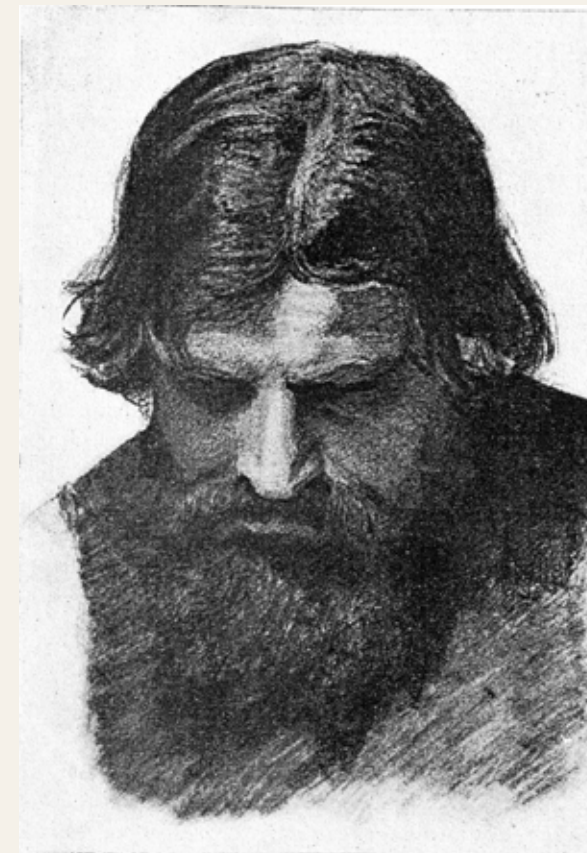
³ Сурожский товар — шёлковые или бумажные, реже легко-шерстяные ткани.

⁴ Первая двухпутная железная дорога, построенная в середине XIX в. и соединившая Санкт-Петербург и Москву. Движение пассажирских составов началось 25 сентября 1850 г., но официальное открытие дороги состоялось только 1 ноября 1855 г. С 1923 г. получила название «Октябрьская».

свеклу, морковь, брюкву и огурцы, но, кроме капусты, ничего не хватает до начала великого поста. Садоводством занимаются очень усердно: это доходная статья хозяйства. Сажают яблони: «боровинка», «коробовка», «чулоновка», «мирон», «антоновка», «полумирон», «белый налив», «конвиль», «сахаровка», «кустовка». Средним счётом продают на 50 руб., — «да сами идим — сколько поспием». Вишни сажают немного, считают вредными для яблонных деревьев; цена на вишни 4–5 коп. фунт, а сбор их совпадает с полевой работой. Собирают морошку, «глажи», в монастырских лесах, ходят, пробираясь по тропинке, а справа и слева — мох, бездонная пропасть. Морошку-«глажи» по 5 коп за фунт продают в город на стойку.

«Брусница» (брусника) от 50 до 80 коп. мера. Клюква до 1 руб. за меру. Рябину возят в Петербург. Грибы собирают для домашнего обихода. Всех лесных продуктов продают средним счётом на 25–50 руб. Охота не распространена между крестьянами: порох дорог (1 руб. 25 коп.), и необходимо брать свидетельство на право охоты. Несмотря на сказанные неудобства, охотятся на тетеревов, рябчиков и дупелей, выручая за осень от 15 до 25 руб.

5. Полезные и вредные животные. Редкий крестьянин держит более одной лошади. Коров держат, глядя по сему, от 2 до 4 и даже 5 штук, занимаясь выпайванием телят для отправки в Петербург; цена за пойного телёнка летом доходит до 40 руб., средняя цена — 30 руб. Свиной и овец редко кто держит: корму мало, — «лису нит — травы нит». «Волков нит по безлисию, да если когда и появятся — стрелять никому, да и нельзя:

Голова крестьянина. Рисунок, 1865–1871

Голова мужика. Рис. 1869 г.

говори уряднику, а тот становому, а волки — сиди; так бери их волков на чепóчку себѣ». «Вот тоже зайцы — проклятая животи́на! Шесть рублей штрафа, как убьешь в непоказанное время, а вреда от него страсть сколько для садов. Вот так бы этого начальника сухой яблоней в рыло и сунул! Ну, да мы бьём их, что поспием: говядину уряднику, — он и молчи!» Вредные насекомые появляются в Спасовщине; крестьяне узнают их по скоплению ворон: «Онѣ лучше зайца: хоть иногда унесё цыпленка, — это случай, — а червей зато хорошо уничтожают. Без ворон надо снова сиять».

6. Климатические условия в отношении к крестьянской жизни.

23 апреля¹ выгоняют скот для молебствия: пастух после водо-

святного молебна, окроплённый св. водой, «обходит» 3 раза всё стадо, держа в руках св. икону Георгия Победоносца, хлеб, вербы, зажжённую свечу и красное христово яичко. Крестьяне его поздравляют, угощают, и он с этого дня ходит «на ночи» от одного крестьянина к другому. Травы для корма ещё нет, но стадо выгоняется в сухие места ежедневно ради того, чтобы «скотина привыкла друг к дружке». К 10 мая земля оттаёт, начинают сеять горох, потом овес, — «овес сий хоть в воду, да в пору». Весной в Спасовщине дорог нет не только в дальний проезд, а не попадёшь в соседнюю деревню: не из всего прихода попадают к христовой заутрене по бездорожице. «В эту пору начальство к нам не ѣзди: перво, что взять ни́чего, друго́ дѣло — дороги нит». Сенокос начинают после Иванова дня² (24 июня), а иногда после Петрова дня (29 июня); в хорошее лето рожь поспеет к 15–20 июля, яровое начнут жать кряду после

¹ 6 мая н. с. — День памяти великомученика Георгия Победоносца.

² 7 июля н. с. — Рождество Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

ржи, справятся к 15 августа; в дождливые годы всё затягивается недели на 2 позже. С жатьем управиться можно урывками, — уборке хлеба больше мешают дожди. Бывает так, что рожь не успеешь убрать, а овес и ячмень выжаты. Сплошь и рядом заморозки зайдут к Ивану постному¹ (29 августа), картофель копаешь только днём, не оставляешь сохнуть на полосе, — прямо из земли везёшь под крышу, сыплешь на солому, да соломой закрываешь: помёрзнет, гляди. В такие годы половина осенчины останется неораной. С Воздвиженья² (14 сентября) морозцы станут постукивать, к Покрову³ жди первого снега и зимы. На большую редкость бывает зимой такой холод, что не идут на работу; вот метели чаще задерживают дело, — в зиму наберётся, пожалуй, больше недели этакого времени, «что не с избы вон».

¹ 11 сентября н. с. — Усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

² 27 сентября н. с. — Воздвиженье Честного и Животворящего Креста Господня.

³ 14 октября н. с. — Покров Пресвятой Богородицы, один из Великих праздников.

. Рисунок.

Общие указания об образе жизни крестьян

7. Одно хлебопашество даже при лучших условиях не обеспечивает жизни крестьян, потому в Спасовщине спокон веку повелось искать подспорья: таким подспорьем являются: торговля скотом, выпойка телят, садоводство и отхожие заработки — коновальство, истребление насекомых, торговля мешками, торговля фруктами и разной мелочью в разноску по закрытым учебным заведениям, где они сбывают кроме товара дозволенного товар недозволенный — вина, даже ссужают молодёжь деньгами, конечно, беря с них изрядные проценты.

Первый и важнейший из промыслов в Спасовщине — коновальство. Есть народное предание, будто Пётр I, заметив, что в кавалерийских полках постоянно лечат лошадей ладожские коновалы, расспросил, откуда они этому научились; узнавши же, что у них ведётся это исстари, повелел основать в с. Усадище коновальскую школу. Когда умер Петр I, школа закрылась. С той поры явилось много вполне знающих людей, и так до сей поры учатся дети от отцов, ходя вместе на чужую сторону с молодых годов. Ходят в губернии: Петербургскую, Новгородскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Псковскую, Смоленскую, Витебскую, Могилевскую, Ковенскую, в Эстляндию, Курляндию и др. Везде у них есть свои постоянные места; старший, отец или дядя, водит с собою молодого своего преемника, который обыкает мастерству на мелком скоте, привыкает к чужим обычаям и языку. Коновалы заправские уходят на работу 2 раза: с июля (после сенокоса) до ноября и с первой недели Великого поста до вешнего Николая¹ (9 мая). Сборы в дорогу просты: 3 смены белья, запасной рабочий пиджачок со штанами, пара ручников, запасные онучи. Сложив всё это в кожаную кису (вроде бурдюка) — и готов в путь-дорогу. Накануне выхода сходит на могилки родителей, встает пораньше утром, затеплит лампадку — помолится Спасу, великому ченику Георгию, мученикам Флору и Лавру, целителю Пантелеймону, поцелует жену, детей — и пошёл. Из дома выйти старается втихомолку, по задворкам, бабам хныкать не дозволяется. Большая забота коновалу достать снадобья (сулемы), необходимой при кладке; она обходится ему до 15 руб. за фунт, без свидетельства доктора им не отпускается одного золотника, все же они сулемой раздобываются. Это главный денежный

¹ 22 мая н.с. — Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (1087). Праздник восточных и, в меньшей степени, южных славян, молдаван и румын.

расход, а на дорогу надо немного — лишь бы хватило до первой работы. Поневоле путь держат на Питер. У некоторых зажиточных коновалов есть свободные деньги для внесения хозяину залога в обеспечение своей работы; денег он не носит с собой, они положены в ближайшем от места работы кредитном учреждении. У одного из таких коновалов пропали 7000 руб. в Новоржевском судо-сберегательном товариществе¹, обанкротившемся в прошлом 1897 г. Эта подробность сообщена мне г. Карповым, земским начальником Опочковского уезда Псковской губернии.

Общая прибыль работающего с залогом за выход — от 500 до 1000 руб., без залога за выход — 200–300 руб. Приносят домой за выход от 150 до 400 руб. «Как не положить залога, — говорят коновалы, — не так смило работаешь, оттого чаще неудача, зато вертишься вокруг хозяина билом, раньше дила наскажешь ему о жеребёнке, что у него сроду-то не так, друго не ладно, — приступаешь к работе, положась на милость Господню... В таком случае, если что и худо случится, не тянут в суд». По сообщению волостного Усадищского старшины и писаря Григорьева к ним в волость изредка поступают из разных губерний на коновалов жалобы и требования арестовать имущество неудачника-коновала, — обыкновенно отвечают: «Никакого имущества у такого-то крестьянина не

¹ Судо-сберегательные товарищества для крестьян открывались при содействии земств, образованных в 1865 году; предоставляли крестьянам выгодный кредит и возможность накопления средств.

Коновал. Рис. 1894 г.

имеется, повинностей казенных за ним числится столько-то» и т.д. Тем дело и кончается. Жалуются вообще на уменьшение работ, находя причиной этому семейные разделы. «Бывало, жили большими семьями, по 17 и больше душ вместе, лошадей по 7–8 держали, сколько жеребят, бычков, боровков, овец, а теперь разделились — ни у кого ничего не стало. Другое дело: накопилось много ветеринаров, они к нам придираются, требуют свидетельств, грозят судом, науськивают на нашего брата собаку-урядника, его надо потчевать, задабривать: всё расход. Положим, ходили мы все по насиженным местам, где нас знают и ждут в известные сроки, а всё уж прежней простоты не стало. Бывало, сколько мы из одной Финляндии денег натаскаем, теперь в Выборге своя коновальская школа и страховое общество, которое, в случае неудачной работы, уплачивает убыток. Туда продолжают ходить и теперь лучшие мастера; хорошо зарабатывают. Наш спасовский коновал Волков получил даже медаль за свои работы. — Одни желают круговой поруки, другие утверждают,

Задворки. Рисунок, 1871

что сделать этого нельзя, ведь не все знают хорошо своё дело, да и плутов, говорят, из нас много. Вот бы хорошо, кабы на подъём где можно было занять за небольшие проценты». «Теперь бы время идти — говорят коновалы (в Бору, Усадище, Безове, Мыслине), — так подняться ни с чим — нада обмолотить ржи, продать яблоки, скопить деньжонок, тогда и пойдёшь, а время уходи, нас не жду: глядишь, кто побогаче, пораньше вышел — твою работу и перехвати, иной скаже, что Иван се лита умер, либо — что другое совре, — придёшь, только посмиёссе». «Мы, — говорят коновалы, — на всё мастера: коли своей работы нит, а испить надо, — подойку поличишь, чтобы молоко стало вкусня (вкуснее), от бесплодия бабам наговоришь, отвориши ли, приворожиши ли кого надо, потеряшку ль каку сыскать, — всё-всё можем. Иной вик колдуном не был, а на чужой стороны всих бисов в ход пусти, штобы денег добыть». «Хто собой не дорожи — лошади ухо навари, только таких мало». «Василей, а Василей! Ты лудче скажи, как ты мужика обобрал: одну рубашу оставил?» — «А я так рассчитывал, что ты там пройдёшь, так для тебя оставил». «Молодому в коневалах сподручния — бабам скоря угодишь, а угодишь, дак и за столом посидишь».

Дороги им известны в самые отдалённые места. Как подходит пора, так коновалы, что птицы по весне, потянутся кто куда. «А великой-то пост неволей пойдёшь, обожь шти с оболочками хлебать (щи без подправки иначе называют двухэтажными). Молодых мужиков и другой грех поманивае — зазноба: на дви семьи много наших живё, — извисно дило, здишняя семья — главная, об этой заботы боля». «У нас земля плохо родит, зато бабы родят хорошо». «Кабы не вино, да не карты, да не бабы — не столько бы домой приносили». «Когда легчишь жеребца, хозяин требует показать ему придатки. Иной раз самолучший мастер не сможет оттянуть оба яичка, животное подбирает их очень высоко в себя. Вырезать одно, другое оставить — значит, испортить жеребца. Вот, когда предстоит такой случай в незнакомом месте, припасёшь куриное яйцо, сваренное в крутое, очистишь от скорлупы и держишь в кармане. Удачно взял оба придатка, куриное яйцо съешь, неудачно — так измажешь его в крови и покажешь хозяину вместе с другим. Вот уж тут и забота поскорее «лапаты дать», — уйти. Со мной был такой случай, — рассказывал один коновал. — На другой год повстречался я с хозяином жеребца на баре, отвернулся, будто не узнал, сам думаю: беда! а он взял меня легонько за воротник, отвёл в сторонку: поедем, говорит, ко мне... Что же. принудил второй раз класть жеребца. Иначе, говорит, не пущу с места, избыю. Как вывели жеребца — приступу к нему нет: едва свалил. С отчаяния

я обработал его чисто. Две недели держал меня тут под призором, пока опухоль опала. Корил меня хозяин, зачем тогда обманул, а всё же смиловался: даже 10 целковых дал за работу. Хуже нет, как одно яйцо возьмёшь: жеребец станет ярливее, не только кобылок, лошадей грызет; даже человека заест во время ярости. Ни в какую работу не гожд. Продать такую скотину сумеет один цыган». (Слышано в д. Веретее). «В д. Рамежье был коневал Яков, богатый мужик; про него шла слава нехорошая, он только считался раскольником, а под старость веры был совсем другой, да и сына Ивана, что кожевенный завод имел, — в ту же веру свёл. Этот был горбатенький, голосок тоненький, на бороде 5–6 волосков, и баб до смерти не любил. Худая это вера, коли баб нельзя любить! Вон, у нас, по монастырям монахи, и те до баб охотники — и большим грехом не считают. И что за грех бабу любить? Бабему хвосту нит посту. Зато вот у раменского Якова-богача всё с рук вышло, прахом сгинуло». (Сообщено Василием Ивановичем Князевым).

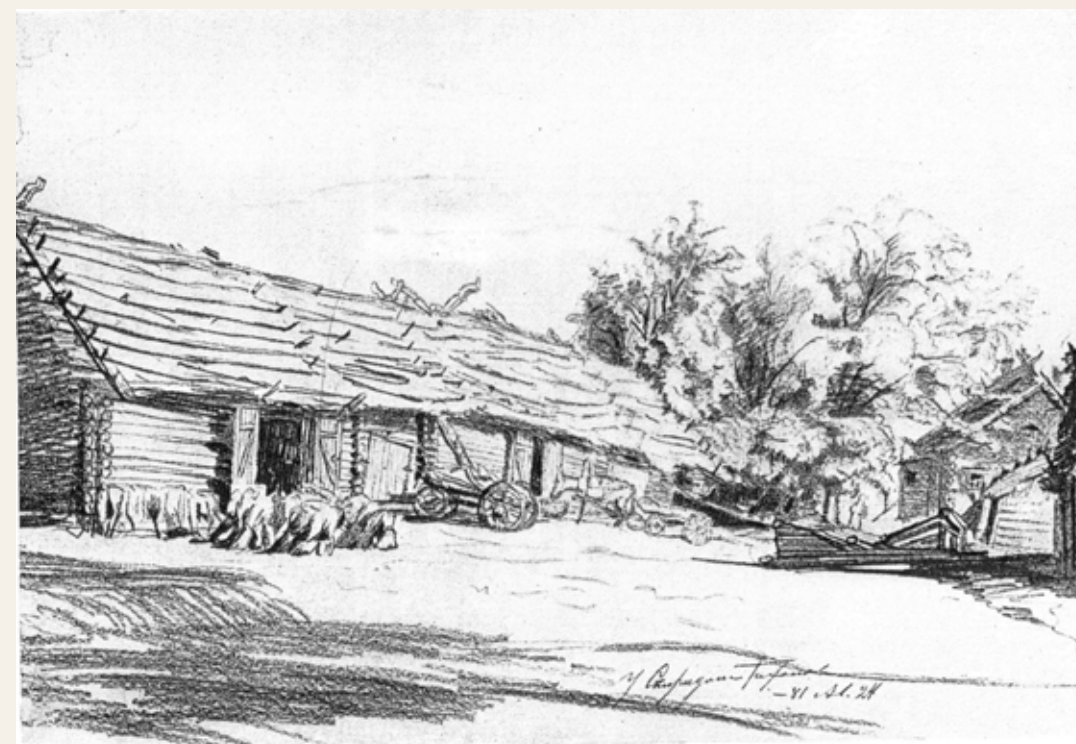
Старик Семён Григорьев (теперь церковный сторож) так рассказывал о «наружном виде коневала»: «Пока в деревне живёшь — справляешь всякую работу и сам о себе забываешь, что ты коневал и на сусидей гледишь такжо. Как приде пора идтить, сгношишься деньжонкам и велишь топить байну (баню), вымоеesse втожно (тогда) на родителей¹. Бывало, которы побогатия, да далече шли, дак молебны служили на отходи, ну, а мы дома молились... Надинешь на себя всю сбрую: сумку с мидным конем, на ей нависишь ланцепты всяки, ножички, топорочки, крючечки, зализны (железные) клешши, деревянну точену колотушечку, запасец крипких ниток гля (для) перевязки, через плечо ремень, — все начишшено, так и сняе (сияет): вот тут и сам себи виришь, что коневал. Накладе баба в кису смины дви-три платья (белья), да иды на день, на другой, — весь коневал стал. Присил на лавку, встал, перекрестилсе и с деревни вон. Прежде друг от дружки не тались, — с деревни ихали на конях, пять-шесть чоловек вмистя до Старой Ладоги; оттуль нанимали до Питера каково-нибудь «водохлёба» (так называют спасовцы крестьян приречных деревень). Зато коневала здалека узнавали, — он, как вывиска в городи мастерсво обозначал. А топерь коневала от барина не отличишь. Диковина, как оны самы себи вирия, што оны конёвалы! Замисто прежной с конём сумки — сумка господская через плечо, свальный ремень и тот в кису забье. Строги стали годы — нельзя, штобы на показ. Говоря, по иным мистам в трахтирах с однова (так вот и)

¹ Родительские субботы, Дни поминовения усопших (25 мая, 26 октября, 9 февраля (ст. с.)).

урядник камие слухае (часуется, ждёт случая); чуть гомон пойде, што де коневал здись работы ишше (ищет), стане присыкать (приставать), — ну, тогда ублажай его, как умиешь. Тоже вот насчет перебоя мистов: вдосуль (прежде) чужие люди не манили (не врали), што такой то де умер, либо не може (нездоров), а ноне, как семьи роздились, дак сын у отца работу перебивае, про роднаго отца намеле — страм слухать! Я уж годов с пять не хожу — стар стал, в руки нит прежной вирности, да ни на кого натягивать — один, как перст. Гриха таить ничево — пьянствовать стал не в миру. От земли отказался, — не сию, не ору, а сыт, слава Создателю!»

Коневалы, вообще, народ общительный, словоохотливый до краснобайства, порядочные бахвалы, не прочь показать чувство собственного достоинства; иные крайне циничны в своих откровеничаньях. «В Польши со мной одинова (однажды) такой был случай, — говорил Семен Григорьев, — прихожу я к знакомому хозяину; стричае меня молодица и жалитса, што нит на молоки устоя. Я поглядил в подойку, в горшки,

Сарай у Спиридона Тихонова. Рисунок, 1881

Крестьянские титы. Рис. 1872 г.

да и говорю: «Дило не ладно, нада кое-что поладить. Затопляй, говорю, печь, да скипети воды, да собери вси, какие у тебя горшки». Той порою пошёл за деревню, наломал вересу (можжевельника), набрал камня, принёс, а сам ничего не показываю. Велил всим с избы вон выйти. Камня накалились, вода скипила, я положил вересу в подойку, в горшки, — и ну сажать и в каленое камень. Как налил я на их кипятку, как зафурчало, загудило, — страсть! А я, для штуки, околе всево этово миста углем круг очертил. Всю посуду эту вымыл, тут и позвал хозяйку. С недилю жил я здись, хозяйка не нахвалитце устоем, а хозяин молоком. Подарила мни хозяйка на рубаху пестреди¹ важньющей». Другой коновал, слушавший этот рассказ, сказал: «Я не так хитро сдилал. При муже взял

¹ Пестрядь — домотканая материя из цветных нитей домашнего или фабричного производства в клетку или в полоску.

да и выпорол вичиной подойку, — опосля бабу научил, как надо парить. Ну, да зато мни ничево не дали!»».

Всего в Спасовщине коновалов молодых и старых 525 человек.

Тараканщики

Прямая противоположность коновалам — спасовские тараканоживотно-выводчики, или, как их просто называют, тараканщики. Это скрытный молчаливый народ, не любящий говорить о своих занятиях. Они преимущественно живут в Петербурге. Их сравнительно немного. Скрывают они свое дело по необходимости, потому что дело простое: купил порошок и посыпай. Главное — найти места, да места казённые, либо богатые дома, да удержать их за собой на много лет. Чуть обмахнётся тараканщик, скажет про место — другой сейчас примет меры, чтобы занять его: расхает порошок предшественника, докажет, как он вреден для людей, и пиши пропало. Работая по казённым местам, тараканщикам приходится обрабатывать делишки с заведующими хозяйственной частью; не обходится, конечно, без расходов «на подсыпку» этим господам. В былое время тараканщики для верной гибели всех насекомых клали в порошок мышьяк, за это их стали преследовать. Теперь дело в большинстве ведётся начистоту. Хозяин-тараканщик только места подыскивает, а для работы держит работников, смотря по количеству мест, от 2 до 10 и более. Держат работников в чёрном теле, платя в месяц от 5 до 8 руб. (на хозяйских харчах), постоянно заботясь, как бы работник не скопил столько денег, чтобы стать хозяином, т.к. места ему известны. набирают работников тоже в Спасовщине, из бедняков, задают им постоянно вперёд, и при таких условиях они спокойны за свои места. Работники через год поголовно больные, страдают малокровием, умирают в большинстве от чахотки. Приезжают эти работники на поправку в деревню, но здесь плохо поправляются: у кого в семье и корова есть своя, так молока всё равно нет, т.к. оно идет на выпойку телят; работа летняя страдная тяжела для изнурённого человека. Возвращаются из деревни и снова принимаются за свой каторжный труд. Помещение в Петербурге хозяева дают им до того скверное, что едва ли у каких других промышленников можно найти подобное. Богачи-хозяева смотрят на них не лучше, чем на истребляемых ими животных. В Спасовщине хозяев-тараканщиков 46 человек. Богатых тараканщиков 2: Лебедев (20 000 мест) и Ларькин (12 000 мест); прочих хозяев 44. Богатые тараканщики народ тщеславный, любят навешивать медали, для рекламы стараются получить дипломы, живут на господскую статью, для успеха дела знают

Крестьянин. Рисунок, 1881 г.

с вахтёрами казённых заведений, с экономами и экзекуторами.

О хитрости тараканщиков

Один хозяин очищал от насекомых здание большого женского института, вывел клопов, тараканов, блох и никак не мог уничтожить крыс, постоянно пугавших институток. Начальница погрозила пожаловаться высшему начальству на смотрителя здания; он струсил, послал за тараканщиком, — «так и так — говорит, — надо очистить здание от крыс». Хозяин послал за коновалом, который мараковал кое-что в чертовщине, поручив ему, во чтобы-то ни стало, «унять» крыс.

Взял коновал с него 25 руб., обещал сделать угодное. Пришла ночь; изловил коновал крысу в кладовой и ну её драть ремнем.

Уж он её драл, драл, — крыса еле жива осталась; потом отпустил в нору. И так сделал во всех помещениях, где водились крысы. Что же? С тех пор в здании института всё стало спокойно. А то один тараканщик не знал средства от черных тараканов. Коновал его научил: изловить несколько десятков тараканов, привязать одного к другому женским волосом и вести их связанными из квартиры в помойную яму, в которой надо приготовить заранее мочёного хлеба с сахаром. Привевши их к корму, надо дать им переночевать, чтобы они здесь поели, потом опять свести их в квартиру и пустить свободно; с тех пор все тараканы перейдут в помойную яму.

Часто тараканщиков пугают: «Смотри, парень, заедят тебя крысы!»

Мешочники

14 человек из Усадищенской волости торгуют в Петербурге мешками, имея подручных ребят, которые ходят по лавкам и лабазам, скупают мелкими партиями этот товар, а их хозяева, имея склады, оптом продают богатым фирмам по довольно высоким ценам. Эти хозяева — люди

довольно богатые, ради дел хотя и живут в Петербурге, но не выписываются из крестьянства, держат на родине хозяйство в большом порядке и часто наезжают проведать дом.

В отхожий промысел в свой уезд идут сапожники из деревень: Раме-нья, Устья, Заднева, Ясновиц, Вячкова.

В д. Славкове делают сани, тарантасы, вилы, грабли, точат прялки, загибают дровни. 5 скупщиков скота торгуют бойко, особенно летом; больше 200 штук скота продадут.

Изворотливость

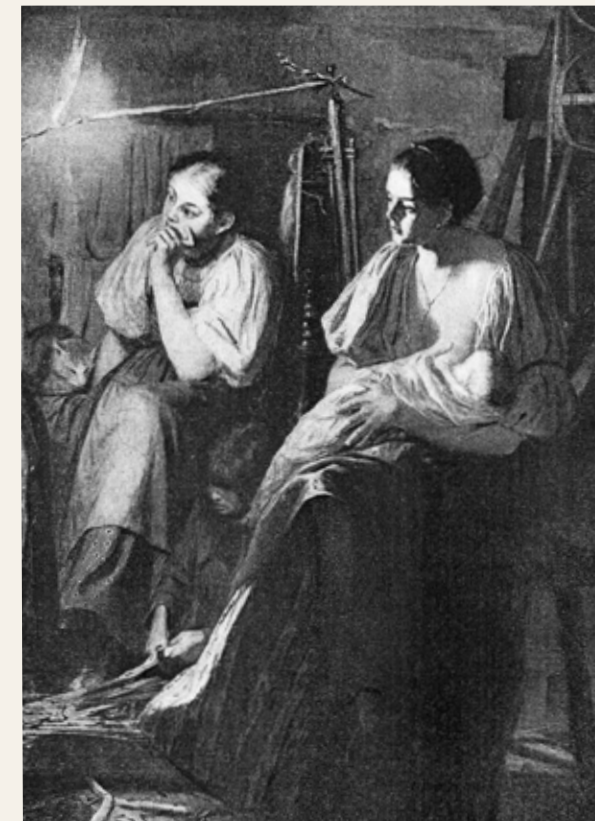
Выпросился коновал ночевать к богатой старухе, содержательнице постоялого двора; попросил поесть за деньги, разговорился с ней о том, о сём; она ему пожаловалась на беспамятность, как на великое несчастье при её хозяйстве. «А сколько заплатишь, бабка, я тебе памяти дам». — «3 рубля», — отвечает старуха. — «Садись на лавку и замружь (зажмурься)».

Пошептал коновал какие-то смысленные слова и говорит: «Теперь будешь помнить!», получил 3 руб. и ушел. На другой год опять пришел к старухе. Она на него вскинулась: «Ах ты окаянный! Даром взял с меня 3 рубля, ведь я по-прежнему беспамятна!» — «Не ври, старуха, кабы ты была беспамятна, ты забыла бы о трёх рублях!»

Бахвальство

На масленице 2 брата поехали кататься в одной паре сапогов (других не было). Каждый одел по сапогу, один на правую, другой — на левую ногу, и выставили наружу. Не вывалились они из саней на повороте, — не узнали бы, что у двух братьев всего одни сапоги.

Деталь картины «Бабушкины сказки». Х.м., 1867

Верования. Знания

О колдунах

Рассказ Григория Семенова Шабары, крестьянина Новоладожского уезда, Иссадской волости, д. Чернецкой, о том, как он сделался «знающим человеком» — попросту колдуном.

После смерти отца остался я большаком 25 годов; младшего брата Степана в тот же год отдали в солдаты и угнали в Польшу, — это было за 2 года до войны с анличанкой¹, еще при государе Николае Павловиче². 2 сестры были, девки на выданье, жили по людям, у меня тогда уж и своих было трое малышей да жена — несмышлёная баба. Мать моя, Акулина Николаевна, была старуха чудная, днём, зиму и лето, лежала на печи, а по ночам, — летней порой, — когда все улягутся спать, уходила в поле травы собирать; вороха ворохами навешано их было у нас на чердаке. Смекал я, что она из них делала, но в ту пору хорошенько её не расспрашивал, не знал, что скоро они мне пригодятся; а она, разбирая эти травы, сказывала мне, какая трава от какой болезни пользительна.

Хаживали к ней чужие люди издалека, — она лечила их. Соседи, да и по всей округе, побаивались её, поговаривали, будто она «знается». Вот отчего я не мог путной невесты высватать, а пришлось взять первую нищую, можно сказать, оборыша, мою дуру, Аксенью Ивановну, — всё из-за матери. И, правду сказать, было за что бояться моей матери. Лицо у ней всегда было такое, не к ночи будь сказано, что не только чужие, иной раз, сплеха, её и мои дети пугались: волосы седые, нос горбатый, долгий, росту высокого, ходила, сгорбившись, — летом в одной рубахе, босая, зимой — в крашенинном сарафане³, без пояса и в лаптях. Ничего, что ей было 3 года на 9 десятков, и любила сидеть на печи, а стужи не боялась. Чаю этого она сроду не пивала, у нас при ней и заведенья этого в доме не водилось. Бывало, когда, озябнувши, приедешь из леса или с другой какой работы, у ней приготовлено в печи из разных трав и цветов чудесное горячее питьё, — со второй чашки вспотеешь. Чашки у нас были простые глиняные, из которых ребята молоко хлебали. Строгая, властная была покойница, не много говорила, а уж что скажет — словно в руку положит.

¹ Крымская война 1853–1856 гг., в которой выступила коалиция стран — Великобритания, Франция, Австрия, Османская империя и Сардиния; Анличанка — королева Виктория.

² Николай I (1796–1855).

³ Сшитом из однотонной домотканой материи, окрашенной в разные цвета.

Раз, это было зимой, все в избе спали, я проснулся, зажёл лучину, собрался идти к лошади; взглянул на печь, а мать сидит, свесив на лежанку ноги, и что-то про себя шамкает; я ее спросил: «Что тебе, мать?». «Выдавай, — говорит, — сестёр замуж; скоро сваты приедут; выдашь сестёр, тогда и я умру». «Болтает, — думаю, — зря старуха», и пошёл из избы, не сказавши ей ни слова. Только успел я дать лошади сена, слышу, кто-то подъехал к нашей избе. Постучались у сеней; отворяю, вижу: знакомые люди. Это и были сваты к старшей сестре, Степаниде. Дело сладили с двух слов. Не успели мы эту свадьбу отпировать, как посватались за младшую сестру, Варвару, что в Лопине за Алексеем была. Все люди дивовались, что такой хороший жених заехал в наше залесье. Оно точно, Варвара была девка красивая, обиходливая; жила долго у нашего попа в работницах, и тряпья этого у ней было накоплено порядочно. Хоть и оборвался я с этими двумя свадьбами, а все же радовался, что сестёр пристроил. Что же, ведь угадала мать свою смерть! Дожила она до великого поста безо всякой хвори, только уж ни в какое дело не вступалась, не помогала моей беспрокой бабе основать став, как это было прежде. Вот и пошла моя беспрокая баба на весь день в чужую избу став сновать; я уехал в лес за сеном, ребята одни остались с бабкой. Воротившись из леса, я послал парня за своей бабой; заглянул на печь, — матери там нет; ребята сказали, что бабка давно ушла в подполье. Я зажёл лучину, спустился в подполье, вижу, мать лежит мёртвая, да такая страшная, что меня мороз по коже подрал: глаза выторщены, зубы оскалены, руки сжаты в кулаки... Я без памяти бросился оттуда в избу. Пришлось звать соседей, вынести её из подполья. Как увидели её соседи, мертвую, да этакую-то страшную, долго никто не смел к ней приступить.

«Колдунья, — говорят, — она; оттого и умерла “без дару” — без покаяния, не как добрые люди». Я помолчиваю и сам то же думаю.

Этюд головы колдуна. Х. м., 1875

Деталь картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Х. м., 1875

Едва мы её и в гроб положили. А все-таки не могли ей закрыть глаза: либо тот, либо другой открывались; пробовали тяжёлые медные деньги класть, и это не помогало. Такая страшная и осталась. Читальщик, наш старый пономарь, привычный ко всяким покойникам, а не смел на минуту остаться в избе один с этой покойницей. Хорошо, что поп наш был добрый человек, так упросили его похоронить мать на кладбище с родителями без всякого начальства¹.

И сами, долго боялись мы нашей покойницы: в подполье по одиночке никто из нас не спускался.

Нечего сказать, выдался мне

на веку этот годок: еще не успел свалить с плеч одного горя, другое, пуще, садится на плечи. В самый наш годово́й праздник, в Троицын день, у одного у меня изо всей деревни сгорела изба. Я с ребятами тогда у обедни был. От нашей деревни до приходской церкви будет версты 4. Обедня кончилась, выхожу я из церкви со своими гостями и вижу в той стороне, где наша деревня, дым — черный-причерный. так столбом к небу и подымается, сразу видно, что горит хоромина. Гости мои, кто помоложе, бросились бежать со всех ног, а я не могу с места сдвинуться, — словно пудовые гири кто привесил к ногам. Спасибо, добрые люди усадили меня на телегу и привезли в деревню. Как свеча, горит одна моя изба, из окон пламя так и пышет — приступу нет. Тележёнку из придворка да еще кой-что из мелочи похватали добрые люди, прочее же, что было в избе, в клети всё, всё до синя пороха сгорело. Горе меня такое взяло, сказать невозможно, а тут ещё моя шальная баба перед глазами суется, показывает мне, что спасла пироги все до единого, которые настряпала для

¹ Священник был наделён юридическим правом констатировать факт смерти, за исключением насильственной, а также скоропостижной без покаяния и причащения. В этих случаях разрешение на погребение выдавалось после осмотра тела полицией.

гостей и ещё успела захватить из клети 4 матушки пряжи, суёт всё это мне в руки, дурища. Народу скопилось множество, успели разобрать амбар и развалить двор. Осталась у меня одна новая хорошая баня, что за огородом стояла, вот и всё. Отчего и где загорелось, так и не допытался я от своей бабы. Соседи оба уцелели. К вечеру от моей избы осталась груда угольев и кирпича. Звали соседи ужинать, да мне не до того было, я устроил семью в бане, и принялись мы есть спасённые бабой пироги. В ночь на Духов день зашла такая страшная гроза, я думал, светопреставление начинается; дождь так лил, как из ведра, всю ночь; от пепелища шёл пар, словно из горшка.

Поутру мужики подняли лежни¹, залили последние искры и спокойно стали справлять праздник: слышались песни девочки, заколобродили пьяницы, а мне тошно становилось от этого веселья. На третий день праздника, с самого раннего утра я стал копаться на своем пепелище, искать железа, разбирать годные кирпичи. Досушие праздничные люди бродят вокруг, жалеют, прибедривают, в досаду только вводят, так бы, кажись, разорвал их всех, этих жалельщиков. Однако укрепился я: ни слезы моей никто не видал, ни слова от меня не слышал. Только всё думалось: за что это меня одного Бог наказал? Сгори вся деревня, а не одна моя изба, не так бы обидно было.

Горшок с чертями. Роюсь я этак, молча, у заднего двора, между камней, на которых стояли жерновицы, и вижу, закопан под жерновицами в земле глиняный горшок, закрытый плотной глиняной же крышкой. Соседи тут все вертятся; не хотелось мне при них выкапывать из земли этого горшка, да уж очень они все пристали в один голос. «Бери, — говорят, — Григорий, скорее; гляди, тебе мать клад оставила».

Обругался я самым скверным словом, пославши их на лес на тёмный, а сам так подумал: а что ежели и в самом деле в горшке деньги. Не вытерпел, при чужих людях выкопал горшок и снял с него крышку. Вдруг из горшка пахнуло таким страшным смородом, и словно дым какой вылетел из горшка. Все, кто тут были, опрометью побежали прочь. Я, таки, мигом и сообразил про себя насчёт материна занятия и не стал здесь, на пепелище, днём, рыться в горшке, снёс его в баню на чердак, отложил досмотр до ночи. Долог показался мне этот день, — разбирала охота узнать, что такое положено в горшке. После этой находки даже близко ко мне никто не подошёл во весь остальной день. Да и я рылся здесь так,

¹ Горизонтальные брёвна или брусья.

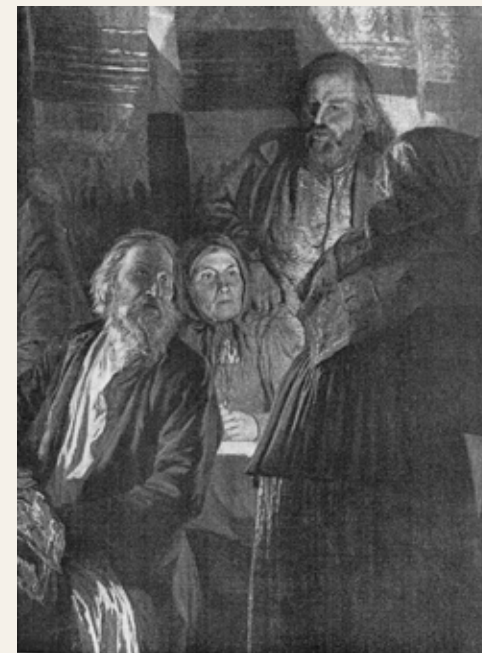
только чтобы как-нибудь скоротать время. Наконец, дождался я, когда все в деревне уgomонились. А только страшно мне было приступить к горшку. Сердце так и замирало, в ушах шумело, в голову словно кто молотком стучал, руки и ноги дрожали, когда я взял горшок и начал спускаться по лестнице в предбанник, чтобы светлее было рассматривать находку. Припёр банную дверь колом, чтобы не вышла из бани моя баба, приотворил дверь на улицу и начал легонько ковырять в горшке палочкой. Обуглившийся комок шерсти, истлевшая рукавичка лежали поверх всего, запах гари и какой-то гнили мясной позывали на тошноту, я, почти не помня себя, схватил горшок и опрокинул его на разосланный на полу передник. Вдруг я увидел червонцы. Тут пропала вся моя брезгливость, стал я голыми руками копаться в вонючей слизи и нашел 11 червонцев, 2 серебряных рубля, да мелочи на 4 с полтиною.

Кольцо колдуни. А самая главная вещь в горшке была — это золотое кольцо с тёмным камнем, в него продета дужка замка, запертого на ключ. Когда я открыл этот замок, одел кольцо на палец — большую силу слышал я в себе. Дал зарок не тратить ни копейки из материнских денег, пока не начну строиться, и никому виду не давать о находке. Сложил я вместе с передником всю свою находку назад в горшок, кроме кольца, засыпал сверху песком, закрыл той же самой крышкой и сейчас же пошёл акапывать его за своей баней; закопал его в землю на целый аршин глубины, наносил с пепелища кирпичного мусора и заклил, чтобы деньги не достались в чужой род. После этого, что бы я ни делал, из ума не выходила моя покойница мать, накопившая своим промыслом лекарки столько денег. Как только я себя помнить стал, отец мой покойный был человек несмышлёный, — ни дать ни взять, как моя Аксенья, — а жили мы с достатком, значит, матерью держался весь порядок.

Подошло, что житье наше такое, хоть удавись. Баба моя, хоть и дура была, а догадалась забрать ребят и пойти собирать на погорелое. К Иванову дню наносила она и посуды и платья всякого, больше чем у нас было до пожара, — одними деньгами насобирала больше 20 руб. Вот на эти деньги я обделал баню: сложил в ней печь, пристроил к ней уцелевший от пожара амбар, из старого двора собрал придворок для коровы и лошади и принялся за летние работы. Дело всякое спорилось, ни в чём людей не отставал. К зиме выхлопотал я из казёной дачи лесу, сватовья, спасибо, пособили его вывозить к деревне, оскобленные бревна скатали мы в штабель и покрыли; пускай, думаю, лежит; придёт время — построюсь.

А только живучи дома, век свой не понравится после всех этих потычек. Надумал я идти на чужую сторону. Пройдём, думаю, год-другой, ворочусь настоящим «знающим» человеком, не хуже покойницы матери буду мастерить всякие дела. А куда идти? Мать моя была родом из Олонецкой губернии; мне рассказывала о своей стороне. Как там просто жить, скоро разбогатеть, ежели кто с умом, — и сколь часто попадают такие «знающие» люди, что с ними не в силу тягаться ни попу, ни доктору. В Питер меня не тянуло, грамоте я не знал, мастерства-ремесла, значит, тоже никакого не мараковал, оставалось идти в работники. Весной ходил к сватовьям, поклонился, чтобы не оставили мою бабу, справили бы ей пашню, взял в правление годовой паспорт¹ и отправился прямо в Петрозаводск. Остановился я на постоялом дворе, за хлеб-соль помогаю дворнику кой-что, а сам зоблюсь² на счет места.

Пристатилось³ один день так, что дворника услали за каким-то делом, а в это время подъехал ко двору мужик или купец, только одет чисто, видно, что богатый, и цепочка от часов толстая-претолстая на шею надета, а сам едва жив; просит он меня прибрать лошадь, я тому и рад, справил всё в лучшем виде. Лошадь чудесная, сбруя, тележка — отменные. Прибравши, вхожу в избу, вижу, приезжий человек больнёхонек сидит у стола припечалившись. «Прибрал, — говорю, — твою лошадку,

Деталь картины «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Х. м., 1875

¹ С 1830-х гг. до конца XIX в., никто не имел права отлучаться от места постоянного проживания без паспорта. Обязательным было предъявление паспорта при переезде из одной губернии в другую на заставах, установленных в городах, а по прибытии на место — полиции. Для крестьян и мещан выписывали паспорта трёх категорий, в зависимости от расстояния, на которое удалялось лицо от основного места жительства, и срока действия документа (максимально — три года).

² От глагола «зобаться, зобиться», т.е. беспокоиться, хлопотать, заботиться, стараться.

³ Оказалось кстати, пошло на пользу.

будь благонадёжен, в свое время напою и корму дам». Наутро проезжий больной, узнавши от хозяина, что я ищу места, предложил мне проводить его до дому, я обрадовался работе, и около полудня мы уже выехали из города. В дороге мы разговорились. Ему надо было работника, а мне — хозяина, — на первом же привале я и нанялся к нему на год в работники. Через сутки подъехали мы к его дому. Деревня на Архангельском тракте¹, пребольшая, а его дом с лавкой, с постоянным двором, одно слово — богат, как есть! Скоро позвали меня в горницу. Новый хозяин мой, Иван Петрович, сидит со своей семье за столом, чай пьёт: «Вот, — говорит, — этот старик — мой дядя, ты его слушайся, да говори с ним погромче, он глуховат; а вот моя жена и дети. Живи, — говорит, — Григорий, слушайся наряда, не будешь обижен ни хлебом-солью, ни жалованьем; должность твоя быть дворником под рукой у дяди. Теперь летняя пора, проезжих мало, придётся и в поле поработать, а зимой тебе подручного найму». Понравилась мне вся семья, особенно хозяйка, Парасковья Ивановна. За лето я обжился у них, как в своем доме. Работал я сколько силы хватало, добро хозяйское берег; куда ни пошлют, всяко дело справлял с ображением; хозяева полюбили меня, в праздники, когда не было гостей, за всегда с собой за стол сажали; а главное то, что я водкой не занимался.

За лето хозяин поправился, весёлый стал, и годов ему словно убавилось. Парасковья Ивановна сказывала, что ему уже за 50 годов, а она моложе его на 15 лет. Эта самая хозяйка была ахти какая, бойкая, лицом красивая, глаза такие — всё бы на них и глядел. Пристанет, бывало, когда я с ней наедине, с расспросами: не скучаю ли я по жене, какую девку или молодницу здесь полюбил, ... а у самой, вижу, что на уме, ... только и я был не промах. Когда установился санный путь, проезжих валом повалило. Работы было столько, что в иные сутки часа 3 удастся заснуть, ну зато доходно, в неделю 5–6 руб. наберёшь.

Одежду хозяева справили мне такую — только бы в гости ходить. Не видал я, как год прошел. Выслала мне жена паспорт только на полгода, пора, пишет она, домой приходите. Ничего что я все свои доходные деньги ей отсылал, — звала самого. Около Воздвиженья хозяин уехал по делам и воротился к Покрову чуть живой, очень он сильно простудился. Стали его лечить без толку разные старухи, доктор немец приезжал

¹ Почтовый тракт, соединяющий Москву, Вологду и Архангельск. Построен при Екатерине II; представлял собой широкую грунтовую дорогу, обсаженную берёзами. В низинах укреплялась настилом из связанных прутьев и жердей, крутые спуски были вымощены камнем.

2 раза, и тоже не пришло пользы; целый месяц эдак маялся. миляга. Наконец-то, подумали послать вёрст за 50 за знающим человеком. Как раз в тот день, как надо ехать, мне ямщик привез из города письмо, жена была в волости, и там ей составили, чтобы я приходил домой, не ждал бы нового паспорта. Сказал я о письме хозяину, а он, бедняга, даже заплакал.

«Не оставляй, — говорит, — нас, Григорий, пока не помру, либо не выздоровью». Я обещал остаться и пошёл в свою комнату одеваться в поездку, следом за мной Парасковья Ивановна. Вошла и дверь заперла на крючок. Стоит она передо мной, вижу, слезы у ней на глазах. «Жил ты, — говорит, — Григорий Семенович, при здоровом хозяине, а теперь, что я без тебя заведу? Ты все наши дела знаешь, справляй же их заместо хозяина, пока сам не поправится; наградит он тебя за всё, я сама одарю тебя. Дядя — человек старый, несмышлёный, где ему за всем углядеть?». После этого она меня крепко поцеловала и сейчас же ушла в горницы. Я ошалел. Страсть, что за народ эти бабы! Перед отъездом в дорогу захожу к хозяйке, она сидит с дядей и говорит ему: «Денег, сказано, не жалеть, лишь бы только согласился с вами приехать к больному».

Порядком попутались мы со стариком, едва нашли деревнюшку, где обретался этот «знающий» человек. Кого не спросим в попутных

Деревянный жбан и резной ковш. Гравюра на дереве, 1884

Узорчатый гребень и прялка.
Гравюра на дереве, 1884

деревнях, все на нас как-то по особенно-му начнут поглядывать. Ну, думаю, видно уж очень «знающий», что его люди боятся. Под вечер приехали мы в деревню, здесь нам указали избу, где живет Михей Андреевич. Поодаль от деревни, почти у самого леса, стоит избушка о двух жильях¹, спереди и сзади, посередине сенцы. Нет ни придворочка, ни даже будки собачьей; дровами обложена вся избушка, только по этому и можно думать, что здесь живут. Постучались у сеней, залаяла собачонка, даже хрипит со злости, когда хлопнула избена дверь, собачонка сразу замолкла. Отворил нам сенцы старичок низенький, худенький — в чем душа, проводил нас в избу, а сам остался в сенцах. В избушке была черная печь. Несмотря на ярко горевшую в светце лучину, я насилу огляделся; вижу, на закоптелых стенах и к потолку привешены охапки всяких трав, запах чудесный такой: кот пребольшущий, черный,

как жук, сидит на шестке². Вошел и старичок; лицо всё в морщинах, бородка реденькая — кой-где волосок, лысина во всю голову, а брови такие, что едва глаза видны; голосок тоненький, совсем бабий. Засуетился он по избе, словно торопился найти что-то нужное, на нас с дядей и не взглянул, спросил только: «Очень хворает-то? Знаю, знаю, давно хворает!» Вместо слов дядя положил на стол двадцатипятирублёвую бумажку и стал звать Михея поехать с нами, как можно скорее, к его племяннику.

«А насчет всякого удовольствия и прочего мы, — говорит, — не стоим; деньги у нас есть, да вот здоровья не зашло. Да скажи на милость, где бы нам лошадку поставить; у тебя вот придворочка-то нет, не ровен час — зверь нападёт; самим бы тоже оборониться от тёмной ночи».

¹ Дом, состоящий из двух изб, соединённых сенями; окна передней избы выходят на улицу, задней — в огород, на зады; нередко такие дома строили под общей двухскатной крышей.

² Площадка перед устьем русской печи, сложенная из кирпичей или глины, для установки посуды; над ним обычно устраивали дымовое отверстие. Нередко на шесток выгребали горячие угли, на которых также готовили пищу.

Пока дядя всё это говорил, старик возился у печки, попеременно брал в руки то ухват, то кочергу, будто хотел достать что-то из печки, потом наклонился на шесток к коту и принялся его гладить, а кот выгнул спину, мякнул — вскочил старику на плечо и начал около него ластиться.

«Ставьте коня у крыльца, — обернувшись к нам, пропищал старик, — не бойтесь, никто не тронет коня, а ночевать будете здесь, у меня в задней избе. Чаю я не пью, дам груздочков, брусниц с толокном, а там и спать. А деньги эти ты возьми в мошну, не дело так деньги казать, може, я не надумаю ехать. Как ты думаешь, Жучка, надо мне ехать?», — обратился он к собачонке. Собачонка до той поры лежала спокойно, а тут сразу вскочила, завизжала, заходила вокруг старика, а сама на нас искоса поглядывает; знает, о чём ей говорит старик. После ужина свёл нас старик в крошечную заднюю избёнку, там было также тепло. Горела в светце лучина, соломы густо настлано на полу; посуды ни черепка, одна ступа с пестом стояла в запечном углу, как купчиха толстая; в большом углу ни образа, ни лампадки, весь угол затянут был запылённой паутиной. «Ну, думаю, славный житель этот старичок».

Дядя только успел доткнуться до подушки, захрапел, а я долго не мог заснуть; слушал, что делается в передней избе, дивился стариковым порядком. Кто зажёт здесь лучину, настлал соломы, положил подушки; отчего нигде образов нет? И опять старая дума запала в голову.

Перед утром прохватился я от какого-то шума, вышел на улицу поглядеть коня. Вижу, конь стоит у саней, покрыт рогожей под шлею, в хрептухе¹ свежий овес, ведро воды недопитое стоит у головяшки², значит, о нас кто-то зоблется. На другую ночь я почти не спал, хотелось узнать, что деется в той избе: старик всё с кем-то разговаривает, — кот благим матом мяукает, собачонка его, какая чуткая, только станешь с постели подходить к двери, она услышит и залает. Однако, за эти 2 ночи я много смекнул — пригодилось после. Задолго до рассвета вошел к нам в избу Михей, сказать, что он надумал с нами ехать: «Надо, — говорит, — закусывать и сряжаться в дорогу». У него наготовлено было с собой всяких трав, корешков, горшочков, мешочков, большая лубяная коробка доверху набита. Выходя из избы, Михей, обратившись к собаке и коту, сказал: «Живите, не спорьте, дом сохраняйте». Ни одних дверей на замок не запер. «Околеют, — думаю, — эти животные». А старик угадал мою думу да и говорит будто про себя: «Не околеют ни собака, ни кот, будут живы».

¹ Мешок из холста с кормом для лошади.

² Передняя часть саней.

Вид дали в Михайловском. Х. м., 1898

Под старика подогнана была отдельная подвода, и конь и сани такие важные. Старик сел; коробку поставил бережно в сани, вожжи привернул к передку, чмокнул и поехал передом. Дороги следа не видно, едет словно целиной, и спросить не смею, так ли едем... Диковина! Как это его лошадь так хорошо всякую дорогу знает? Старик спал, а лошадь свернула в сторону от прямой дороги и остановилась в деревеньке у самой крайней и самой хорошей избы. Старик побежал в избу и нам махнул рукой, чтобы шли за ним. Я смекнул, отчего он раньше нас побежал в избу; я всем своим смыслом доглядывал за хитрым стариком, но помалчивал.

Так оно и вышло. Я только вошёл в избу, увидел старуху, она ни дать, ни взять, родная сестра Михею, только окрота бабья, да бороды не росло на её бабьей роже. Изба просторная, чистая, иконы в переднем углу завешены пеленой, на пелене нашит из шёлковых лент крест, а лампадки, как в церкви, серебряные, большие.

«Поди вы чай пьёте, самовар не надо ли поставить», — обратилась она к дяде. Тот ничего не расслышал. Я сказал, что чаю надо приготовить. А Михей Андреевич в это время успел залезть на печь и захрапеть. Чай показался мне худой, после нашего хозяйского, а все же пили мы его с дядей всласть, посуда вся, самовары так нашколены как у хорошей попадьи. Предложила бабка сварить рыбки, — не отказались; подала она на стол картошки с рыжиками, пока варилась похлёбка; старика Михея словно толкнул кто-нибудь с печи прямо к нам за стол. Присмотрел я, что Михей нигде ни разу не перекрестился, не сотворил молитву. Денег с нас

старушонка не взяла. «Вы, — говорит, — гости Михей Андреевича». Поблагодарив её за угощенье, мы простились со старухой; она долго стояла на крыльце, провожая нас глазами.

Поздно приехали мы домой. Нас ждали с часу на час; хозяину притяжелело. Михей Андреевич, как молоденький, выпрыгнул из саней и прямо к больному. Хозяйка сказывала, он вбежал в горницу к её больному мужу, радостно пропищал: «Скоро, скоро будешь здоров», — и убежал в кухню.

Сколько его не уговаривали, не остался ночевать в доме; пошёл в баню со своей коробкой. За его конём мне велели глядеть. Наутро, чем свет, Михей сам начал топить баню; вместо колодезной воды таял снег, весь день никого не пускали в баню. Завечерело, велел нести хозяина в баню, сам его и закутывал; путь перед больным разметал метлой, приговаривая: «Дорожка, дорожка, будь гладка на Иваново здоровье с Парасковьюшкой».

В баню кроме меня никого не пустил. Раздели мы хозяина, положили на полоч, Михей велел мне приходить рано утром. А сколько у него тут наготовлено про больного всяких припасов; горшочков, чашек на

Х. м.,

Воспоминание. Рисунок, 1870

каменке, на лавках, — дух такой хороший по всей бане, соломы густо настлано на полу, воды нагрето столько, что хватило бы на десятерых. Рано утром я тихонечко заглянул в баню, вижу, хозяин закутанный на полу лежит, а Михей на полке храпит без памяти, видно, замаялся старик. Не чаял я в живых хозяина, брожу по двору, дело из рук валится. Вдруг, как из земли вырос, стоит передо мной Михей и сердито глядит на меня, — даже страшно стало.

«Что ж ты, — говорит, — не сказал хозяйке, что видел хозяина, али ты думал, что я его уморил. Живо идите с кухаркой за мной, надо хозяина выносить». Внесли хозяина в дом, Михей сам сварил гречневую размазню и из своих рук накормил хозяина, остатки доел сам и побежал в баню. Двери настезь, солому выносил в груды и начал снова топить баню, как в первый раз. В сумерки опять

снесли туда хозяина; на этот раз Михей велел мне остаться с ним в бане.

Научил он меня, как надо натирать больного, а сам беспрестанно поливал мне на руки тёплое душистое снадобье, приговаривая: «Брысь, цыц, ур, кык, небо, солнце, земля, вода...» До первых петухов возились мы с больным: тёрли, мыли, поили. Только что запели петухи, Михей бросил на каменку, наотмашь, какой-то черепок и закричал: «Грызи!», а сам неистово зареготал. Этаким манером мы 3 раза топили баню, хозяин стал посветлее глядеть, а говорить ему строго было запрещено. После третьей бани, вечером, Михей велел запретить в дровни своего коня, собрать всю употреблявшуюся в бане солому, сложить её на дровни и свезти в самое дальнее паровое поле и, пока всю её не сжёг, не отошел от места; все ходил вокруг огня да помешивал железной клюкой. приговаривая: «Огонь, огонь, сожги Иванову боль, разнесите, ветры, Иванову

боль по лесам, по болотам, по глубоким озерам, лютые звери, возьмите себе Иванову боль». При этих речах Михей становился лицом то к востоку, то к западу, то на полночь, то на полдень. А когда поехали к дому, он сел задом к лошади и всю дорогу помахивал клюкой в ту сторону, где жёг солому. Потом я с ним вместе топил баню, 3 раза в неделю, натирали больного меньше, из бани водили его под руки, есть давали всего, чего он захочет, говорить Михей позволил, но только со своими семейными, посторонних в те горницы, где жил хозяин не пускали.

Устал я за это время: надо было и за больным хозяином ухаживать, и дворницкое дело справлять; у меня хоть и был подручный, все же лестно было самому получить благодарность от проезжающих. Надо было деньги подкопить. Хозяйский расчет я держал в сомнении; хоть и имел дружелюбие с Парасковией Ивановной, каждый вечер слышал от неё ласковые слова, а всё думалось. Проезжающие господа частенько промеж собой стали поговаривать о какой-то войне с туркой¹, а у меня, почитай, 3 месяца просрочен паспорт, недолго, думалось мне, и в тюрьму попасть. Одним я был доволен, наукой Михея Андреевича, его ко мне расположением, обещанием ещё больше настроить меня перед отправлением на свою родину.

Когда хозяин стал поправляться, Михей Андреевич поряжал его на лёгонькую домашнюю работу: поколоть дрова, порыть снегу; не давал, значит, разлеживаться. Потом видит, что в нём нужды нет, стал собираться домой. Перед отъездом, когда хозяйка с детьми ушла в лавку, Михей

Х., м.,

¹ Вероятно, речь идёт о Крымской войне 1853–1856 гг.

позвал меня к хозяину и наложил на меня и на него такой запрет, чтобы никому, никогда ни девкам, ни бабам, ни даже попу на духу ни единого слова не сказывать, как он лечил.

«Ежели кто из вас проболтается, — говорил он, — вся боль снова воротится, и уже тогда никто на белом свете не вылечит». А мне сказал: «Вижу, ты любишь своего хозяина, ну так и должен эти мои слова крепко помнить. Завтра на заре я поеду домой».

Сколько ни унимал его хозяин погостить еще недельку, нет, не остался старик. Хозяин справил ему гостинцев целый воз: муки пшеничной мешок, по целому кульку круп гречневой и пшённой, рыбы коренной, ситцев — одно слово — воз! А денег, сказывала хозяйка, 50 руб. отвалил ему Иван Иванович. Мне велено было проводить Михея Андреевича.

На радостях ли, что много он получил за своё дело, или так просто полюбился я ему, только старик со мной был очень ласков. Не велел ни о чем тужить.

«Хозяин, — говорит, — тебя хорошо рассчитает, я так ему велел, и своему делу я тебя научу, чтобы ты на своей стороне век свой меня

вспоминал». Диву дался я, когда мы приехали к его избе: решительно всё у него было точно в таком же порядке, как мы, уезжая, оставили. В избе тепло; кот, собака живы, обрадовались старику, злая собачонка на меня уже не лаяла. В ночи я ему поклонился, чтобы научил меня своему делу, обещал ему в здешней стороне никого не пользоваться. Дал он мне на прощанье всяких трав, кореньев, научил готовить всякие мази, питьё; также насчет болезней мужичьих и бабьих много сказывал. Прозрительный был старик, догадался отчего я за ним ухаживаю. Сам мне сказал, что из меня толк выйдет. «Я, — говорит, — знаю, у тебя от матери есть средство, — молодец, что молчать умеешь. Вина не пей никогда в том доме, где лечишь».

Прехитрый старик, а молодец! Он

Ступа и пест. Рисунок, 1881

приметил, как я во время его заклятий потихоньку доставал из кармана материн перстень и надевал на палец, а потом снимал.

На другой день, по приезде домой, я стал просить хозяина отпустить меня на родину. Он ни словом не перечил. Благодарил за службу; за весь срок положил 200 целковых¹, да за уход во время болезни прибавил 15 руб.; одежду всю отдал мне, да сверх всего подарил суконную сибирку² со своего плеча. «Вспоминай, — говорит, — меня, да не забудь Михея Андреевича слова». С хозяйкой попрощался я особенно. Она подарила сукна на жилетку и на штаны, ситцу александрийского³, пятишницу сунула на дорогу, гостинцев ворох надавала. Добрая она была до меня! Долго я помнил её. Случились попутчики до Новой Ладоги, с ними я ехал словно купец какой, а не дворник с постоялого двора. Всю дорогу обдумывал я, всё, что видел и слышал за время отлучки из дома, и решил жить по примеру Михея Андреевича. Чем ближе подъезжал я к дому, тем больше прибавлялось во мне этой силы; чувствовал я, что становлюсь «знающим человеком».

В Ладогу приехали мы в базарный день; здесь пристатилось мне дешево купить порядочную лошадь, с упряжью и санями-розвальнями. Разузнал я в городе обо всем околотке, где что делается, и поехал в своё Чернецкое, как будто со вчерашнего дня оттуда. Дома меня не ждали, — не чаяли в живых. Баба, увидевши меня, от радости даже завывала, я думал рехнулась моя дурища. По дому у ней всё было исправно: подати заплачены, хлеба — до нового не приесть; денег больше 30 руб. сберегла из тех, что я ей высылал.

«Чем же ты, — спрашиваю, Аксенья, без меня промышляла, что и деньги есть и хлеб?» — «А я, — говорит, — по зимам с ребятами по миру ходила». «Ну, — думаю, — хоть немного у бабы ума, а догадалась, как без мужа прожить». Однако, не пускал её больше христарадничать. Весной начал строиться; а осенью уже семейство перешло в новую избу.

Сам я остался в маленькой избушке, только переделал внутри, как надо было для своего дела; по примеру Михея Андреевича и ставни на окна с болтами навесил. Без отдельной избы нашим делом заниматься

¹ Целковый — народное название металлического, а в более ранний период — серебряного рубля.

² Верхняя мужская одежда. Весеннее-осенние сибирки шили из сукна на подкладке или без, зимние — из сукна или плотного синего холста, на меху, кудели или вате. В середине XIX в. такая одежда считалась праздничной и модной.

³ Ситец красного цвета, иногда в полоску.

нельзя, — не всякий должен видеть наше занятие. Притом же у меня жена, дети подрастают, болтать начнут, не понявши, что к чему клонит.

Дивовались люди, откуда у Шабары столько денег взялось, что и дом и двор и всё в одно лето устроил. Материны деньги, однако, пришлось выкопать. Жил я воздержно, во всем соблюдал себя. Без толку с соседями не болтал, больше слушал да на ус мотал.

Начало деятельности Шабары. Ранней весной собирал почки, копал коренья, а когда расцвели цветы, созрели травы — всем запасся. Чтобы не судачили попусту, я для отвода сплетен завёл новое ружье, а собаку «Подмогой» назвал и стал ходить за полесовьем. Стрелять я и раньше был мастер, здесь по краю такого не было, — не приходил домой с пустой сумой. Дичь я носил в город, аптекарю — больше в подарок. Зато он мне таких лекарств отпускал, каких без доктора и за деньги не достать; конечно, он знал мою аккуратность.

Полечивал я осторожно соседей, потом слух дальше пошёл, — издалека заходили ко мне. Я нарочно сперва отрекался, что ничего не знаю, а как станут сильно упрашивать, призову в свою избушку да здесь и растолкую, как опасно пересказывать о моём лечении; брал заклятия с каждого. А люди пуще стали ходить ко мне. Скоро узнали меня далеко в округе. Деньжонок зарабатывал порядочно, да себе оставалось мало: работника приходилось держать по летам. Самому не всегда досужно было сидеть дома. И то, надо сказать, не пристало нашему брату руки мозолить. Чтобы войти в силу, надо жить по особенному, не как все мужики, при случае уметь себя показать. Вот пример. Сосед мой, завистливый, болтун мужичонко надоел мне расспросами о материном наследстве, я ему при встрече и сказал: «Скоро перестанешь ты совать свой нос в чужие дела», и сделал ему так, что его поносом чуть не замучило. Пришёл ко мне с повинной. Так и так, говорит, — «силы моей не стало, помоги, Григорий Семенович, век не стану пустого болтать и другим покажу». Я его излечил. Цыган ездил к нам в деревню к одному мужику в гости, услышал я, что он везде похваляется, что меня не боится, и что я ничего ему не сделаю. Надоело это мне слышать, — надо, думаю, унять болтуна. Улучивши такой случай, что он приехал к нам в деревню на краденой лошади, я велел парню позвать цыгана ко мне в избушку. Цыган с форсом таким пришел. «Что тебе, — говорит, — надо?» — «А вот, — говорю, — сядь тут на лавку, я только за печку погляжу». Гляжу за печку, стукнул, крикнул туда 3 раза, за печкой загудело-засвистало. Я пошёл к нему и долго, долго глядел ему в глаза. Вижу, цыган начинает трусить. Тут я ему и дал гону (гонку). Говорю ему: «Всё про тебя теперь знаю.

Идёт, — говорю, — мужик ко мне за советом, тот, у которого вы, 2 цыгана, угнали лошадь, идёт и скоро войдёт в избу...» Цыган встал на колени, начал со слезами просить избавить его от беды, обещался служить мне всякую службу, сулил дать денег. «Беги, — говорю, — скорее в сени, спрячься там в чулане, мужик подходит к избе». Цыган, ни жив, ни мертв, нырнул в чулан. Ко мне и вправду постучались. Я сказал: «Приходи погода». А цыгану велел бросить краденую лошадь и уходить из деревни; он так и сделал. С тех пор перестал цыган надо мной подшучивать.

Племянница была у меня, сиротка, девушка красивая, скромная, не стал ей проходу давать сын богача, довёл до того, хоть на улицу она не показывайся. При встрече с этим озорником я и говорю: «Попомни о Дуняхе, когда женишься». А он стал зубы скалить. В эту самую зиму он и женился. Я и на свадьбе не был, а сделал так, что не нужна ему стала молодая жена. Узнала от него мать и тёща, обе пришли просить меня. Я велел присылать молодого мужа. Явился он с повинной ко мне. Сделал я над ним, что надо, дал порошок, научил его, когда и как принять. После приходил благодарить меня, — значит, подействовало; а жена его всякий раз краснеет при встрече со мной. Бывает, что нельзя не подшутить: пусть знают люди, каков Григорий Семёнов Шабара!

Поп новый к нам в приход определился; старый батько помер, который мать хоронил. Должно быть пустозвоны наболтали обо мне новому попу, он нарочно послал за мной и начал допрашивать о разных разносях. Известное дело, я ото всего отперся. А поп опять. «Отчего ты, — говорит, — в церковь не ходишь? Отчего не исповедуешься? Я тебя, — говорит, — на покаяние ¹ отдам, тогда узнаешь, как отлынивать от церков-

Задумался.

¹ Церковное покаяние — наказание; согласно Уголовному уложению 1866 г. наряду с уголовным и исправительным налагалось за некоторые преступления. Виды и сроки покаяния определяло духовенство. Как правило, оно заключалось в подконтрольной молитве.

ной службы». В нашем околотке мне говеть¹ не сподручно; я с этого же раза и стал уходить в какой-нибудь дальний монастырь, где меня не знают: отговью, возьму свидетельство², принесу попу и опять прав на весь год. Жена и дети в церковь ходят, — чего еще надо? Обо мне перестали и говорить. Знают чудотворцы, что мы не богомольцы.

Алексеевна-колдунья. Есть тут в нашем уезде, в с. Ильинском старуха одна, Алексеевна, тоже по нашей части промышляет; она вот и в церковь ходит и с попадьями дружна, а для чего? — только чтобы за ней не доглядывали. А её дело только портить людей, всякое зло варганить, а чтобы помочь кому-нибудь в беде, на это у ней смысла не хватает (!). Много доводилось мне поправлять её скверные дела. Злитесь давно на меня этот оборотень. Докторов она нахрап ненавидит: распускает о них худую славу, чтобы у них не лечи-

лись; от больницы отбивает, говорит, будто эти доктора все подкуплены немцами и нарочно морят мужиков, чтобы после этого всю нашу землю забрать себе. А без докторов нельзя, они по своей науке знают всё тело человека: сломал ли кость, вывихнул ли руку, ногу, разрезать ли, где понадобится, — уж это их дело. И прочие недуги также знают. Бывает, что в человеке боли не видно, а он тает, как свеча, лекарства не помогают, а от слова, сказанного «знающим человеком», — легче приходит. Я угвариваю сперва сходить к доктору, — ежели болезни этой не знаю, — а от него к себе велю зайти, расспросить у больного, что надо, потом и дам своего лекарства, на прибавок к докторскому, и наставишь, как

¹ Выполнять требования поста.

² Письменное удостоверение, выдаваемое священником о том, что верующий прошёл ежегодный обряд «приготовления к таинству причащения», т.е. постился, посещал церковные службы, по крайней мере, в течение одной недели и т.д. или что Таинства Покаяния и Причащения были совершены. Без свидетельства о говении учащихся не принимали на учёбу, а государственных служащих на работу.

надобно моё снадобье принимать. Много раз случалось, что выздоровевшие приходили благодарить за помощь, сказывали, что только одно моё снадобье принимали, а докторское цело лежит. Доктора, которые из поляков или из немцев, те нашего брата мужика ненавидят, а русские — народ простой, их не опасайся, если где и на промысле застанут, много, что посмеются. От немца я видал страсть. Сын богача захворал, в городе лечиться стыдно, я его пользовал. Чтобы скорее поправиться, он принял лекарства столько, что чуть язык не высунул. Позвали доктора-немца, он и прижал больного: где он взял снадобье? Спасибо, удержался парень, не объявил, а то притянули бы меня, молодца, к ответу. Осторожнее стал, не даю с собой опасных средств.

А вот какой случай был в холерный год¹. Тогда много умирало народу; ходил я в залесье по своему делу и, пока я проживал 3 дня в д. Казаре, от холеры умерло 5 человек. Какой-то дурак и пусти молву, будто он видел, как я портил в колодцах воду. «До прихода Шабары, — говорят, — пили из колодцев и не помирали, а теперь умирать стали, надо, — говорят, — его поучить». Дело было около Ильина дня², время стояло — страсть какое жаркое, в полдень, хоть на улицу не выходи, солнце, как огнём поджигало. Я с вечера сказал хозяевам, что пойду от них до солнышка, чтобы по холодку дойти до Волхова, поспеть к отходящему от д. Дубовик пароходу. Из дома пошел я не деревней, а задворками, для того чтобы через ближний лесок поскорей дойти до прямой дороги. Вовре-

Старик. Рисунок, 1872

¹ Вероятно, имеются ввиду холерные эпидемии 1869–1872 гг., свирепствовавшие в России.

² 2 августа н.с. — День пророка Илии. В Ильин день крестьяне не работали на земле.

мя добрался до реки, вовремя переехал к паровой пристани. Сажу на пароходе, просвистал 3 свисток, вижу, на том берегу, откуда я переехал, куча народу: кричат, машут руками на пароход, а колья, косы так и сверкают на солнце. Я уж догадался в чем дело: 3 человека с колами кинулись к лодке и поехали наперерез отваливавшему от пристани пароходу; но пароход опередил их. Я своими ушами слышал, как они кричали: «Убить Шабару надо!» Народ чужестранный сидел на палубе; я и виду не подал, что эти слова касаются меня, а шкипер-то смекнул, да смолчал; уж после узнал я, что эти дураки гнались за мной, хотели со мной расправиться. А как не удалось им надо мной потешиться, воротились в деревню и положили: вычерпать по 40 вёдер воды из каждого колодца, вылить её на зарезанного над колодцем петуха, принесенного из того дома, где ночевал Шабара. Однако, и после этого у них померли 2 человека.

Ну, да ведь с кем не случается неприятностей? У меня они все наперецёт; особенно с той поры, как я навек мирить и ссорить — умные и глупые сделались мне покорны... Спервоначала я мало людей знал, а теперь могу без бахвальства сказать, что знаю, далеко по округе знаю: кто и как живет, и кто как вперёд жить будет.

Зимой, в свадебное время, привольно, бывало, жилось: знай походи на пиры; а угождают больше чем попу, — самолучшего подарка не жалеют и жениховы и невестины родители, коли хотят добра своим детям. Нашёлся один такой, догадливый, захотел без меня свадьбу справить; попа брал на все пиры, что перед свадьбой ведутся, — как будто поп может чем-нибудь пособить супротив меня.

«Погоди же ты, — думаю, — святоша!» Не прислал за мной лошади, — видно, жаль подарка для Шабары.

Собрался я, на эту свадьбу, пешком, верст за 5 от нашей деревни. Одел полушубок, за кушак заткнул 12 лык, малахай¹ на голову, батог с бахорком² в руку и, не глядя на снежную занось, отправился. Молодые, приехавши от венца, только что успели встать за стол, а гости собрались

¹ Мужской головной убор из овчины, телячьей шкуры, меха или сукна. Представлял собой шапку с четырёхугольным, реже остроконечным, верхом, с четырьмя клапанами. Передний клапан загибали наверх и опускали на лицо только во время сильных морозов или пурги. Широкие боковые и длинный задний клапаны закрывали уши, затылок и шею. К боковым клапанам пришивали ремешки для завязывания под подбородком. Бытовали в середине XIX в. практически на всей территории России, во второй половине XIX крестьяне стали заменять малахай шапкой-ушанкой.

² Вероятно, с кусочками материи, бахромой.

поздравлять — я и мах в избу. У порога расступились в стороны все «глазители».

Приход колдуна на свадьбу. «Не звали, не ждали, — говорю я, — гостя, а Шабара и незванный на пир пришёл!» Я сразу увидел, на полу очерён круг, — это против меня. Перепугались поезжане, поп и тот струсил. Жениховы отец и мать поднесли мне почётные подарки: на шитом полотенце хлеб-соль, шейный плат на хлебе, а сверх всего рублёвка. Не стал я их в сумленьи держать, поздравил и собрался домой. Дружка подогнал под меня самолучшего коня, мигом довёз до самого моего жилья, с колокольчиком. Знаю я, они все радёшеньки, что дешёво от меня отделались. А не так бы ещё струсили, ежели бы я взял с собою собаку, «Подмога» называется. Да жаль было пугать молодых, хорошая пара-то сходилась.

Пока я был помоложе, зубы у меня были крепкие и очень способные для свиста; ежели бы кому сплоха я засвистал прямо в ухо, так бы,

Групповой портрет. Х.м., 1864

Хмель на кольях плетня. Рисунок, 1868

кажется, сразу и оглушил. Ходил я однажды со знакомым мужиком на охоту, зашли мы в большой лес, брусники попадалось видимо-невидимо, а дичи — ни пера. Усталые, молча, сели мы отдохнуть. Вдруг оба, сразу, увидели мы большого медведя. Он не очуял нас, бредёт, этак, нога за ногу, похватывает бруснику. Заряды у нас дробовые, и никаких других припасов на такого зверя тоже нет; даже топора не было. Я потихоньку поднялся на ноги, да как свистну, изо всей мочи, ... медведь шарахнулся в сторону и, как стрела, пустился бежать от нас. Поди-

вился мой товарищ этому случаю; потом он невесть что рассказывал встречному и поперечному, — я, конечно, не оспаривал этого чуда.

Также вот хоть бы сказать насчет змей: я любую из них беру в руки. Они, эти змеи, для моего дела годятся. Но, один раз мне удалось изловить такую огромную змею, каких, кроме Питера, я отродясь не видал. Взял я её за хвост, встряхнул 12 раз, чтобы она силы не забрала, — несу домой, навстречу попадают бабы; ну они, известное дело, пугаются. Змея тяжёлая, сильная, руки занемели, шат взял меня от усталости, насилу донёс. Не входя в избу, кричу парню: «Надколи черемховый кряж!» и защемил змею у самой головы. Для безопасности конец кряжа стянул веревкой, оттого что она страшно билась. Соседи долго глазели. На закате солнца, я отрубил ей голову над глиняным горшком, в котором и выварил её, чтобы достать 4 зуба; из мяса я вытопил крошечную баночку жира.

Вот отчего про меня и болтают, будто я змей ем; потчевал я кошку и собаку — не едят. Ведь всего не переслушать, что люди обо мне говорят, а самому мне и не вспомнить, что случалось со мной. В третьем году, о празднике Троицы, собрались у меня все мои дети, в гости ко мне, стали просить, чтобы я бросил своё занятие.

«Из-за тебя, — говорят, — с нами люди не хотят знаться, живи ты, — говорят, — дома, не броди по белу свету; всего у тебя довольно, не насадишься голодный». Дети правду говорили. Я доволен. Но только как быть? Кому сбыть? Думал, думал и надумал, выбрал я заместо себя

Семена Бурню. Позвать лажу его к себе, сладиться с ним во всём, избушку ему свою продать «на своз». Времена нынче не те стали: уж очень много начальства разного развелось — всего опасайся.

А все-таки, по привычке, тянет к вольной жизни. Не бывать никому таким, как я, Шабара, «знающим человеком».

Примечание

Григорий Семёнович Шабара упоминает, что ему приходилось исправлять злые дела колдуньи Алексеевны. Вот одна из её пакостей.

Она, желая нанести вред семье или целой деревне, которая чем-нибудь утеснила её, лишала урожая, напускала болезни, наводила грозу с молнией. «Заломы», или «закруты», делались ею так. На вечерней заре она приходила в поле, избирала нужную ей полосу, становилась лицом на запад, склоняла пучок колосьев к земле с заклинаниями, перевязывала закрученный пучок соломы суровой ниткой, насыпая взятой с могилы самоубийцы землёй. Чтобы ни молитвы, ни благочестие семьи не ослабляли силы заклинаний, Алексеевна во время «закрута» становилась ногами на образ (икону), обращённой лицом вверх.

В отвращение напастей и призывался «знающий человек», он расщеплённым с одного конца осиновым колом выдергивал из земли весь «закрут» с отворотными заклинаниями и вбивал этот кол на месте, где был «закрут». По мнению народа, сделавшему «закрут» колдуну невыносимую боль причиняет вбиваемый кол. Проводив колдуна, семья сжигает «закрут» от светлопраздничной свечи¹, хранящейся всегда в обиходе, как сватыня.

Для «раскрутов» всегда звали Григория Шабару.

Рассказы крестьян о колдуне Шабаре, и моё знакомство с ним

С колдуном Григорием Семёновым Шабарой я ближе познакомился в начале 70-х гг., а раньше знал о нём только понаслышке, знакомство было, что называется, шапочное.

В одну из моих поездок по Новоладожскому у[езду], догоняю я прохожего человека, видимо, усталого, предлагаю ему подсесть ко мне, ежели ему по пути до Масельги, прохожий с благодарностью воспользовался моей любезностью. На вопрос мой, куда и за каким делом он идёт, спутник мой отвечал уклончиво: «Так, иду, — говорит, — по своей

¹ Пасхальная свеча, с которой обходят во время Крестного хода церковь на Пасху.

надобности». И сейчас же стал допытываться о моей поездке в эту глушь. Я удовлетворил его любопытству.

Версты 3 не доезжая до Масельги, спутник мой, назвавшийся Григорием Семёновым, попросил остановить лошадь и выпустить его из тарантаса; затем, вежливо поблагодарив за оказанную ему услугу, он не спеша направился вправо по проселочной дороге. Несколько минут спустя ямщик мой, Захар, обернулся ко мне и с необыкновенной таинственностью спросил меня: «Знаете ли вы, барин, кто это с вами ехал? Ведь это Григорий Семёнов Шабара, он страшный колдун; вы заметили, что кони зачихали, пошли тише, когда он сел в тарантас». Захар снял картуз, 3 раза перекрестился и плюнул в ту сторону, куда скрылся Шабара. Между тем, вид этого страшного колдуна не имел ничего устрашающего.

Роста он был немного выше среднего, сложения крепкого, движения его неторопливы, свободны. Умная ясная речь, с чувством собственного достоинства, вполне отвечала его внешности. Одет он был по-старому, по-русски, в долгополую синего сукна сибирку, подбитую клетчатой байкой, ситцевую рубашу и шаровары, из так называемой чёртовой кожи; на голове старинного фасона череповская линючая шляпа; обут в выворотные, сильно смазанные дёгтем сапоги. Лицом он показался мне почти красив. Высокий лоб, глубоко сидящие темно-серые пронизательные глаза, темные брови, прямой с едва заметной горбинкой нос и подвижный рот, с резко очертанными полными губами; густые русые кудреватые волосы на голове и борода дополняли тип хитроумного ладожанина. Ироническая сдержанная улыбка не сходила с его лица. Чувствовалось, что этот человек не скажет необдуманного слова, что он насквозь видит человека с первой встречи.

В этой деревне старый и малый — все знали Шабару. Хозяйка, где я остановился на временное житье, узнавши от меня, в каком месте Шабара свернул с торной дороги на просёлочную, тотчас сообразила, кому надобен колдун.

«Знаю, знаю, — затараторила она, — это он к Чекалиным пошёл, коли повернул в правую сторону, это повёртка на Вымово. У молодых-то Чекалиных кряду после свадьбы не зашло ладу, молодница-то уж топиться принималась, да вытащили добрые люди; а Стёпка-то — плут намедни чуть попа не приколотил. «Зачем ты, — говорит, — меня повенчал на постылой?» Уж это, мои родные, «пущено на них в свадьбу», по злобе пущено. А то, как бы им не жить хорошо: оба молодые, богатые, и отцы-то ихние, еще до свадьбы до этой, как родня, гостились». До Шабары дошли, так он их поправит, — верно поправит! В Царёвщине

у Стёпиных через год после свадьбы «сделано» было молодым так, что они перестали глядеть друг на друга. Шабара велел их по одиночке к себе привести; сначала сходил муж, а на другой день свекровушка свела к нему молодницу, — там он их и поправил. Теперь вот уж 2 года прошло, живут меж собой, как умные умницы».

Долго бы ещё рассказывала баба о чудодейственной силе Шабары, да вошел в избу её муж и сказал жене, чтобы она ни слова не смела в избе говорить об этом страшном колдуне. Весть о появлении в этом крае Шабары распространилась с быстротой необычайной; люди впечатлительные боялись в одиночку оставаться в избах ночной порой, не только выходить из дома. В другой деревне старушка удивлялась моей смелости сидеть рядом с колдуном. Молодая бабёнка с полной откровенностью рассказала мне, как она благодарна этому Шабаре за то, что он сделал её свёкру такое дельце, что свёкор с тех пор и в её сторону перестал глядеть, не только что с любовью к ней лезть.

У Шабары на каждый случай есть свои приёмы. Про сердечные дела в особенности много рассказывают женщины, как старые, так и молодые, с указанием неопровержимых фактов. Душевные болезни, все вообще, он излечивает превосходно; за детские болезни берётся редко. Заговоры: от кровотечений, опухолей, укушения змей, с употреблением перевязок, втираний и тому подобных средств — всегда удачны. Мастер большой он отыскивать краденое: лошадей, коров, разные вещи и наставлять на ум пастухов, выдавая им «обходы», — одним словом деятельность Шабары чрезвычайно разнообразна.

«Обходом» называется выдаваемые колдунами записочки на кусточке бересты с прожжёнными насквозь знаками в виде кружочков,

Рисунок

В церкви Васильевского погоста. набросок к картине «Причащение детей в деревенской церкви». Рисунок, 1868

треугольников посредством раскалённого гвоздя [с левой стороны приписка корр.: Есть рисунок одного такого «обхода»]; зашитые в кусочек холста комочки смолы и т.п. При выдавании этих предметов пастуху колдун творит заклинание: «От лютых зверей, лихих людей, оборотней, ведьмы-бабы, змей сосучих, цыгана мурана, загона стада, отлучки скота от избранного пастухом места пастбища, отдыха, водопоя и всяких пакостей».

Полученный от колдуна «обход» пастух, умеющий играть на рожке, завивает «обход» берестовой лентой к дереву своего рожка так, чтобы ничей глаз не мог заметить места, где спрятана эта драгоценность; а не играющие на рожке хранят «обход» на поясе, носимом на голом теле или вешают на гайтан¹ с крестом. При первом же выгоне стада на пастбище «обходят всё стадо» кругом, держа «обход» в левой руке. Каждый раз ложась на отдыхе

¹ Шнурок или цепочка.

или отлучаясь от стада, пастух должен подумать об «обходе» и вспомнить те слова, которые сказаны ему колдуном, тогда стадо будет сохранено.

За обходами пастухи обращаются непременно к местным колдунам, платя им за это до 1 руб.

В д. Волькове один зажиточный крестьянин рассказал мне следующий случай. «Угнали у меня дорогого коня, ищем целую неделю — не можем найти, я позвал Шабару. Он только переступил порог, сказал: «чур серого» и пошёл в конюшню. Здесь, он упал на то место, где стояла лошадь и долго, долго лежал на земле, припадая то правым, то левым ухом. Шептал, шептал заклятые слова, и говорит: «Земля стонет с левой стороны», и сейчас же встал на колени; оглянулся по сторонам и, как сноп упал с криком: «Эй, вы, помогите!». Долго он лежал и начал стонать, биться. Мне даже страшно было на него глядеть, как его нечистая-то сила терзала. Смученный, весь в поту, он встал на ноги и пошатывается; едва до избы добрался. В избе он шепнул мне одному: «Видел, — говорит, — твоего коня в Старой Ладге, привязанного у колоды перед трактиром, посылай работника и вели взять коня». Как сказал Шабара, так и вышло: коня пригнал мне в тот же вечер мой работник. Не жаль было дать ему десятку, — скоро нашёл».

Случай, подобный описанному, передавал мне крестьянин д. Кипуи Степан Ситин, но не так скоро нашлась его лошадь. 3 раза звали Шабару, и только на третий раз открыла ему находку нечистая сила. По словам Шабары, оттого трудно бывает открыть краденое, что есть подобные ему «знающие люди», они-то и замечают след. Колдун не может сказать, кто украл. Это ему запрещено тою же силой, которая помогает находить. Вера в Шабару велика не только между крестьянами, но и в городе: купечество часто обращается к нему.

Ещё не так давно колдуна этого призывал один священник для открытия кражи домашних вещей.

Слухи о могуществе колдуна преувеличиваются самими пациентами и всеми любителями таинственности. Стоило заглянуть в его жилище, приспособленное для внушения страха, чтобы сделаться покорным исполнителем его сильной воли.

Рисунок

Однажды осенью, бродя за охотой, я вздумал побывать у моего приятеля Григория Семеновича Шабары. Очень долго я его не видел после встречи с ним по дороге на Масельгу. Как раз в это время в его большой избе рубили капусту; чайничать неприятно в вонючей избе, да и поговорить с ним хотелось по душе. Он не отказался чайничать со мной в его уединённой избушке, давно интересовавшей меня таинственностью. Провожая меня туда, он заранее извинялся за беспорядок и тесноту. Необычайно было убранство в избушке Григория Семеновича. В переднем углу, рядом с крохотным медным образком, висел лошадиный череп, над ним чучело гадюки с открытой пастью; дрянно сделанные чучела совы, ворона, дятла и других пернатых, вперемежку с пучками трав и цветов красовались на стенах. Черепа собак, кошек, разные кости лежали по лавкам. Небольшая русская печь сплошь завешана кореньями и травами, а около трубы человеческий череп с двумя берцовыми костями; при входе в избу всё это Григорий с особенной значительностью прикрыл тряпкой, сказавши: «Уж извините, в чем застали». Куда ни поглядишь, всюду видишь бутафорские принадлежности его занятия. «А ведь ты, Григорий Семенович, — сказал я, — перемудрил своего учителя Михея Андреевича». Григорий, видимо, довольный моим замечанием, улыбнулся. «Дело наше этого требует, сами извольте знать», ответил он, не глядя на меня, и вышел из избы. Прошло несколько минут, я слышал, как скрипнула дверь в чулан. Потом он вышел из сеней, крикнул дочери, чтобы торопила самовар, и вошёл в избу, держа в руке бутылку настойки. Девица лет 15 внесла самовар; она была похожа на отца, но ещё красивее его, миловиднее глядели её прекрасные серые глаза. «Принеси, Катя, хлеба и рыжиков, а сметану подай отдельно», — распорядился отец. Когда все было подано, мы сели за стол, Григорий стал потчевать меня настойкой «сорокатравкой» и сам выпил. Вообще я заметил, что с тех пор, как побывал он у меня в д. Чернавине, увидел картину «Приход колдуна на свадьбу», которую я тогда оканчивал, уважение его ко мне возросло. Он понял, что в картине изображён случай им же рассказанный. И теперь во время нашего чаепития среди этой обстановки Григорий, не стесняясь, посвящал меня в тайны своего занятия. Засиделся я у него до позднего вечера; он велел своему сыну запретить лошадей и отвезти меня домой. Мы распрощались. Я пригласил его ещё разок навестить меня, но так и не довелось мне видаться с ним. Слышал я, что он продал свою избу «на своз» со всеми принадлежностями своего занятия и жил на покое у своих детей. Так и не удалось мне видеть колдуна в отставке.

Он помер 2 года тому назад.

Язык крестьян

Поговорки, пословицы, присказки и пр.

1. Страшно бедного за стол посадить, а не больше богатого съест.
2. Дай мужику власть — накуражится властью.
3. Дивья Богородицы, как сын Христос.
4. Чужого добра брюхом не унесешь.
5. Брюхо добра не помнит.
6. Один пень — проглядишь целый день.
7. У мужа толсто — и у жены широко.
8. Чужие мужья не потешка — одна насмешка.
9. Где нам с Христом беседовать, коли с нищими воняем.
10. С ложкой за стол, с ж... ой на задворок.
11. Мни всё равно, что на печи, что на полатах.
12. Сколько не съишь, — богатырем не назовут, а обжорой.
13. Брюхо не бутылка — не видно.
14. На брюхе шёлк, а в брюхе — щёлк.
15. Соврал — правду украл.
16. Печью не бил, а о печь бил.
17. С мужем не жила, а без мужа не спала.
18. Сестра брату нужна богатая, жена мужу — здоровая.
19. Без грозы — хуже козы.
20. В пролубу колом, а из пролубы конём.
21. Сурово не билье — сове руководилье. ?????
22. Кишка не бутылка, не свититце: чим не накропай, хоть водой налей, — была бы полна.
23. Милово не дё вику, сладково не дё сыти.
24. Также нужно, как плешивому гребень.
25. Своя воля — Царя боля.
26. Печка дрóги (нежит) — дорожка ўчи.
27. В жару работáешь, хоть по три рубахи сменяешь.
28. Волк собаки не боится, да не любит, когда лает.
29. — Акулька, что в квасу-то бўлька? — Ничего. — Третий раз корова сёре!
30. С худой головой не ходи в большой зной.
31. В соболях, да в куницах мы не понимаем, а в топорах, да в тупицах — понимаем.
32. Худое корыто расколлол, бросил в печь и не будет течь.

33. Ври, пока свѣтло, ишь — пока хошь.
 34. Не радуйся, нашедши, — не плачь, потерявши
 35. Нет души, так хоть огарком пиши.
 36. Пошла кишка по порядне.
 37. По пище и топор свищет.
 38. Хочешь на порог, а чѣрт поперек.
 39. Волка ноги кормят.
 40. На чужой роток не накинешь платок.
 41. У семидесяти двух (баб) один козий дух.
 42. Бей бабу обухом, припади да послушай: дышит — лукавит, ещё надо прибавить.
 43. Бей бабу в кудельну пору, а в сенокос, хоть замахни — недѣлю пролежи[т].
 44. У купленного хлеба скоро дно увидишь.
 45. Учи детей, пока поперѣк лавки лежат, лягут вдоль — будет поздно.
 46. Поп своё, а черт — своё.
 47. Худого попа и в алтаре бьют.
 48. За деньги и поп пляше.
 49. Я не поп: за три копейки молчать не буду.
 50. Безмин (безмен) не попова душа, — не возьмѣт барыша.
 51. Не пожалел поп скуфью, чтобы забрать кутью.
 52. Не бери от попа лошади, от бобыля дочери.
 53. Не купи корову у попа, не бери невесту из города.

Рисунок

54. Солнышко праведно, видно, не был ты у попа в работах.

55. Батюшки у нас просто, что коновалы: деньги любят.

56. Стал поп тонуть в реке; около него столпился народ. Кричат ему: «Батюшка, дай руку!» Поп не понимает, а сам уж стал захлебываться. На этот случай проезжал становой пристав. Он сразу понял, в чем дело: «Батюшка, на, возьми руку!» Поп тотчас ухватился за поданную руку, и его вытащили.

57. Мужик богатый, что чѣрт рогатый.

58. Просишь ремешок — подаст лычко.

59. Не посадишь душу в ад, не будешь богат.

60. От трудов праведных не наживѣшь палат каменных.

61. Спасовец-бохвал не боится ни брани, ни похвал.

62. Нависишь зелиза (железа) — будешь подлиза.

63. Господи! Спаси меня от кражи лошади, от сатаны, убереги на мни домашние штаны.

64. Эй, коновал! Хочешь есть? — Хочу. — Вырежь у курицы пяток яиц!

65. У нас (спасовцев) проклятая дорога, не дай Бог, чтобы она и во снах приснилась.

66. Рыбка да рябкі (рябчики) — потеряй деньки.

67. Кто стриля да уди, в том пути не буде.

68. Станешь ворожить, как нечего в рот положить.

69. Нит ни образа, ни ножика: ни помолиться, ни заризаться.

70. Дѣбили до мату — нет ни хлеба, ни табаку.

71. Татушка савраску купил! Будет ли на новое лето травы?

72. С худой головой и ногам не покой.

73. И дурак тебя умнее.

74. Мѣртового кадиллом не поднимешь — дурака кулаком не научишь.

75. В дураке и Бог не волен.

76. Дурака работа любит.

77. Муженѣк, укради ты, Христа ради, пшеничной муки! — Дура-баба, да ведь узнают, что мы едим пшеничный пирог. — Не узнают! Я сделаю пшеничное тесто хуже ржаного!

78. Долог день до вечера, коли делать нечего.

79. Вор у вора дубинку украл.

80. Всяка деревня своим[и] ворами[и] справляется.

81. Худ торжок, да не пусть горшок.

82. Не до наживы — были бы живы.

Рисунок

83. Пошли, Господи, покупателя, хоть не богатого, да тароватого, хоть хвастливого, да не спесивого!

84. Бог-то Бог, а становой приехал — его святая воля!

85. Становой ничего не мог сделать топаньем, — только лаской да проповедью угомоним!

86. Сотский, десятский, два понятых, да четыре святых.

87. Становому пристапу всякая дорога хороша.

88. Становой, что и домовый: кого не залюбит — в дугу согнёт.

89. На станового два солнышка светят.

90. Скажи «свинья» борову — боров разнесёт по городу.

91. Нынче ба́ра — пятак пара.

92. Щеголь, собака: что день, то рубаха, — порткам смены нет.

93. Сужено полино буде[т] в боку.

94. С мужнина лица не воду и пить.

95. Бьётся в поту, а поесть нечего коту.

96. С города в деревню урода ведут, в город из деревни угодые ведут.

97. Суженого конём не объедешь.

98. Потеряй стыд — будешь сыт.

99. В поддачи бóля удачи.

100. Наряд дило дилае, безнарядица хлеб ист.

101. Когда рожь, тогда и мера.

102. Где грозно, там и розно.

103. Скоро кошки котят родят, да только всё слепых.

104. Люди на пороги, оне на дороги (о ленивых, когда они ходят в церковь).

105. Люби не люби, а почаще взглядывай.

106. Прямо вороны летают, да на место не попадают.

Выражения:

На ливу руку варега (неловкий, рохля)

Эх ты, сгибень нескладной! (неповоротливый)

Как на порванном репище (на раззорённом месте)

Пьяный набор (рекрутчина)

Пьяная гоноболь (голубые жандармы)

В рот пророс (прозевал, не догадался)

Не допечён маленечко (глуповат)

Ещё ёлка зелена (успеем заработать денег, выражение бурлацкое)

Брюхом хочется (у беременной и у прихотника)

Пора знать, видь ты не ночеш (т) ной

Лукион

Так хвачу, что только йверенье (иней) пойдё
 Ещё успею отлежать затылок (умереть)
 Коли с понедельника гость — всю неделю будут гости (примета)
 Встретил попа — не будет ладу (примета)

Местные слова

Базу́литься — баловаться

Бала́кать — болтать пустяки

Баля́кало — пустомеля

Балу́е — балует

Ба́ско — красиво

Баско́й — красивый

Басся́я — красиве.

Безми́н — безмен

Берё́гова — угощенье

Береже́ — бережет

Би́гае — бегаёт

Били́е — белее

Бобки́ — игрушки

Бóлого — благо
 Большаха́нский — бульшущий, огромный
 Браты́ня — чаша медная для питья браги
 Бри́е — бреет
 Бры́зже — брызжет
 Брю́нга — приставница невесты в свадебном поезде
 Бурі́е — буреет, сереет
 Бу́чить — парить
 Борка́н — морковь
 Бье — бьёт
 Буру́н — масса предметов

В

Ва́дить (время) — упускать время
 Вали́ — валить
 Вали́ — волны
 Вара́ксать — пачкать
 Варато́к — кипяток
 Вари́ — варит
 Варова́тый (чоловик) — медлительный, несообразительный
 Везі́ло — соломенная вязка
 Вели́довать — угощать, ухаживать
 Верё́тье — рваная одежда
 Верзе́нь — плетушка из лык или из соломы
 Ве́рти — вертит
 Верши́ — вершит (о стоге сена и т.п.)
 Ви́ник — веник
 Ви́ра — вера
 Ви́чина — прут
 Ви́е — вьет
 Во́згри — сопли
 Во́е — воет
 Воло́га — влага
 Волоча́га — сволочь
 Воня́е — воняет, пахнет
 Ворзыха́ть — жадно хлебать
 Ворку́е — воркует
 Вороши́ — трогает, ворочает
 Вopí — кричит
 Вре — врет

Вти́питься — вцепиться
 Вы́зведило — сделалось звёздно, ясно (ночью)
 Выизжа́е — выезжает
 Вынима́е — вынимает
 Выныря́е — ныряет
 Выпи́хывае — выпихивает
 Выпива́е — выпивает (о вине)
 Вырубáе — вырубается
 Высви́стывае — подсвистывает
 Вы́скидь — вывороченное с корнем дерево
 Вя́кае — кричит (о медведе)

Г

Га́ди — гадить, портить
 Га́лить, га́литься — глядеть во все глаза
 Гва́здаться — долго грязно делать
 Гди — где
 Ги́ну — гибну
 Гла́ди — гладит
 Глажи́ — морошка (ягода)
 Глупя́я — глупее
 Глы́ма — насмешка
 Гне — гнёт
 Гнетé — гнетёт
 Гни́ла — глина
 Гниé — гниёт
 Говори́ — говорит
 Годня́я — пригоднее
 Голя́я — голее
 Гоноши́ться — потихоньку справляться
 Гордыба́чить — выхваляться
 Городи́ — болтает глупости
 Гра́бить — грести (о сене)
 Гра́е — каркает (о вороне)
 Гребé — гребет
 Грибня́я — грибнее
 Гру́зно — тяжело
 Гуди́ — гудит
 Гуля́е — гуляет
 Гри́е — греет

Д

Даé — даёт
 Да́ля — дальше
 Дари́ — дарит
 Двойчаты — двойня (родить)
 Дерé — дерёт
 Дивка — девка
 Ди́вушка — девушка
 Диву́ется — дивится
 Дид (дидо) — дед (дедушка)
 Дикуя́сничать — паясничать
 Ди́лае — делает
 Дича́я — дичее
 Добыва́е — добывает
 Долби́ — долбит
 Домови́на — гроб
 Дóхае — кашляет
 Дра́жи — дразнит
 Дре́мле — дремлет
 Дроби́ — дробит
 Дровно́ — полено
 Дрóчи — голубить, нежить
 Ду́е — дует
 Ду́мно — думается, есть в мыслях
 Ды́ше — душит

Е

Е — есть
 Егози́ — егозит
 Екну́лось — икнулось
 Ендова́ — деревянная чаша для питья браги
 Ёсте — есть
 Ёрзыха́е — двигается

Ж

Жалу́е — жалеет
 Жара́ва — клюква
 Жа́ри — жарит
 Желему́стина — жимолость
 Желуто́к — желток
 Же́ри — пичкает через силу едой

Же́ртвуе — жертвует
 Живé — живёт
 Жига́е — жалит (о змее).
 Жне — жнёт
 Жолти́е — желтеет
 Жре — жрёт
 Жуе — жуёт

З

Забига́е — забегает
 Загибень — пирог из кислого теста
 Заголя́е — обнажает, заголяет
 Загреба́е — загребает
 Загоня́е — загоняет
 Задвига́е — задвигает

Рисунок

Занесé — занесет
 Занóси — заносит
 Зáкрывень — ставень
 Замысли́стый — изобретательный
 Занра́вный — характерный
 Закокови́ло — заковало, замёрзло
 Заобряди́ть — спрятать
 Зарóд — скирда сена
 Засыпа́е — засыпает
 Запу́ки — приметы, предрассудки
 За́спа — крупа
 Зачепи́ть — зацепить
 Захря́сло — загустело
 Захова́ть — затерять
 Зви́зды — звезды
 Зво́ни — звонить
 Зди — здесь
 Зели́зо — железо
 Зива́е — зевает
 Зна́е — знает
 Зоба́е —
 Зове́ — зовет
 Зо́ри — зорит
 Зри́е — зреет
 Зри́лый — зрелый
 Зоба́ться — заботиться
 Зы́кать — пить
 Зы́бае — качается
 Зы́че —
 Зы́бка — колыбель
 Зя́бне — зябнет

И

Ида́ — еда
 Ил — ел
 Им — ем
 Ишь — ешь
 Изда́ — езда
 Ёхать — ехать (все слова на букву «И», приведённые выше, произносятся так же, как по малороссийски. — *Прим. сост.*)

И́ще — ищет
 Игра́е — играет
 Ёверень — снежная пыль
 Ёвень — иней
 Иде́ — идет
 Има́ть — ловить
 Ёмушка — игра в горелки
 Ика́е — икает
 Ёче — икает
 Иго́род — огород
 К
 Ка́пае — каплет изредка
 Ка́пле — каплет постоянно
 Кви́тка — ветка
 Ка́лега — брюква
 Кивца́ — цевка
 Коево́дни — в один из дней (прошедш[ее] вр[емя])
 Клюо́е — клюет
 Ковыря́е — ковыряет
 Копа́е — копает
 Клюка́ — кочерга
 Кали́тка — ватрушка
 Кори́ — укоряет
 Кле́не — проклинает
 Коли́но — колено
 Ква́кае — квакает лягушка
 Кадí — кадит
 Ка́ркае — каркает
 Ковыля́е — ковыляет
 Ко́ле — колет
 Кипи́ — кипит
 Ко́кыш — рыбный пузырь
 Кида́е — кидает, покидывает
 Камíе — выжидает, часуется
 Корпи́е — гнёт спину под работой
 Ко́потно — медленно, тихо, из мелочей что-нибудь собирать
 Ко́мшить — бить кого-нибудь втихомолку¹

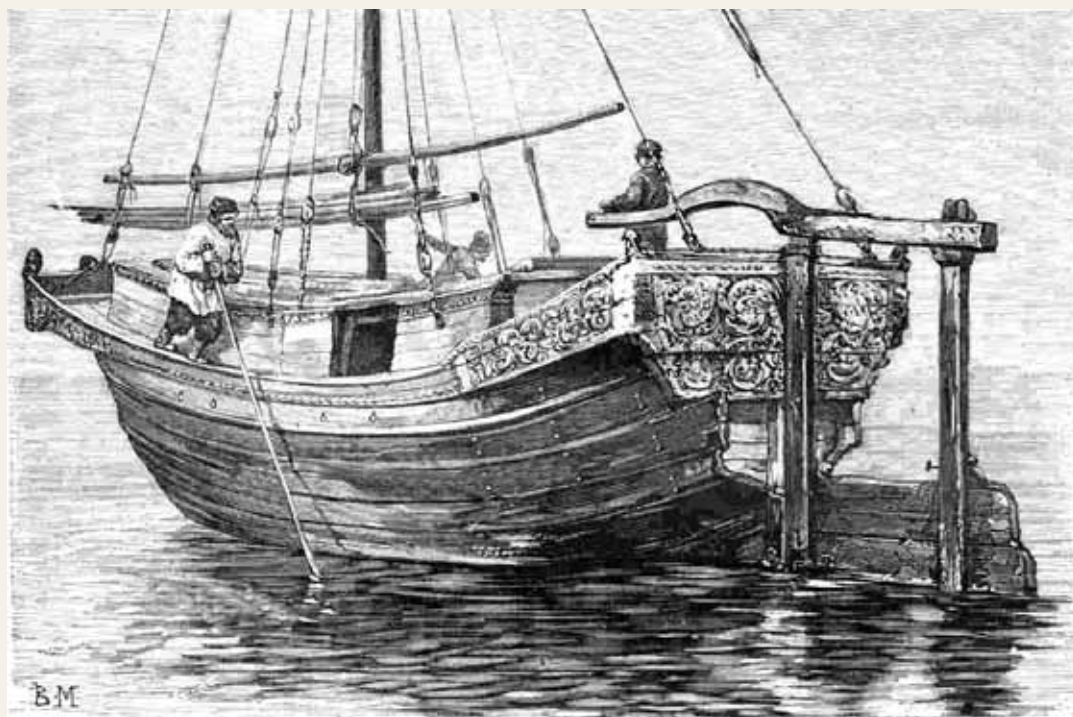
¹ Словарь автором не закончен.

Рыбная ловля

Рыболовство как подспорье сельскому хозяйству Новоладожского уезда, Михайловской и Иссадской волости на р. Волхове.

В волостях Михайловской и Иссадской, по р. Волхову от д. Дубовик, ниже порогов, до д. Юшкова, на 20-вёрстном протяжении крестьяне-хлебопашцы в подспорье своему бездоходному сельскому хозяйству занимаются рыболовством. Безземельные же исключительно кормятся добычей на реке: ловят рыбу, перенимают дрова разбившихся в порогах барок, занимаются нагрузкой и выгрузкой дров, плиты, извести. За последние 20 лет безземельные крестьяне этих волостей выселяются на берега Волхова, таким образом организовались деревни: Нижнее Лопино, Нижнее Чернавино, Бабино. Обстроившись на берегу, заведя крошечный огородик, они живут безбедно, пуская на летнее житье прикащиков-лесопромышленников, топят бани для рабочих, топливом запасаются с таким избытком, что продают излишки на 30–40 руб. в год.

Расписные суда на Воле. Гравюра на дереве, 1884

Встречаются примеры, что безземельные крестьяне, не имея возможности существовать от хлебопашества, бросают свою деревню и селятся где-нибудь на неудобных, никому ненужных местах, расположенных по берегам рек, и там начинают заниматься рыбной ловлей, полкою леса и другими речными промыслами; таким путём образовались селения безземельных крестьян с Ильинского на Волге, Козьмодемьянского у. Казанской губ., с Пустыцевка, Чебоксарского у. той же губ., а на р. Волхове селения: Нижнее Лопино, Бабино, Нижнее Чернавино и др. Новоладожского уезда) Санкт-Петербургской губ.

В прибрежных селениях этих местностей, где развита рыбная ловля таким образом, встречается в крестьянском быту кустарное производство разных рыболовных принадлежностей, как например, лодок и челнов (с. Машачины Новоладожского у. Санкт-Петербургской губ.), сетей, неводов, верёвок и вообще снастей, крючков (с. Безводное Васильсурского у. Нижегородской губ.).

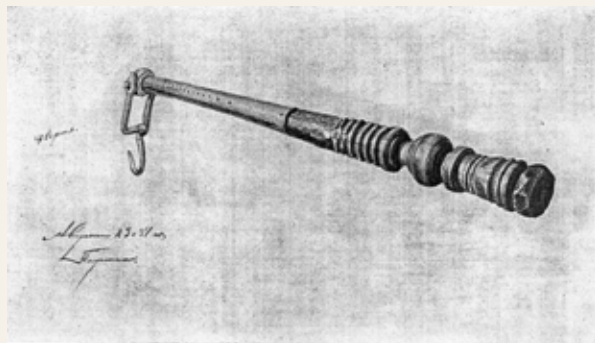
Обзаведение рыбака

Рыболовными снарядами обзаводятся постепенно, сразу не в силах оборудовать рядовой крестьянин.

24 июня ежегодно бывает трёхдневная ярмарка близ Старой Ладogi при упразднённом Ивановском монастыре¹. Здесь бойко торгуют в железных рядах косами, серпами и другими принадлежностями хозяйства; в щепном ряду вилами, граблями, бураками, лопатами, есть сохи, бороны; мануфактурные, галантерейные товары, сласти, сбитень — одним словом, всем тем, без чего ни одна трёхдневная, и даже ярмарка обыденная, не обходится.

Покупка челон. Для рыбака ярмарка эта представляет особенную важность, — как единственное время, когда можно купить челон, а выбрать здесь есть из чего. Из д. Моршагино (близ Гостинопольской пристани) мастера пригоняют сюда челны десятками и менее чем в сутки распродают свой товар. В то время, как над рекой на горе стон стоит от ярмарочного шума, здесь на заплеске реки спокойно — не торопясь, рыбаки выбирают по своему уму челны, обмеривая длину, ширину и глубину, — также и торгуются.

¹ Иоанно-Предтечский мужской монастырь, основан между 1276 и 1297 гг. архиепископом Климентом на Малышевой горе в Ладoge (ныне село Старая Ладoga) на месте, где ранее находилась церковь Иоанна Предтечи. В 1764 г. монастырь упразднён, а церковь в 1811 г. приписана к Никольскому монастырю.

Безмен. Рисунок, 1881

Цена челну без отделки. Хороший челон стоит 6 руб., не осмоленный и без всякой отделки. Длина челна 4 арш., 8 верш., ширина — 1 арш. 3 верш., глубина — от 9 до 11 верш., подъёмность — 15–18 пуд. для ветреной погоды, а в тихую такое судно подымет 25 пуд.

Челон отделанный. Осмоленный, со всей отделкой челон обходится, при своей работе, 9 руб.

Примечание: отделка челна состоит в следующем: настилка мостков по дну, скамейка для сиденья, покрывка разборная кормовой части, где хранится рыба, покрывка носовой части с дверцей для хранения в сухом состоянии запасных сетей, съестного и прочих вещей. Подкрайница — это широкое короткое весло с тонким пером и ручкой наподобие буравчика, прикрепляемая к одному из «корцов» — бортов — челна гужом, служащая для движения челна вперёд и подачи в сторону, чтобы держаться обоим ловцам на должном расстоянии. Длинное гребное весло, лейка, цепь для смыкания двух челнов во время стоянки.

Пряжа. Пряжу для вязания сетей заготавливают домашнюю из лучшего льна, а бобыли¹ покупают фабричную; вяжут редко сами рыбаки, есть вязальщицы женщины, чаще вдовы безземельные и старики, не способные к тяжёлой работе.

Верви. Верёвки, употребляемые при ловле в челнах, вяют сами рыбаки, зимой порой, из мочалы, одну для груза — «помника» (ощупывающего дно и огружающего сеть), толщиной в указательный палец, другую — тонкую — для закрывания и открывания пазухи сети, к которой прикрепляется тяжёлое железное кольцо, оно, падая на помник, закрывает отверстие сети. Эту тонкую верёвочку рыбак держит на пальце и слушает толчки рыбы в сети (длина 12 саж.). Груз-«помник» из плитняка с дыркой, весом 9 ф. Стоимость верёвки с грузом — 1 руб. 25 коп.

Вполне исправный рыбак должен иметь: 1 сеть для зимнего, осеннего и весеннего лова, 2 частика, 3 поизда, 6 пар трёхгорлых мереж², окру-

¹ Бобыль — неженатый крестьянин, зачастую не имевший земельного надела.

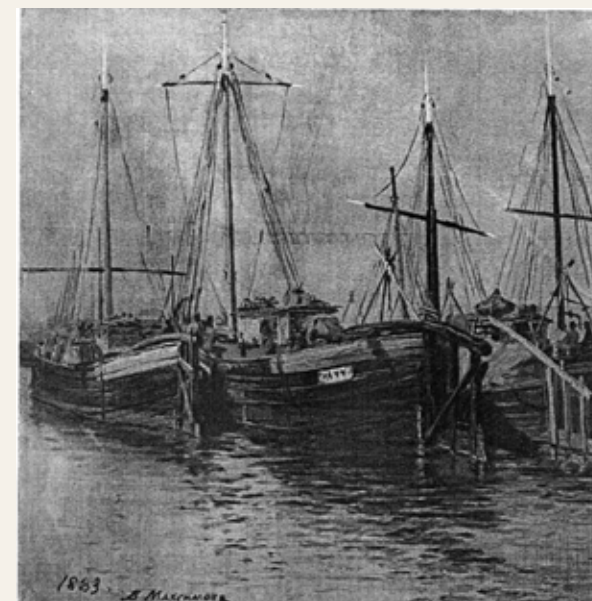
² Рыболовная снасть, состоящая из сетки, натянутой на обручи, с тремя проходами для рыбы.

ченный, т.е. 1 сачок, 1 крыгу, 1 «поизд» в 200 ячей у шеломов, шириною 12 арш., длиною 8 арш., продетыми в ячей шеломами — 3 руб. 20 коп. 2 частика в 250 ячей, у шеломов окруженный — 2 руб. 50 коп. 1 сеть для холодного времени (апрель, сентябрь) и зимнего подлёдного лова — 10 саж. ширины и 7 саж. длины с полной окруткой: кружки, трубки из бересты, крори (кожи) — 8 руб. 75 коп. Крыга обыкновенная — 1 руб. 25 коп. Сачок весенний с окруткой — 75 коп. 6 пар трёхгорлых мереж — по 7 руб. за пару. Лодка для летнего лова мережами — 9 руб. 2 якоря со снастями — 11 руб. Садок для хранения живой рыбы — 4 руб. Всего запаса на 80 руб. 60 коп. Такой полный запас имеют немногие из крестьян, занимающиеся земледелием, мережами не ловят за недостатком времени, а безземельные, живущие на берегу, заводят всё вышеуказанное.

Весной, около половины апреля, лишь только тронется лёд, бережные крестьяне к реке с кольями, жердями, досками, чтобы занять места для ловли крыгой, преимущественно выбирают места вблизи ручья на заводях. Устроив мостки до глубокого прикряжна, ждут вечерней зари, чтобы начать лов. Подростки снуют около, во всем помогая старшим, они запасают дров, чтобы было у чего согреться рыбаку, поддерживают огонь, по временам замечают рыбака у крыги, прислушиваясь, не попала ли рыба.

Крыгой называется сетка, связанная из тонких ниток, вверху редкая, к чупе частая, прикреплённая к деревянной основе «рогуле», устроенной из двух прямых гладких жердей, прилаженных одна на другую так, что на одном, переднем конце, жерди расходятся на 6 верш., и на другом, речном, на 1,5 арш.; длина жердей — 4,5 арш. К чупе сетки привязывается тонкая нитка, настолько длинная, чтобы рыбак мог, держа её на пальце, слушать толчок рыбы в полотне сетки; длина сетки от рогули до чупы 3 арш. Для лова одна рогуля опускается в воду на столько, чтобы другая едва покрывалась водой.

Мокшаны. Этюд к картине «Первый хлебный караван в Рыбинске». Х.м., 1883

Короткие рукоятки крепятся между забитыми наискось в дно реки кольями. Когда крыга поставлена на дело, рыбак берёт в руку нитку и внимательно прислушивается, не ткнётся ли в полотно сетки рыба; почувствовав толчок, надо взять крыгу горизонтально и поднимать рогули над водой, держа на себя с речной стороны. Крыгой ловят от вечерней зори до утра. Сидеть надо тихо, без разговоров. Вот почему и нужны помощники, они освободят рыбака погреться у костра, промяться, покурить, закусить. Подростки любят ловлю крыгой, особенно когда тихо на реке, и есть неподалеку другие рыбаки, с которыми старшие сладятся сварить уху. Откуда возьмётся и поварское искусство, и все нужные припасы и даже рогожа от ветерка, всегда гуляющего около костра. Удачно выбранное место, тихая темная ночь, да незеворот рыбак, умеющий ловко и скоро поднять из воды крыгу — улов очень прибыльный, до двух и более пудов в одну ночь; добывают щук, судаков, язей, подлещиков и др. мелкоты. Нередко вылавливают щук по 30 ф. штуку.

Внутренность береговой кухни. Рисунок, 1883

Сачок. Сачком ловят больше женщины, она гораздо легче крыги, устройство его следующее: к шестиаршинному шесту прикрепляется берёзовый прут, за конец привязывается прочная бечёвка, которою прут пригибается наподобие полукруглого крюка, а бечёвка крепится на аршин выше того места, где прикреплен к шесту прут. На этот деревянный остов навязывается вязанная с небольшими ячейками двух с половиной аршин сетка, к чупе суживающаяся. К концу шеста для удобства прилаживается поперечная коротенькая палочка или шарик, чтобы сачок не скользил из рук. Ловят сачком с крутых берегов, с пристаней, со стоящих на якоре судов, на быстрой воде, опуская сачок деревянной основой ко дну и ведя его по течению. В сачок попадает больше мелкая рыба: окуни, язи, плотва, щучки, изредка и крупная рыба. Полупудовый улов считается счастливым; в продолжении весны усердный рыбак и этим нехитрым снарядом обеспечит семью харчем месяца на 2, а ежели не прозевает корюшной ход, тогда прокормится весь сенокос порядочная семья. Всю добытую рыбу солят и сушат: мелкую в печках, а крупную — на солнце. Чтобы закончить об одиночной ловле, упомяну о варварском истреблении мельчайшей рыбёшки — рыб будущего, здесь называют их мальками. Когда всмотришься в них, различишь пород: тут есть лещи, судаки, окуни, щучки и др. мелочь. Ловят их самыми частыми небольшими сачками. Исконные рыбаки очень не одобряют этого лова, говорят, что в прежние годы никто таких сачков не имел, ловили мальков малые дети для забавы решетом либо шапкой.

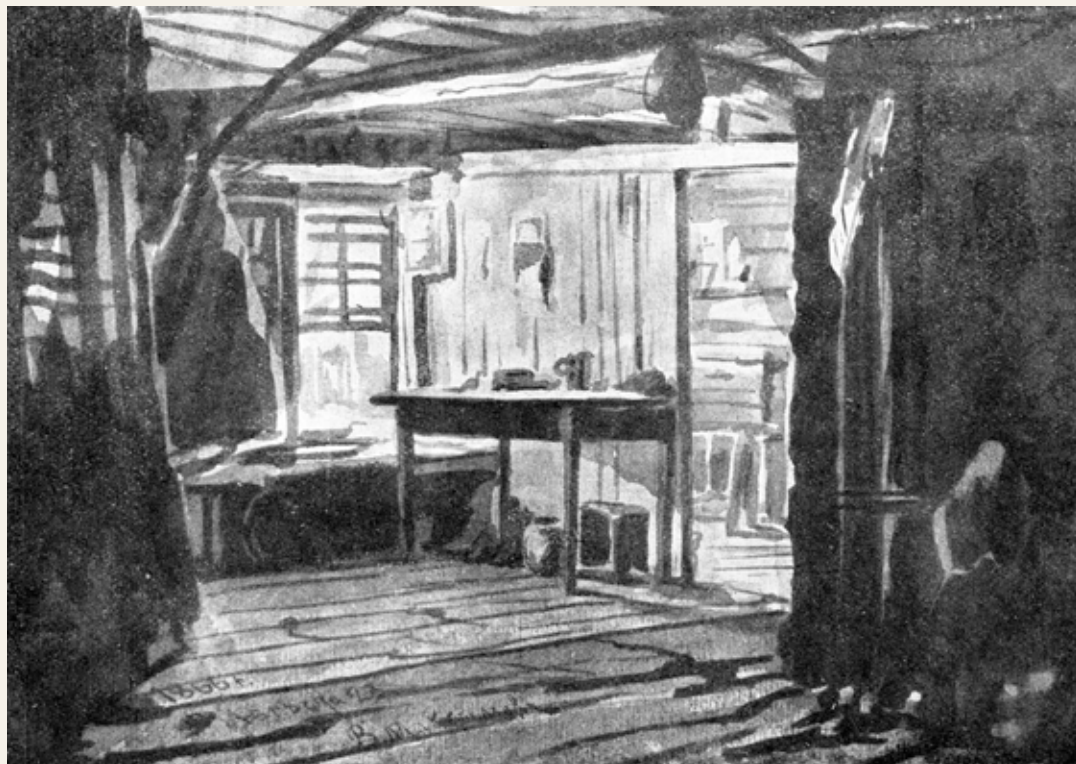
Ловля

Ловля в челнах парой. Для ловли частичком, сетями или поиздом непременно нужен товарищ — ловят на двух челнах: один из них должен владеть хорошо левой рукой, наводя на ход подкрайницей, а правой управляться с сеткою, другой, наоборот, правой направлять челон, а левой справляться с сетью, лучше, если оба товарища умеют ловить на обе руки, и в случае крайней усталости меняться руками. Но это еще не трудно сыскать в крае, где с малых лет учатся ездить в челнах и управляться с подкрайницей, трудно найти человека, подходящего по нраву, неспорливого, любящего своё дело, стоящего в одинаковых условиях в смысле досуга, имеющего равное количество рыболовных запасов. Поэтому, прежде чем окончательно сложиться, на пробу ловят 1–2 срока, потом, коли не придутся по нраву, расходятся, и опять-таки на срочное время складываются с другим, пока не попадут на товарища, человека по душе, на такого, что не захочется с им расстаться. Рыболовный товарищ — это самый близкий в семье человек. Замечательно, что семейства

товарищей всегда живут в мире и согласии: гостятся по праздникам, помогают в работе и во всякой нужде, никогда не судят друг друга на деревне — оберегают одна семья другую от людского языка — словно у них есть какая-то общая тайна, которую они поклялись взаимно свято сохранять. Никому не кажется странным, если на сходе мирском или где бы ни было заступится один товарищ за другого, напротив, удивились бы противоположному. Топит баню одна семья, другая заранее уверена, что будет позвана в первый пар. Занять чего-нибудь идут сначала к товарищу, а уж после в чужой дом.

Условившись во всех подробностях относительно рыболовных запасов, осмотревши их заблаговременно, назначают будущие товарищи ближайший праздник для богомольства. Бабам сказано раньше, что будет гость, в той и другой семье, глядя по достатку, готовятся к этому дню. Сходят товарищи к обедне, после обедни зайдут сперва к одному чайку попить, пообедать, час 2–3 спустя сойдутся у другого, и там и здесь при

В изб. Рисунок, 1866

всей семье молятся Богу при зажжённой лампадке и целуются, обещая свято охранять друг друга на воде и на суше до самой смерти. Пишущему эти строки не раз и не два доводилось присутствовать при этом трогательном обряде и видеть слёзы умиления на лицах двух товарищей.

Много приходилось знать стариков, которые с трогательной сердечностью вспоминали о своих умерших товарищах и говорили, что «с тех пор, как помер мой товарищ, не пошла на мою руку рыба, сяду, бывало, с чужим человеком на плаве, да всё и думаю, что вот уж этот мне не товарищ! А один раз так привиделось мне, что покойный ходит по воде да отгоняет от нас рыбу, я чуть не потонул с испуга, упал в Волхово, еще хорошо, что не попал под челон, да плавать умел, так продержался на воде, пока подоспели люди. С тех пор и ловить перестал, вяжу сети добрым людям — кормлюсь».

Лов в холодное время без поторга. Между молодыми рыбаками встречаются и ныне настоящие товарищеские отношения, может, они и вылились бы в беззаветную привязанность, если бы рыболовство не встречало бы со всех сторон утеснений, о которых мы скажем ниже. Умершему товарищу товарищ сам делает гроб. Итак, товарищи сложились вместе делить удачу и неудачу. Весенний лов покажет знание дна реки, но рыбак испытывается летом, а не в холоде, когда на реку надо ехать в рукавицах.

На ловлю из дома выходить не поевши не след, «на голодного рыбака рыба не идет», — говорят бабам мужики. Выходя из сеней на улицу молятся на 4 стороны и стараются добраться до реки, чтобы никто не оглядел; особенно боятся бабьей встречи, иная черноглазая, пересудливая, злющая, завистливая, как увидится с рыбаком, так лучше воротить домой, раздеться, перекусить корку хлеба, после этого снова выходить из дома. Если кто из домашних спросит: «Куда собираешься?», — тоже нехорошо, — надо знать, как говорить: «Далеко ли идешь?» Встретится поп — ладу не жди: либо не обрыбишься, либо на зацеп наедешь, либо рыба из рук выскользнет. Вот почему чаще всего видишь рыбаков, пробирающимися по задворкам, по полям на безлюдьи. Сойдутся товарищи на берегу, помолятся на все стороны и тогда решат, на котором плёсе начать лов на сей раз.

«Прилекнуть» частик. Около берега «пихаются» длинным гребным веслом с костьюльком у верхней части, подвигаясь очень быстро вверх реки. На избранном месте «прилекнут» (прикрепят) ушки частика-сетки к вервям (верёвкам): к толстой, к которой приделан помник (груз), ниже ушко, к тонкой, с кольцом, надетым на толстую и свободно по ней

двигающимся, «прилекают» к самому этому кольцу верхнее ушко. Прилекнут, опустят на дело запас, снимут шапки, 3 раза перекрестятся и скажут друг другу: «Бог в помощь, товарищ!» — «Надо Божья помощь», — ответит другой. После этого оба товарища всё внимание обращают на дно реки, постоянно поглядывая на берега, на приметы: против какого буеражка, вересняка или большого валуна, какая глубина, где есть зацеп, и внимательно следят — не попасть бы на корягу, которые зачастую приносят вешней водой, а зацепить за корягу — значит, оставить на месте чуть не весь частик.

Частик. Предвидя заранее случайность вешнего лова, рыбаки берут на первый выезд старые подержанные запасы, которыми ловили 2–3 года. Особенно тяжело товарищу, едущему у берега: он держит на весу груз-«помник» и сеть, ежеминутно справляясь, т.е. ощупывая дно, то пуская, то поднимая «помник», и наводиться подкрайницей ему труднее, ибо течение у берега слабее, а товарища, что речнее, несёт вешней водой очень сильно. Проплыв сажень сто-полтора, речной товарищ бросает подкрайницу и стучит о борт челна веслом, стучит, а сам наскоро снова хватается за подкрайницу, чтобы завернуть челон к берегу и скорее стать вровень с товарищем — носом к берегу — поравнявшись, товарищи оба сразу застучат о борт челна вёслами и сразу же закроют пазуху, т.е. отверстие сети-частика. Выбирая частик в челны, каждый свою половину, они наводятся подкрайницами, чтобы шеломы, т.е. верхняя часть частика была напряжена и попавшая в частик рыба не ушла. Частик выбран, рыба в чупе есть, товарищи ткнулись в берег и говорят: «Слава тебе, Господи!» Какая бы ни попалась рыба, её всю целиком прочат для себя, будь хоть такая нужда, нечем щи посолить — не продадут первого улова. Поймают угря — его бросят в воду, как поганую тварь. На привале, не выходя из челнов, едят (сидя в челнах) хлеб с солью, поздравляют друг друга с начином, жмут руки в знак товарищеской дружбы и успокоенные исполненным исстари заведённым обычаем снова отправляются на дело.

Ворочать частиком. Такой способ лова называется ворочать частиком. Одним и тем же частиком ловят 3–4 ч., потом его меняют на частик другого товарища (первая уха.) Вообще же не принято в первый весенний выезд «надсажаться». мучить себя, половят 2–3 ч. и возвращаются домой. Поставив на место, челны сомкнут замком, выжмут частики, «приберутся на плёсе», разделят добытую рыбу на 2 равные части и спешат порадовать домашних первым уловом. В разделе рыбы определяется характер товарища: иной прикидывает 20 раз одну и ту же рыбу,

боится, как бы не перешло на долю товарища десятка золотников, а другому всё ладно: сегодня досталась тебе лучшая доля, завтра — мне. Пишущему приходилось наблюдать дележи на плёсе. У иного товарища, во всех отношениях человека порядочного, при дележе проявляется столько задора, жадности, при этом ему из приличия надо сдерживаться, и смешно видеть жалкое выражение его лица с бегающими по рыбе глазами, словно он упрекает её, зачем она не идёт добровольно к нему в мешок. Обычай и здесь помогает: «В дележе рыбы не завидуй чужой доле». Как бы ни было поздно, а уха из первого улова варится тотчас по возвращении с реки ловца. Пока хозяйка стряпает, рыбак отбирает небольшую часть из улова и посылает вдове с сиротами, каким-нибудь старикам и вообще неимущим соседям, от подающего требуется, чтобы он никому этим не хвастался.

Лов сетями. В то же время, когда ловят частиком, начинают ловлю сетями. Запихавшись на определённое заранее место, на заплёске разбирают сеть на 2 равные части и выезжают на середину речки, здесь выкидывают её в воду по равной части, стараясь наводиться подкрайницей, чтобы скорее разъехаться; как только сеть коснулась дна, тонкой верёвочкой поднимают верхнюю часть на 2 с половиной маховых с[ажений] и, сказавши обычное: «Бог в помощь, товарищу», плывут, строго соображая дно реки, где надо поднять, где опустить помник. Сетями плывут на целую версту или на 2, не вынимая её для осмотра. Когда станет неумоготу держать в руках эту огромную тяжесть, который-нибудь из товарищей скажет: «Подними!» Выбирают её уже двумя руками, стоя в челну, а кто поопасливей — на коленях, т.к. в эту пору часто перепадают морозцы, и в челну бывает скользко. Для отдыха приходится ткнуться в берег, пожевать хлебца, да покурить, согреть ходошкой закоченевшие

Будущий художник. Х.м., 1899

ноги и опять на дно. Самые здоровые рыбаки больше четырех плавов в эту пору не сделают, идут домой обедать и отдохнуть, и уже в этот день с сетью на реку не являются, а после отдыха, перед вечером, работают частиком. Сеть в это время сушится на устроенных около дома шестах. Сетями вылавливают много рыбы в эту пору: лещи, карпы, или как их здесь называют «корбусы», судаки, щуки, изредка сиги (лососки очень редко) и др. менее ценные рыбы. пуда по 2 и более в один выезд приходит, при удаче. Тяжёлая одежда, тяжёлые сети, холод воды, пронизывающий, словно сквозняк, ветер коченеет руки, одетые в рукавицы с варежками, — вот почему не наслушать попавшейся рыбы, тут в пору только послушать дно, только весьма опытные рыбаки ловят сетями весенней порой. «Быстрина течения сносит сеть на глубине, а зачастую бывает, что на поверхности встречным ветром разведётся волнение, вот тут и сообрази, как сравняться, здесь, наверху, с нижней водой, надо работать подкрайницей изо всей мочи, и ведь человек не лошадь. Трудна ловля сетями в эту пору!», — заключил сообщавший мне рыбак-крестьянин. «Вот тоже, зацепы (здесь говорят «зачопы») — ведь это наказание божеское, а отчего эти зачопы стались, из-за жадности промышленников они

Набросок двух сидящих мужиков. Рисунок, 1868–1869

стались? Нагрузят через меру судно, — благо за взятку пускают в канаву, — ну, а случится ветер низовой, порожняка на парусах поднимается видимо-невидимо, ему, этому грузному судну, что старику не посторониться, вот и беда — судно, говорю, что старик, дряхлое, чуть его толкнуть, оно и село. Бывает, что лоцмана нарочно правят так, по злобе на хозяина, чтобы вред ему сделать, а вред-то этот приходит нам рыбакам. На моей памяти прибавилось 5 новых зачопов, да старых, не замытых, десяток наберётся — вот и плавай. Днём так мы по берегам знаем приметы, а ночью не дремли — знай щупай дно, мы по нём, как по вехам, узнаешь, скоро ли зачоп».

Думы рыбака и правила. Сел на плаве (плавом называют... двух ловцов в челнах), никогда не думай ничего худого ни о ком, не завидуй, ежели на плаву впереди тебя идёт хорошая добыча, не обещаешь, чего не можешь исполнить без жалости, — все равно Бог ничего тебе не даёт за это, — а лучше вспоминай свои грехи да моли Бога о прощении. Как получишь хороший улов, пошли, а лучше снеси своей рукой рыбки какому-нибудь бедному. Продавай рыбу, не дорожись: кто купил дешёво, тот за тебя Богу помолит, а купит дорого — ругнёт. На Волхово идёшь — прощайся с семьёй, да так, чтобы и тебя могли простить, потому что на воде смерть ещё ближе, чем на суше. Иди на ловлю чистый — поганого рыба не долюбивает (не любит). Вот почему видишь, что часто муж с женой мирно беседуют перед отходом на промысел, тогда как в обыкновенное время вражатся.

Ветры. Ветры для рыбака — либо враг злой, либо самолучший помощник, они отлично знают, когда какой ветер задует и каким сменится. Крестьянин-землепашец вдвойне заинтересован точным определением погоды, чтобы не потерять дня в хозяйственных делах ради гадательной прибыли на реке. Существует поговорка: «Рыбка да рябки — потеряй деньки». А много теряется деньков у волховских хозяев, любителей рыбной ловли. Особливо заметна невыгода такой любви во время сенокоса и в начале августа, времени посева, такие-то любители-рыболовы сложили пословицу, будто: «безземельные ловят, богатеют, а мужики даром в поле потеют». Весенний лов хозяйству не во вред, да и рыба весной не с ветра, а оплавная, т.е. такая, которую гонит с верховьев вниз льдом, а она всё старается подняться, много ли мало ли добудет, а всякий имеющий запас прокормится с семьёй на рыбе, не одну голову съест рыбак, достанется и целая рыбина. Между прочим, есть такое поверье, что когда едят первую уху, хозяин-рыбак первый вытаскивает из чашки рыбью голову и, перекрестясь, съедает её. затем, кто первый после него зачерпнет

ухи, того он бьёт ложкой по лбу, приговаривая: «Хорошего сига сегодня убил, дай Бог. всё лето так же счастливо поколачивать». Все бывают очень довольны первой ухой. Когда после ветров, угоняющих из Волхова воду: юго-восточного, южного, западного, — начнутся перебои ветра, а потом задуют: северо-западный, северный и северо-восточный, тогда с прибылью воды появляется и рыба в большом количестве. Самые же рыбные ветры считаются: северо-западный, и чисто северный, и северо-восточный, с перебоем от юго-востока тоже рыбный ветер.

Местное название ветров (волховскими рыбаками). Восточный; меженец — юго-восточный; полуденник — южный; крестовый запад — юго-западный; крестовик — западный, дует в церковный крест; крестовый сивер — северо-западный; сивер — север; зимняк или от зимнего востока — северо-восточный. Ветры и небо — это больше всего интересует крестьянина — рыбака, сойдутся 2 товарища, начнут гадать, скоро ли задует желанный северо-западный, северный — с озера вообще. Вот объяснение крестьян хода рыбы в Волхов с Ладожского озера. «Все ветры с суши на озеро угоняют в него волховскую воду, особенно чисто южный, и чем сильнее ветер, тем дальше в озеро сносит воду, сиг озёрный любит нашу волховскую воду, потому что она сытнее, гуще, вот он и скопляется, чтобы кормиться, ей там и сытно. и привольно, зачем ей от этакой благодати в Волхово плыть, здесь тесно, да и пароходы ей мешают стуком. В озере вода жидкая, сквозь неё на 2 саж (ени) дно видать; возьми ты нашего волховского сига, он жирный, плотный, тяжёлый, — значит, отгулялся, а озерной — слабый и жиру того в нём нет; наш сиг ленивее, его скорее возьмёшь из поизда, а озёрный — прыткий, ловкий на ходу, только он здесь в Волхове скоро откармливается, — в неделю другой станет. Осетра в озёрах редко кто изловит, он там бойчее, а у нас здесь поживёт, станет как чурка (обрубок)» Крестьяне различают рыб по уму, придавая, как людям, эпитеты: сиг — умная рыба, лещ — дроволом прямой, щука — хитрая, жадная, судак — прожора. налим — лежебок, сом — соня, форель — барышня, лососи — на-купчиха и т.д.

Угорь. Угоря немногие крестьяне станут есть, его считают змеиной породы; если попадётся в первый выезд рыбака, он ни за что не возьмёт его руками. Постарается выпустить из сети так, чтобы он не успел нализиться, и непременно выкоптит сеть после этого, иначе не пойдёт ни одна рыба. Пойманного в другое время угря рыбак не положит вместе с другой ценной рыбой, кроме как со щукой, — «эта прорва пусть бы его съела». Угоря крестьяне приносят домой не для еды, а для шкуры, которую употребляют на путо к цепу, находя его более твёрдым, чем ремень, — но

только не надо таким цепом молотить гороха, от этого он сразу оборвётся. Это не предрассудок, а испытано много раз на деле.

Посев яровой. До начала весенних полевых работ рыбачат мужики ежедневно без ущерба хозяйству, а в прибыль дому; с началом полевых работ рыбаков-мужиков сменяют женщины, складываясь со свободными от таких работ мужиками, и ловят также успешно, только с сетями не выезжают, — силы на это у них не хватает, они ловят поиздом.

Поизд. Поиздом ловят на середине реки, он несколько больше размером частика и ячеи реже (есть поизда со средней величиной ячей — «межеумки», т.е. между частиком и широкаячейным сиговым поиздом). «Прилекают» — прикрепляют — его ушками так же, как и частик к вервям, т.е. к верёвкам, к толстой для грузы-помника и к тонкой для наслушивания попавшей в него рыбы. При быстрине вешней воды и лёгкости полотна поизда необходимо сильно наводится (давать движение вперёд) подкрайницей, чтобы не закидывалась мотня к шеломам, почему и ловят весной только сильные и опытные в рыболовстве женщины. А с выездом баб почти кончается весенний лов; скоро наступит затишье, а потом начнётся ятовый ход ¹ сига и другой ценной рыбы.

Пристань перевозочных лодок. Рисунок, 1883

Титы крестьян. Рисунок, 1881

Корюшка. Первым признаком скорого прекращения хода «путной рыбы» служит появление в Волхове корюшки. В озере и устье Волхова она начинает ловиться с началом апреля, а настоящее ято идет с 10 по 17 — в холодные годы, а в тёплые — на несколько дней раньше; — и её бывает так много, что цена падает до 20 коп. за четверик, иногда доходит до 5 коп. Прасолы¹ скупают её партиями, сушат её в особо устроенных сушилках, предварительно просолив, потом продают по 2 руб. за пуд.

Сушка и торговля корюшкой. Хотя и при таком, более чем хорошем, барыше, прасола не могут удержаться от мошенничества, подсыпают сюда песок, подсаливают её перед укупоркой в корзины (из-под ложек), привозимых с Волги, отчего вес значительно увеличивается. Купить полкорзины, верхнюю часть, не позволят, за фунт возьмут с покупателя по 6 коп. за чистую отборную, которою они украшают продаваемый оптом хлам. В свежесушенную корюшку они подмешивают прошлогоднюю лежалую, в которой уже завелась моль, и вся она прогоркла. Такую негодную прасолы сбывают лесопромышленникам для корма рабочих

¹ Оптовые скупщики рыбы, мяса, скота.

и хозяевам судовщикам, занимающимся провозом кладей. Вверх по Волхову корюшка поднимается от устья версты на 4. У с. Иссада есть тоня¹, где ждут ятовья с готовым неводом и вылавливают в иные годы баснословное количество прасолы крестьяне. Корюшка прорывается небольшими партиями вверх, как выше сказано, ловят её сачками — «сачат». Появление её около Старой Ладogi означает, что улов всякой другой рыбы ослабеет. «Духу корюшного хорошая рыба не любит, прячется в ямах», — говорят рыбаки. Не дольше недели гуляет она ятом по Иссадскому, Староладожскому и Обуховскому плёсам, а есть места, глубокие, между этими плёсами, где её никогда не видать. Замечают, что ежели в частый поизд — межеумок — попадет много корюшки, тогда лучше его выкоптить — плохо идет после корюшки всякая другая рыба.

Затишье в лове. Около второй половины мая настает затишье в лове, занимаются только те, у кого других занятий нет, как напр[имер]. мещане селения Старой Ладogi.

Лов мерёжами. Вскоре после прохода льда, на плёсах более тихих, ставят мережи небольших размеров, трехгорлые, этим по преимуществу занимаются бесхозяйственные крестьяне и староладожане. У каждого такого рыбака имеется 6 и более пар мереж, т.к. их часто приходится сменять свежими выкопченными, которые не слизнут в воде, потому и улов получается лучший. Осмотр делается 2 раза в сутки — утром и вечером через равные промежутки. Лов производится мережами целое лето, кроме самого жаркого времени, в июле, когда вода делается очень тихой и тёплой, рыба не попадает, а запас сильно гниёт. Рыба в них ловится разная, нередко навернётся сиг.

Осетры играют. В июне месяце заходят в Волхов осётры, появление их приветствуется, они предвещают скорое наступление сигового лова. Опытные люди по игре, т.е. по всплеску осётров, замечают: будет им лов или нет. Если осётр играет на вечерней заре на глубоких местах, где находятся ямы, — значит, лов будет хороший; играет среди дня — не жди осётра, укатит обратно в озеро. Соблазняются рыбаки игрой, ездят плавать днём и ночью, хотя бы не пришлось достать кошке на ужин; вёрст по 20 в сутки приходится проплыть сверху вниз, да столько же веслом пропихаться, если не удастся зацепиться за порожнее судно, буксирное пароходом вверх.

¹ Участок реки со специально оборудованным местом для промыслового лова; на берегу находились постройки для жилья наняваемых рыбаков. Тони обычно сдавались в аренду.

Ловля осётров. Те, которые не гоняются за осётрами, чаще, как подарок, его получают в тонкий, не всегда даже новый поизд, а в крепкие огромные сети во всё лето попадается 2–3 осётра. Бесчисленное количество раз приходилось слышать о счастливой поимке осётров, и то, что об этом рассказывают, поистине можно приписать счастливому случаю. Несколько лет назад, за недосугом молодых, поехали на Волхов 2 старика из д. Чернавина, половить поиздом, только успели они сказать обычное «Бог в помощь, товарищ, и надо Божья помощь», как что-то сильно дёрнуло, думали, что попали на зачоп, начали потихоньку поднимать, и тут почувствовали оба, что в поизде есть осётр. Поспешили к берегу. Кликнули на помощь людей и вытащили 9-пуд[ового] осётра, словно чурбан. через 3 дня опять изловили осётра в 2 с лишком пуда в самый ветхий поизд. Вот почему так усердно гоняются за осётрами — сразу окупаются все труды. Здесь их не закалывают, а просверливают носовой хрящ, продевают верёвку и отводят в Новую Ладугу прасолам.

Цена осетра на месте. За пуд 8 руб. платят прасолы ловцам — за осетра от полутора до 3 пуд[ов]; чем больше вес, тем дешевле цена. В прошлом году за 8-пуд[ового] платили по 6 руб. с полтиной. Ходит такой рассказ о том, как развелись в озере осетры.

Легенда о разведении осетров Петром I. Однажды Пётр Великий приехал с гостями в Новую Ладугу поглядеть, так ли здесь устраивается город, как он велел; оставшись очень доволен, ездил на озеро с рыбаками на сойме осматривать мережи. «мережи озёрные очень большие — говорит Пётр Великий рыбакам, — а рыба маленькая, погодите, я скоро разведу вам большую рыбу, как раз по вашим мережам». Ездил он в тот год в тёплые края и привёз 100 живых осетрих с осётрами, да строго-настрога заказал не ловить их 5 годов и смотрителя такого приставил. Через 5 годов приехал сам узнать, есть ли в живых осётры и приказал ловить в озере. Принялись ловить. Ловят день, другой — ничего не выловили, сколько не было рыбаков, все в одно слово сказали царю, что осётров в озере нет. Заскучал Государь и сказал: «Не я буду, коли не разведу осетров!» Путь его был в Новгород, подъезжая к Старой Ладогге, вспомнил царь об одном ослушнике Охряеве, который медлил переселяться в Новую Ладугу, и пошёл к нему, а тот знал, что добру не быть, сам выбежал навстречу царю, да и бух ему в ноги. Царь огрел его палкой, да и говорит: «Чего валяешься, подлец, вставай, сказывай, отчего не хочешь в Новую Ладугу переезжать?» А Охряев и говорит: «Хотел завтра же ехать к тебе, Государь, с подарком, с осётром, что сегодня в Волхове добыл». Пётр Великий как увидел осётра, от радости простил ослушника и велел ему, коли хочет, оставаться на

Ручей. Рисунок, 1867

старом месте, а осётра свезти озером к царице в Питер. Зашел в дом Охряева, увидел, что у него чисто, остался ночевать со своими генералами. Рассказ этот, слышанный в продолжении 40-летнего знакомства с этой местностью, всё больше и больше изменяется, сохраняется до сего времени только в поколении Охряевых в первоначальном виде, да в памяти нескольких стариков. Существует и такой рассказ. «Везли купцы с Волги на поклон царице Екатерине в Питер самолудчей рыбы, понадеялись купцы на своих лоцманов, поехали по озеру, не взявши наших ладожан, случилась в озере буря, живорыбу ихнюю разбило, едва и сами кой-как спаслись; вот, с тех пор и развелись в озере осётры, форели и стерляди»

Количество осетров. Осетровый улов год на год не приходится, бывали годы, что десятков до двух волховские рыбаки изловят и больше, а то так и пяти штук не насчитать. По словам тонецких рабочих, в невода попадёт за лето не менее двух десятков осётров, о чем хозяева и прикащики в своих интересах умалчивают, жалуясь на невыгоды ловли вообще.

Первое сиговое ято. С появлением в Волхове осётров начинается первый ятовый лов сигов. Погода благоприятная, с низовыми ветрами,

Сметный рынок на реке Пскове. Дерво. м., 1900

тонщиков нет, одна только помеха — заколы¹. В устье Волхова на 2 вер. наставлено почти сплошь громадное количество мерёж с крыльями, готовыми захватить всю рыбу. Все-таки, будто на зло корыстным людям, рыба проходит в Волхов мимо этой западни. Тонщики не начинают ловить в это время потому, что некуда девать свой живой товар: Питер в разезде по дачам, а консервировать толку не хватает. К началу сигагового лова кипит работа на берегу реки. Самый захудалый мужичонко копошится около своего давно не смоленного полусгнившего челна: конопатит, смолит, ладит недостающие части. Рыбачество обуяло всех прибрежных жителей. В любой из деревень увидишь: на залобке² избы

¹ Заколы на реках обычно делают в виде деревянной перегородки, забора, из досок, кольев, столбов, которые перегораживают реку по всей стороне или частично. В нескольких местах закола делают проёмы, к ним подставляют мерёжу, в которую попадает рыба.

² Фронтон крестьянского дома под двускатной крышей.

вялится весеннего улова рыбёшка: язи, сырты, подлещики, сопа, плотички, на припёке полуденном сушится кожаный рыбацкий с нагрудником передник, жирно пропитанный товарным дёгтем, торчат на кольях изгороди, под пару переднику, сапоги, тут же развевается на ветерке рыбная торба, сачок и крыга стоят в углу у амбара — они до будущей весны не понадобятся.

Войдите в избу и здесь увидите картину, соответствующую времени появления сига. Тщательно перебирает мужик свой поизд, а 2–3 готовые лежат на лавке; мальчуган наматывает нитки на клещи, которые должен отец взять с собой на случай починки, он, видимо, гордится своим занятием, он тоже помогает отцу ловить рыбу. Баба ставит самовар, гоношится у печки, придумывает, чем бы накормить мужа, чего дать с собой. «Игнатий Олексиевич, рыбника возьмёшь с собой?» — спрашивает жена. «Не, не возьму, не досуг буде костей выбирать, ишо подависсе, лучше свари яичек, как самовар поспе», — ответит ей муж. Входит девочка в избу, долго молится, потом подходит к Игнатию Алексеевичу и тихим голоском говорит: «Татушка велил спросить, справился ли ты на Волхово, да ишо велил сказать, мы чай пьем, дак приходи к нам, а не то татушка и сам придет». — «Пусть к нам приходит, скажи отцу, што я ево дожидуюсь». — «Ладно скажу», — ответила девочка и нырнула в дверь. Это дочка товарища приходила с вестью, что отец справляется на реку. Придёт товарищ, перекинется за чашкой чая деловым словом, скажет: «Справляйся, Олексий, я сию минуту приду».

Оденется рыбак в свой наряд, привяжет кожаный с нагрудником передник, кожаные нарукавники, простится, перекрестится и на дело. Около вечерень отправятся рыбаки вверх по Волхову, вёрст за 5 от своего места, пока не устали, надо подальше запихаться, там сделают плавов 5 — каждый плав 200 с лишком саж., — а коли нет удачи, плывут ниже и остаются на ловле до 7–8 час. утра, всхрапнув в челну час-два, ночной порой, где-нибудь на пустоплесьи. (Приписка корреспондента слева: если во время ятового лова случится несколько выездов неудачных, принимается следующая мера, по мнению рыбаков направляющая дело: сажает к себе в челон один из товарищей какого-нибудь мальчишка-сироту и едут на ловлю; отпуская его, дают ему на гостинцы какую-нибудь серебряную монету — гривенник и больше. Вероятно, что сын вдовы приносит счастье.)

Какие рыбы ловятся из ценных. Кроме сига, нередко попадают форели и лососи, которые ценятся здесь по весу в 2 раза дороже сига, стерлядь есть, но как редкость, и наши здешние рыбаки, не знавшие ей

цены, сбывали в прежние годы дешево, «лишь бы с рук сбыть», за четырнадцативершковую брали 5–10, а 75 коп. считали цену огромной; теперь узнали в ней толк, запрашивают рублями.

Сбыт. Цены. Остальная рыба — лещи, судаки и пр. — понижается в цене по мере улова сигов. Сбывают рыбу в очень большом количестве в Успенский девичий монастырь¹, где живёт много богатых монахинь и белиц², покупающих, как для своего потребления, так и для посылки в гостинцы родным и благодетелям в провесном-вяленом и копченом виде; покупают помещики, духовенство, дачники, а избыток отправляется в Новую Ладугу прасолам, отправляющим рыбу в Петербург в корзинах (переложенную льдом). При хорошем улове цена сига за фунт — 10–12 коп., средняя цена только что пойманного сига — 45 коп., прасолам отдают за 35 коп. и дешевле.

Заготовление впрок. Бывает, что цены падают низко, тогда рыбу оставляют для своего употребления, к летним праздникам. Заготавливая впрок сига, пластают на спину (отнюдь не счищая шелухи) вынув внутренности, очистив и обтерев тряпкой кровь, крепко солят прорезанные вдоль спинной кости толстые жирные места, а также жабры, втирая слабо соль по остальной части рыбы, кладут её потом в длинные деревянные ушатки и дают просолиться трое суток, перекадывая несколько раз нижнюю рыбу наверх; на третьи сутки, вынув из ушатки, продевают поперёк сига 2 заострённые с одного конца лучинки, чтобы сига удобнее охватывало солнцем, у хвоста прорезают отверстие, в которое продевают верёвку из мочалы и связывают сигов парами. Приготовленные таким способом сига вывешиваются на один день в тени, чтобы несколько завялились, потом их вывешивают ежедневно на солнечный припёк до тех пор, пока они зарумянятся и совершенно затвердевают.

Прочность приготовленной рыбы. Такая рыба очень долго не портится в сухом прохладном месте, а чуть станет сыреть, её подсушивают перед печкой. Хорошо провяленную рыбу можно употреблять сырою, но она ещё вкуснее, когда её, облив кипятком, на противне поставят в закрытую печь и дадут вскипеть жиру.

Цена петли. Пара таких сигов, или по-ладожски «петля», стоит во всякое время 1 руб. 20 коп. Этим способом готовят сыртей, язей

¹ Монастырь в Старой Ладогге; точная дата основания неизвестна. Впервые упоминается в описной книге 1500 г.

² Белица — девушка или женщина, живущая в монастыре для подготовки к монашеской жизни; так же называют женщин, удалившихся в монастырь временно.

и подлещиков для домашнего обихода, они обходятся дешевле селёдки. Щук и судаков солят и хранят в кадках под гнётом в рассоле. Местные жители не запекают ни сига, ни всякую другую какую рыбу в пирог, предварительно слегка сутки не просолив.

Начало сенокоса. Проводив Ивановскую ярмарку, запасшись на ней всем необходимым, начинают сенокос. (Рыбный ветер смущает мужика.) Без подспорья рыбного промысла, дающего возможность удовлетворить насущные нужды десятком — другим рублей, крестьянину не попасть на покос. Нужны: крупа, масло, соль, хлеб, которого хватает едва-едва до великого поста, приходится покупать, а ежели в семействе «семеро с ложкой, а один с сошкой», так изворачиваться бывает очень трудно. Положим, добыча у приречного крестьянина всегда под руками. Иди к промышленнику нагружать плиту, известь, обжигать известьку, грузить в барки дрова, наймись посаженно ломать плиту, за всякую такую работу в летнее время платят очень высокие цены: на хозяйских харчах по 1,5 руб. в день. Многие из крестьян, затянувшиеся в долгах у этих хозяев, и состоят в кабале до смерти, не имея возможности расплатиться при самом отчаянном усилии. Очень просто. Промышленник имеет лавку со всеми нужными крестьянину товарами, уплачивая за работу товаром, который ставит по цене лишь для себя выгодной — денег у него хоть проси, хоть не проси — их он не даст, хотя бы у него они и имелись в наличности, а деньги мужику нужны: для уплаты кузнецу за работу сохи, железной бороны, сапожнику, за зазубрение серпа захожему мастеру, наконец, он купил бы и лучше и дешевле товар в другой лавке на деньги. [Приписка корреспондента: Примечание. Не редкость и такие случаи. Работающий у промышленника мужик придёт просить денег. «Дайте, — говорит, — полтинничек, право, нужно, жена родила, за молитву попу, за крестины,.. дайте». — «Денег теперь нет, возьми четверку чаю, это тот же полтинник», — отвечает торгаш. «Да куда мне с ним, с чаем, за него и в прошлый раз дали мне только четвертак». — «А ты возьми полфунта, вот и обойдешься», — беззастенчиво советует мужику прикащик кулака. И берёт мужик полфунта чаю, несёт его продавать к имеющему деньги соседу, который, конечно, тоже не помилует бедняка. А попробуй мужик доказывать кулаку его несправедливость.] Промышленник скажет: «Бери товаром вот и всё, либо уплати старый долг, тогда и не знай меня». Только большая крайность, напр., неурожай, падёж скота и т.п. заставляют должать кулаку, а раз задолжал — не выбраться из серебряных лап кулака до самой смерти. Вот ещё почему так неохотно идут на дорогую работу к промышленнику. Надо всякую работу взять артелью, на отряд,

и пока не кончишь, нельзя отлучиться ни на один день; взявши работу, артель пьет литки, по окончании работы литки, да перед вытью на артели надо протянуть «по маленькой», глядишь, уж цена за день понизилась, да потеря в хозяйстве такая, что после и 5 руб. не покроешь. Как ни тяжела для крестьянина рыбная ловля, и как она ни случайна, в смысле прибыли, все же крестьянин свободнее, может ехать на реку и не ехать. Не заводя прихотей — жить мужику-рыбаку можно. Потому мужик, работая на сенокосе, зорко следит за переменами ветра и за небом, старается не прозевать, когда подует низовый (с озера) рыбный ветерок. Он пораньше, до заката солнца, вернётся домой и часа 2–3 половит, а пойдёт дело на лад, хватит до утра. Часто, ни спавши ни часа, прямо бежит на сенокос. Коли день хороший, надо убрать, сметать в заколину¹ готовое сено. Задует юго-западный — уборка сена плохая, перепадают дожди, можно днём косить, а остальное время рыбачить; чистый северный без дождя, — сохнет сено хорошо, скорая уборка — опять поход на рыбу, и так всё лето: с одной работы на другую спешит мужик, имеющий хозяйство. Отдых такому мужику только в праздник, после обедни и до 5 ч., да и то ежели не позовут на деревенскую сходку, что бывает очень часто.

Где производят лов во время низовых ветров. Низовые ветры всегда разводят большое волнение, мешающее лову, обыкновенно, волнение стихает к 5–6 ч. дня настолько, что опытный рыбак сумеет легко управиться, но ждать затишья скучно. Есть такие места, где река делает повороты, напр[имер], от северо-западного и северного ветров прячутся в изгибах реки от запада к востоку, защищённой с северо-запада высоким крутым берегом; от северо-восточного ветра едут на плесо от д. Симанково до Никольского монастыря², а к вечеру, когда везде стихнет, ловят там, где ближе к дому. В более свободное время едут к д. Дубовики. «на славу», как принято называть это место по обилию рыбы и по трудности лова, но ловить здесь приходится с опаской: дубовицкие мужики не позволяют всякому ловить на своём плесе, хотя на это не имеют никакого права, а задобренные владельцами и арендаторами рыбных промыслов в порогах, стараются не допускать близко к порогам чужих людей.

¹ *Заколина* — стожок сена, сложенный вокруг воткнутого в землю кола.

² Староладожский Никольский (Николаевский) монастырь; по преданию основан князем Александром Невским в память «о гиблых сродниках ладожанам, погибших в битве на Неве со шведами». В 1764 г. отнесён к 3-му классу; в 1811 г., благодаря усилиям митрополита Санкт-Петербургского Гавриила, восстановлен и получил самостоятельный статус, т. е. перешёл в число заштатных.

Лов у д. Дубовик ниже порогов. Случалось возражать им, но они отвечают вместо слов бросанием с крутых берегов в рыбаков камнями. Но т.к. это плесо рыбное, то, рискуя быть ушибленным, всё-таки ездят и туда.

Опасности лова. Здесь течение очень быстрое, река не глубже двух саж[еней], а ближе к порогам [на] 1,5 и 2 арш[ина], надо очень большая опытность, чтобы управиться с поиздом, — чуть ослабела рука с подкрайницей, того гляди — перевернёт челон боком и опрокинет; нередко рыбаки купаются от опрометчивости, и этому никто не удивляется. Сами дубовицкие крестьяне не занимаются рыбной ловлей в челнах. Крестьяне семейные, имеющие возможность справляться с хозяйством без одного из работников, живут достаточнее — рыбак обтягивает денежные расходы и кормит семью рыбой. У рыбаков принято называть рыбой только ценную. «Что, брат, сколько сегодня наловил?», он ответит: «2 рыбы, да 7 посторонок». Посторонки — это разная мелочь вроде язей, плотвы и т.п.

Появление тонщиков. Около Петрова дня, 29 июня, приезжают на промысел тонщики и с первых чисел июля начинают лов, на левом берегу р. Волхова, в 3 вер[стах] от устья реки, немного выше островка близ д. Юшкова; другая тоня на полверсты выше первой. Работают тонщики на 2 смены, и днём и ночью. Этому препятствовать никто не может, хотя приречные крестьяне неоднократно обращались с просьбой в земское собрание. Обе тони арендуются тверским крестьянином Лобовкиным и петербургским купцом Ларионовым у помещиков г. Балк и г. Заушкевич. Лобовкин и Ларионов ловят такими огромными неводами, что хватают от одного берега реки до другого. На этот незаконный лов крестьяне жалуются уже более 10 лет, но ничего не достигают по той простой причине, что ни разу не произведено было следствия врасплох — всегда добродетельная полиция предупреждала о своём появлении и, конечно, никогда не находила незаконных неводов, кроме тех неводов, которыми обязаны ловить промышленники на реках; но лишь только удалялись понятия, как выносили из леса рабочие те запрещённые страшные невода и снова пускали их в дело. Владелец пассажирских пароходов кр[естьянин] Набоков, арендующий рыбные ловли в волховских порогах, заинтересованный также, как все приречные крестьяне, правильностью лова жаловался полиции, а когда всё его усердие развивалось прахом, принимал нарочно меры самоуправства, чтобы вызвать со стороны тонщиков жалобу. Тонщики, зная время прохождения пассажирских пароходов, закидывают невода законные, в промежутки же пользуются неводами через всю реку. Набоков снарядил свой сильный

Портрет жены художника. Рисунок,

винтовой пароход как раз в промежуточное время и въехал пароходом в середину невода, остановился, — порвал его сколько мог, бывшие с ним рыбаки также поусердствовали. Тонщик жаловаться не пошел, а рыбы в верховьях реки прибавилось. Подобные меры принимались много раз с тонями и заколами в устье Волхова, но приносили пользу лишь на короткое время. Гораздо действительнее польза от северо-восточного и сильного северо-западного ветров, которые разводя волнение, закидывают мотню невода, путают его и делают лов невозможным. Этим ветрам вдвойне радуются рыбаки, он гонит рыбу из озера

и мешает незаконно ловить неводами, да коли он сильный и заколы сносит куда попало, а их вплотную ставят версты на 2 с половиной разные владельцы.

Сойма прасола. С 15 августа, во время улова приходит ежегодно сойма-садок и забирает у ловцов живую рыбу. Сойму ставит прасол там, где много рыбаков (рыбу сонную не берёт), за живую платит: за большого и малого сига по 35 коп., и деньги тут же платит начистоту.

1000 сигов, 100 рыбаков и 1500 на каждой тоне. От 100 рыбаков он набирает в сутки при самых благоприятных условиях немного более 1000 сигов, тогда как на каждой тоне в сутки добывают по полуторы тысячи, действуя неводом через весь Волхов. Тонщики заканчивают лов к 1 октября. Так обыкновенно рядятся рабочие, но если время стоит тёплое, рыба ловится, хозяин задерживает их на неделю.

Итог доходов рыбака. Приречный крестьянин-земледелец, справляя хозяйство на 2 и на 2 с половиной души, накопит сена для двух коров и лошади, успеваает заниматься и рыбной ловлей, которая дает ему средним счётом около 100 руб. деньгами. Вот приблизительный расчёт среднего по улову дохода. От продажи рыбы выручается 100 руб., 15 сигов на 2 храмовых праздника — 4 руб. 50 коп., 1 пуд разной рыбы на праздники — 2 руб. 40 коп., 6 пуд. рыбы на еду семье за 6 месяцев — 12 руб., 6 пар вяленых сигов на зимнее время: молотьба и другие случаи (по 1 руб. 20 коп. пара) — 7 руб. 20 коп. Всего 126 руб. 10 коп. По расчёту рыбаков, запасов рыболовных износится не более как на 6 руб., с половины апреля по 1 октября.

Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака

389. Достижение половой зрелости. На девчонку смотрят «безо всякой опаски» до тех пор, пока не придут регулы, «пока не стане носить на себе»; с этих пор её считают, в некотором смысле, способной на увлечение, и начинают приглядывать, чтобы с мальчиками-ровесниками она не заигрывалась поздно вечером; с 12 лет девочку уже не пустят бегать в одной рубашонке. Ещё на память людям не особенно старым, выход в замужество 14–15 лет. Возраст девушки от 13 до 17 лет считается самым опасным, она может пасть, не сознавая важности проступка и его последствий. Позднее мать ей объясняет все подробности и старается вызвать на откровенность: где, когда и с каким парнем дочка застоялась, что говорили и пр. Начиная с 15-летнего возраста уже и соседи относятся к девочке, как к будущей невесте и предъявляют серьезные требования. За какую-нибудь провинку и выругают: «кобыла», «замуж пора, а ты дуришь», «ведь волосами обросла».

390. Сближение молодёжи. С 15 лет игры общие у девушек и парней, но играть можно лишь на деревне, на глазах старших; летом играют в горелки, «хоронушкой», в праздники водят шутёвые хороводы, сходятся у качелей попеть песни — по будням летом на полевых работах, на сенокосе, зимой — на беседах. Парни и девушки, приглядевшись летом друг к другу, с самого начала посиделок сговариваются «сидеть вместе», к такой паре уж не подступают другие ребята, хотя девушка из приличия никогда не откажется поболтать с посторонним, а парень не полезет в задор из ревности. Если «чужак» станет охальничать, ему после беседы наломают бока. Бывает, что из чужой деревни парень сойдется с девушкой, и они сидят вместе, не возбуждая в других ненависти, лишь бы вёл себя прилично. Пришедший на беседу парень покупает у хозяйки свечку и велит зажечь для веселья, подходит к одной из девушек, кланяется ей. Она встает и идёт с ним по избе, в это время остальные девушки поют песню, величая парня по имени и отчеству, называя его ясным соколом. По окончании песни парень девушку целует, если она не уклоняется, а против её желанья поцеловать считается неприличным и небезопасным, ибо ребята-беседники зорко за этим смотрят. После этой церемонии парень садится рядом с этой девушкой или на короткое время или на весь вечер, если они раньше сдружившись. Женатый только подгулявши пойдёт на беседу, на них смотрят недружелюбно парни и девки; если

Молодая женщина. Рисунок, 1866

же он — мастер балагурить, песни петь или играть на гармонии — его терпят. Замужние женщины никогда не ходят на беседу, а также и вдовы. Нередко ребята приходят на беседу, «хвативши» для смелости. Бывают случаи, что ребята сговариваются не пускать чужих парней; в этих случаях не поможет и водка, станут силой врывать — тогда драка неизбежна. Отдавший под беседу свою избу не вправе распоряжаться гостями, кроме случаев, когда они нарушают приличие.

391. Парень берёт, кроме красоты, силой, смелостью, весёлостью, умением сплясать и песню спеть, развеселить всех и со всеми поладить без унижения. Грамотностью и серьёзностью не покорить сердца

девки на беседе: здесь не место этим добродетелям; сейчас скажут: «Что ты, Ваня, в попы что ли собираешься?» От девушки требуется, чтобы она была здорова, физически развита, полногруда, поворотлива, умела постоять за себя на словах, а при случае и отпихнуться от назойливого человека. Если при всех сказанных достоинствах она не очень курноса, не подслеповата, не полорота, умеет порядком одеться — такая девушка нравится парням. О цвете волос никто не думает — «было бы личько биленько». К выдающимся, из ряда вон, красавицам парни относятся с каким-то особенным, чуть не благоговейным чувством, ежели, при красивой наружности, она не глупа. Будь она даже бедна — всё ей простится. Ничью просьбу так охотно не выполняют, как её. Но парни словно боятся ухаживать за ней, словно они сознают себя недостойными: ждут, кого она сама выберет, держатся в отношении неё скромно. И попробуй такую царицу кто-нибудь оскорбить — избьют! Вообще, оскорбить (поднять подол, схватить за грудь, выругать) какую бы то ни было девушку считается позором; хотя бы парень находился в связи с ней, ему не простят этого ни парни, ни девушки. Такого и на беседу не пустят, а в хмельной

компании, того гляди, рёбра переломают. Родители, за очень редкими исключениями, на посещение беседы смотрят как на неизбежное зло. Матери стараются сблизиться с владельцем или владелицей избы, где происходит беседа, и узнать, как девушка ведёт себя, и кто особенно за ней ухаживает, чтобы вовремя принять необходимые меры. Беседы собираются во вдовьих домах; пускают беседу для поддержки средств. Вдове ребята навозят дров на зиму, она имеет готовый свет, кто-нибудь закажет ей яичницу, торгует свечами, пряниками, яблоками, к услугам гостей самовар и т.п.. девушки для хозяйки принесут воды, вымоют пол, вычешут лён, попрядут.

392. Не часто, но бывают случаи беременности раньше брака. «Как о четырех ногах, да спотыкается», — говорят мужики, когда такой грех случится. Бабы судачат на все лады, будто сами не бывали молоды. Как только заметят сторонние связь парня с девушкой, без стеснения говорят: «Смотри, парень, сведут у тебя корову Демкины, уж «быть бычку на веревочке». Обыкновенно, парень соблазняет девушку обещанием жениться, а когда наделает беды, отказывается покрыть грех. Родители парня в очень редких случаях соглашаются взять беременную девушку, хотя бы сын и желал загладить свою вину: грозят сына лишить благословения, голого выгнать из дома, и, когда не смогут сломить упорства, да и со стороны родителей девицы сулят дать в приданое что-нибудь сверх положенного, тогда дают согласие.

Если забеременеет сирота, то за неё вступается «мир», священник, — все будут стараться уговорить парня жениться. Но с молодыми девицами подобные грехи

Девушка в сарафане. Рисунок, 1869

так редки, что в двух волостях за 25 лет только было 3 случая. Девушки «подстарки», за 25 лет, нередко рожают; на них смотрят снисходительно, ребёнка они воспитывают у себя, а с парня сдерут на воспитание, выждав, когда он задумает жениться; в этих случаях народ оправдывает девиц — по пословице: «Любишь кататься, люби и саночки возить».

Обстоятельства, предшествующие браку

393. «От своей судьбы не уйдешь», «Сужено полино буде в боку», «Не по хорошу мил, а по милу хорош».

Одна знакомая женщина так рассказала о своей судьбе. «С 10 годов до 17 мы с мужем встречались, не зная, кто откуда родом, и ни слова не сказали друг другу. Девчонкой, было, пойду в Ладогу с молоком, он вместе за реку переезжает, пошла с матерью к Александру Свирскому¹ на богомолье — он туда же; подростком на ярмарке в лавке от одного куска ситец покупали: ему на рубаху, а мне на рукава. Уж я была шестнадцати лет, когда с братцем пошла на Волхов искать работы (перед сенокосом делать дома нечего), а у д. Поляши грузилась барка дровами; братца взяли «каталем», меня — «укладчицей». Только что принялись мы за работу, «суженой» опять тут с нами на работе. Ну, в этот раз мы маленько познакомились. В ту осень в 2 хороших места меня сватали — не пошла. Первый мой жених церковь обокрал, другой помер через полгода после свадьбы. Как-то этак после Нового года покойный родитель вечером возвращался с мельницы по Волхову. Занось была большая, воз тяжёлый; лошадь пристала, до деревни ещё больше двух верст... Слышит батюшка, кто-то сзади едет. Он махнул лошадь, она дёрнула — оглобля пополам и супонь лопнула. Поравнялись с ним проезжие, он попросил довести его воз до деревни. Суженой мой (это был он) согласился, и они к нам уж поздно ночью приехали. Я спала. Батюшка велел матери поставить самовар (все они переязбли), сели пить, разговаривают. Я прохватила: слышу — незнакомые глосса, встала и поглядела из-за заборки. Диву далась, думаю: ведь это он сватать меня приехал. Одедась — что было тут при мне, причесалась и вышла. А мой суженой шепнул на ухо

¹ Троицкий Александр-Свирский (Свирский Александровский) мужской монастырь, недалеко от г. Лодейное Поле. Монастырь, основанный в 1500 г. прп. Александром Свирским, был одним из важнейших духовных центров России, особенно северо-запада. Состоял из двух комплексов: Троицкого и Преображенского монастырей, находящихся под управлением одного архимандрита. В Преображенском монастыре в драгоценной раке хранились мощи св. Александра Свирского, обретение которых произошло в 1641 г.

В деревенской избе. Рисунок, бездаты

своей матери, и вышли они в сени. Когда воротились в избу, он показался мне такой весёлый, хороший... На другой день меня матушка спросила, как показался мне вчерашний парень. Я говорю: «Кажется, хороший он», а не сказала, что «летось» у дров вместе работали. Через 3 дня мать с отцом поехали смотреть место — бедненько тогда жили родители Николая Лукича, да сами-то они понравились. Скоро и свадьбу сыграли. Все время я была спокойна и к венцу шла, словно шутя. Слава Богу, вот уж тридцать пятый год живем вместе — слова худого у нас не перешло». Рассказывала она всё это при муже, который многое подтвердил, добавив: «а ведь мы ехали сватать не к вам, а на Златыню, это мука да оглобля нас занесли к вам в избу». — «Нет, уж судьба привела вас к нам!» — заметила жена. (Слышано в д. Чернавине от Ольги Васильевны).

Беседа (Деревенские посиделки). Х.м., 1876

Села Ильинского крестьянка Татьяна Васильевна говорила: «Начиная с 16 годов меня стали сватать, сватали все богатые — и 5 раз заставляли меня больной (а была я девка здоровенная): значит, не судьба быть за богатым! Пешком пришёл мой покойный муж, Иван Яковлевич, в сером кафтанюшке (у них лошадь украли, он её искать ходил). Разговорился с покойной матушкой да тут же меня и высватал. Мать меня шутя спросила: «Люб ли жених?» Я говорю: «Люб». Поехали место смотреть, место понравилось, и через 2 недели обвенчались. Жили, людей не смешили.»

Крестьянин Дмитрий Яковлев говорил: «В молодости я служил у хозяина-дровяника главным прикащиком, деньжонки водились у меня тогда хорошие, а 2 зимы ездил сватать: везде отказывали. Мужик, говорят, лицом я был не дурён, семья хорошая, добрая, а вот не приходило ладу. Как нарочно, всякий раз, когда мы выезжали сватать, попадался навстречу поп. Ездили мы не к богачам и не за красавицами. Последний раз поехал я сватать чуть стемнелось. Не доезжая до Иссаду, догоняю какую-то девушку и предлагаю ей присесть в санки; она не отказалась, я узнал какой она деревни, и говорю: «Хорошо бы, умница, как бы ты нас чайком попоила». Приехали к ним в дом. Тут сразу я и порешил её посватать. Девке было уж за 20 лет. Дело наладилось скоро — мы обвенчались» Жена, Настасья, дополнила рассказ: «Сватали меня много, я всё не хотела идти, а в этот день пошла торговать рыбой в Старую Ладогу, в монастырь, и там запоздала. Иду домой да думаю: «Хоть бы подвёз меня кто», а Дмитрий Яковлевич словно из земли вырос, пригласил подвезти. Еду, а сама думаю, вот бы этакой посватался — пошла бы за него; а он и вправду посватался! Значит, судьба мне жить в Чернавине»

394. «С басы (с красоты) не воду и пить», «С города в деревню уroda ведут, в город из деревни угодые ведут», «Не бери от бобыля дочери, а от попа лошади», «Нужна сестра брату богатая, жена мужу — здоровая».

Первое главное требование — здоровье: не для забавы берут бабу, а для работы. Если невеста лицом не вышла, да уважительна, не дурит, ведёт себя прилично, есть в приданое одежда, умеет и «шить и кроить и повывернуть» — такую можно сватать. «Невистинных грехов не считай — считай грехи бабьи, иной молодец, что кобель, — а ему всё ничего». От жениха требуется здоровье: «Не пойду я, — говорит девушка, — за эдакую чахлую падину, — майся с им цылой вик». Уменье вести хозяйство, «добыть копейку»; чтобы был не пьяница, а если малость выпивает, так ведь: «Курица — и та пье». За большой красотой и за богатством ни родители, ни невеста не гонятся: голова есть на плечах да своё старание — богатство наживут! Справляются, какова свекровь, реже разбирают недостатки свёкра: «Худая свекровь, что чирей на ж... е: ни ходить, ни стоять, ни сидеть, ни лежать не даёт». Родители невесты обегают также, когда отец жениха — «вдовец в поре»: либо станет приставать к молодой, либо женится на молодой; пойдут дети, начнётся вражда, раздел. В песне поется: «Мой-то свекор вдовец, он охальник — подлец»...

На вопрос: «А ты любила его, когда выходила?» — обыкновенно отвечают: «А, право сказать, не знаю: мне было всё равно». Иногда невеста

любит другого, но родители не находят нужным справляться, кто нравится дочке, а отдают за того, кто раньше посватался: ничего, что невеста плачет, — в девичьи слёзы мало верят. «Стерпится — слюбится»: поживёшь, говорят, годок-другой, родишь ребёночка, будет своя заботка — некогда блажить! По мнению крестьян, коли муж бабу ничем не корит, не бьёт, в хозяйстве всё исправно, да еще коли молодница сама большуха — ничего желать не остаётся. Не слышно, чтобы мужья кому-нибудь жаловались на несоблюдение невинности: нынешние свадебные порядки таковы, что не допускают посторонним лицам вторгаться в отношения молодых после первой ночи, — родная мать и то не допытывается узнать тайну.

395. Девушки выходят замуж в 17–19 лет, 22–23 лет считается зашедшейся. Парень, коли он не имеет в виду отбывать воинскую повинность, женится не ранее 20 и 22–23 лет. Если мать стара, «не дюжа» работать в поле и дома, парня женят и в 18 лет, не глядя и на то, что ему надо в солдаты идти. Когда у родителей одна дочь, её держат дольше при себе: «успиешь нажитце в чужой семье», а когда их несколько, то стараются сбыть с рук старшую и далее, по очереди; отдают и среднюю, но делают это нехотя. Вообще же, избегают женить парня на девушке старше его по летам, говорят: «Она успила перебитце, а он ишо не начал». До сих пор живы несколько стариков и старух, которые вступили в брак на четырнадцатом году. В д. Чернавине (Михайловской вол (ости) до сих пор жив семидесятипятилетний старик, Василий Иванов Крячок, которого женили пятнадцати годов на девице 27 лет. «Два года я, — говорит, — не спал со своей женой». Он женат был на трёх, теперь вдовец, исправно ведёт крестьянское хозяйство, держит земли на 1 душу. В той же деревне была такая чета: Василий Ефимович Лисин и жена его; их повенчали совсем детьми: ему было 14 лет, а ей — 13 лет. Они после свадьбы вместе с ребятами играли в лошадки, в городки, а его жена играла в куклы. Бывало, когда они между собой поссорятся из-за какого-нибудь пустяка, отец, смотря, кто больше виноват, без церемоний наказывал и мужа и жену, поднявши рубашонку. Часто жаловались друг на друга: «Зачем меня Васютка дражи (дразнит)». На тяжёлую работу их не посылали. Первый ребёнок родился у них через 9 лет после брака. Всех детей у них было 11 человек. Муж и жена умерли в преклонных годах, — муж пережил жену на 10 лет. Дети у них были все красивые и здоровы. Старший сын, Степан Васильев, и поныне жив и здоров.

В д. Ивановском Острове, Михайловской волости, недавно умерла старушка Парасковья Уюдишна, восьмидесяти девяти лет; она замуж

Зимний вечер в деревне. Первоначальная мысль картины «Бабушкины сказки». Рисунок, 1866

вышла двенадцати лет за двадцатилетнего вдовца, который за ней ухаживал, как за младшей сестрой: сам коров доил, за водой ходил. Женился он для того, чтобы в доме было повеселее, а девочка она была чрезвычайно красивая.

Приведённые случаи ранних браков происходили между государственными крестьянами. Ни одного случая неизвестно в двух огромных волостях, чтобы родители раньше известного, определённого законом возраста заключали сделку о браке детей.

396. Без благословения родительского или кого-нибудь старшего в доме не вступают в брак, кроме случаев женитьбы на чужой стороне, где нет материальной зависимости от старших. С женитьбой сопряжены расходы, они покрываются из общих семейных средств; привести жену

В комнатах. Х. м., без даты

в дом, противу воли старших — нельзя: их воля добрая — пустить или не пустить в дом сына с невесткой. Обычай просить благословения так крепко держится в народе, что нарушить его согласится разве какой-нибудь отчаянный человек. Точно также и «большак», или «большуха», в каком родстве они не состояли бы к испрашивающему благословения — хотя бы им было и не любо, а благословят: «надо делать по Божьему». В выборе невестки слово матери важнее. При женитьбе сына отец так рассуждает: «Тебе, мать, жить в избе с невесткой, ты и выбирай себе по углу, чтобы после не вражиться». И действительно, мать на смотринах везде «вышнырит», всех выпросит и напрямик и загадками, умеет ли коров доить, телят поить, стирать, хлебы печь, шить, косить, жать и пр. и пр., — и обо всём доложит отцу, для совместного обсуждения. Когда отдают дочь, то воля отца — закон. Мать сколько ни говори, сколько ни плачь, а коли отцу понравился жених — быть дочери за ним. Мужик многое простит парню — на то он и парень, если он не глуп, смыслит в хозяйстве, не

побрасывает деньгами — хотя бы на подарки или на гостинцы его собственной дочери — умеет оценить всякую хозяйственную мелочь.

397. Браки «убегом» (крадучись) в Спасовщине сплошь и рядом между бедными. Делается это во избежание расходов, с обоюдного согласия родителей жениха и невесты, т.к. свадьба открытая стоит не дешевле 50 руб., а «убегом» вполтину, только поп и дьячок берут дороже: попу вместо 5 руб. — 10, дьячку за обыски¹ вместо полтинника плати 2 руб., остальные расходы от себя зависят. «Уходом» свадьбу «правят» уже раньше слюбившиеся» девушка с парнем, на которых родители всё время смотрели сквозь пальцы; здесь и речи нет о приданом, в дом идёт добровольная работница — вот всё её приданое. Брачащиеся «убегом» живут дружнее — раздоры между супругами редки. В Спасовщине известны случаи заведомых побегов дочерей раскольников за православных, за церковников. Конечно, их, для примирения, не только побранят — даже побьют, конечно, слегка, а потом простят (д. Мыслина).

398. Когда нет ни кровных родных, ни крёстных отца-матери, приглашают состоятельного, уважаемого в деревне человека, он с женой заведует всеми порядками, а второстепенных поезжан-добровольцев всегда много. Народ любит такие свадьбы: свободно, весело, необязательны надоедающие молодёжи церемонии. Тут частенько и своих деньжонок приложат, лишь бы кутнуть во всю охоту.

399. В тех случаях, когда о женихе или о невесте ходят слухи очень заторные, а ничего не смогли допытать сами родители, — собирают родню. Когда средств для свадьбы нет, а есть богатая родня, которую, как-никак, пригласить на свадьбу надо, вот и идут с богатой родней «посоветоваться» — иначе сказать, идут к карману. Вообще же, для посторонних людей, начало свадьбы — тайна, которая, если огласится, — «не жди добра»!

400. У богачей зачастую бывает, что родители пожелают между собой породниться, не спросясь детей. Противодействовать прихоти отца, у которого «капитал», дети, особенно сынки, не подумают: знают, что

¹ Обыск — письменное свидетельство о браке. Запись в тетрадях обыскных актов, составлявшихся с 1802 г. причтом каждого храма перед венчанием, удостоверяющая, что нет препятствий к заключению брака.

родитель назло всё состояние отдаст в монастырь (на Валааме¹ таких капиталов сотни тысяч). Поп в руках у богача: за надбавленную цену «хоть на козе повенчает», как говорят в народе. Зато наступает жизнь, от которой самодуры-родители сами отрешиваются. В Михайловской волости есть подобный случай: сын, умница, спился вовсе, да ещё честный человек, что не завёл вьявь любовницы... Другой случай в д. Лопине (той же волости). 2 богача, Матвей Потапов и Василий Александров, обвенчали детей, а они, поживши полгода, «как кошка с собакой», — разбежались и живут теперь врозь, ни женатые, ни холостые. Сами богачи тоже разбранились из-за детей — не глядят друг на друга.

Мир принуждает (как сказано выше) к вступлению в брак парней, соблазненных круглых сирот. Неравные браки бывают, хотя не часто, у родителей разумных. Богатый крестьянин д. Висельника (Михайловской волости, узнавши, что Катя любит бедного парня, ни словом одним не перечил. Дал приданое за ней такое же, какое дал бы, выдавая за богатого. Есть мужики «скоробогатые», каким-нибудь случаем разбогатевшие в 2–3 года, много в 5 лет. Они, не знавшие настоящей цены трудовой копейке и очутившись вдруг обладателями тысяч, сразу начинают смотреть на своего брата-мужика свысока, а если случится обедневшему барину призанять у него деньжонок, и он с ним в силу этого станет за панибрата и начнёт гоститься, да перенявши кой-какую внешность, заведёт у себя нечто подобное — ну, такой «скоробогатый» мужик не признает за родню ни бедного брата, ни дядю — никого, а тем паче, не выдаст за бедного свою дочь. Дети у скоробогатых продолжают жить по-прежнему: ходят на беседу, потихоньку от отца навещают подружек, с ними распевают те же песни, — словом, ничем не отличаются от рядовых мужицких детей. Образования никакого, иногда даже неграмотные, — они чувствуют «не по себе у себя в родительском доме». Понятно, оне любят парней «хороших», как всякая девушка, но любят их, не соображаясь, богаты ли, бедны ли он. Вдруг, этот, по мнению девушки, «хороший» вздумает посвататься, зная, что его девушка любит, что ему предстоит, кроме отказа, — преследование со стороны «скоробогатого» родителя. В д. Подцепье (на Волхове) старший сын богача, Иван Васильевич Сиротин, влюбился в дочь бедного мужика и решил на ней жениться; сколько его отец

¹ Спасо-Преображенский мужской монастырь на островах Валаамского архипелага в Ладожском озере; в XIX в. крупный религиозный и хозяйственный центр, получивший название «Северного Афона». Годом основания считается 1407.

ни уговаривал, ничего не мог сделать. Сын женился, а через 2 месяца у них родилась дочь. Родитель за непослушание лишил старшего сына права наследства и всё состояние завещал младшему сыну (горбатому), а в случае его смерти — всё имущество завещал в разные монастыри. Младший сын, Максим, вскоре умер, а старший, Иван, спился и умер в крайней бедности. А, напр (имер), спавский богач Лебедев выдал дочь за бедного крестьянина в д. Бор и поднял его из бедности, не стыдясь неимущей родни.

Лихая свекровь. Х.м., 1893

401. Буйность нрава, конокрадство всегда угрожающее ссылкой или самосудом крестьян, служат помехой к женитьбе. Дети колдунов и колдуний в редких случаях находят себе пару и венчаются в церкви: чаще живут в незаконном сожителстве. В с. Ильинском была колдунья Алексеевна, богатая баба. К дочери её, довольно пригожей девке, никто не решался посвататься, даже самый бедный парень; а между тем, у неё отличный дом и есть деньги, и мать давно уже умерла. Другой пример в д. Чернецкой. Сын колдуна Григория Семёнова Шабары, Илья, сколько ни сватался, ни одна здешняя девка за него не пошла; женился он на нищенке из Витебской губ. В д. Чернавине крестьянин Григорий Мольков, 45 лет, остаётся холостяком; на вопрос, почему он не женится, — «не хочу, — говорит, — в дом бабу брать: я сам всю бабью работу лучше бабы справлю». Между тем, он совершенно здоров и никакого уродства в нём нет. В монастырь ему советовали идти — не хочет: «Там гриха боля, чим в миру» — говорит он. В деревне его любят, называют, шутя и серьёзно, святым человеком. Мать у него смолodu и до старости отличалась распутством, он её никогда не корил за поведение. Брат и сёстры его давно обдетились. Во всём остальном Илья ведёт себя как все соседи: и выпьет, и побалагурит с мужиками и с бабами. Живёт он небогато.

402. В двух волостях не было случая, чтобы кумовья вступали в брак, не слышно даже, чтобы совершались между ними прелюбодеяния. Народ

Крестьянка за шитьём. Рисунок, 1866

почитает за «неотмоленный грех» вступление в брак: кумовьев, двоюродных брата и сестры — даже в четвертом колене не допускают браков. Верят, что «не буде счастья, если не им, то детям: ведь не скоты мы, штобы скакать на свою кровь, а люди, хоть и гришныи, а всё жо люди, — ну, дак и живи полюдски». В здешних местах приемш никогда не женится на кровной дочери усыновленного: приемши приравняются к родным детям прямо в смысле кровосмешения.

403. В Михайловской волости 2 случая браков: еврей влюбился во вдову, перешёл в православие и женился на ней; жили они очень счастливо; татарин принял православие и женился на молодой девушке. В том и другом случаях на-

род смотрел просто: «Они такие же люди, как мы, только веры другой; а принял нашу веру, — значит, стал русским, русской веры». Явно раскольник не отдаст дочь за церковника, а «уходом» — можно. Православные не стесняются жениться на девушке какой угодно веры, «лишь бы поп обвенчал».

404. Никогда не пишут на бумаге свадебных условий, а о всех подробностях договариваются на словах.

405, 406. В здешних четырёх волостях не существует ничего подобного.

407. Если после сговора та, либо другая сторона откажется от выполнения обещания, не представив доказательств невозможности брака, — понесённые убытки взыскиваются через волостное правление с родителей, а не с жениха и невесты. Но редко кто из родителей обращается

в волость; чаще приходят к соглашению домашним порядком, чтобы не срамить детей.

408. Приданое составляют: белье женское, запасы холста, пара белья для будущего мужа, платья, кофты, передники, платки, верхняя одежда, обувь, — всего по нескольку штук праздничной и будничной одежды, смотря по состоянию невесты. Всё это должно быть сложено в сундуки, коробки и заперто на замок, как её личное имущество. Невеста также берёт из дома ей лично принадлежащие вещи: свою чайную посуду, свой серп, корыто, ставины со всеми принадлежностями тканья, прялку, принадлежности для обработки льна и т.п. предметы. Иногда невеста ведёт с собой корову или нетель, и в семье считают себя вправе, без её согласия, продавать принадлежащую ей скотину. В случае выдела её мужа из семьи она беспрекословно берёт свою корову и пр. По народному обычаю муж вправе, когда живут они отдельно от семьи, пользоваться приданым жены для поддержания хозяйства; но его осуждают, коли он употребляет женино добро на личные потребности. Есть случаи, когда жена приносила жалобу в правление, но там обыкновенно отвечают: «У вас есть дети, мужнино и женино добро вместе... как вас судить? Помириться!» Если прошло со времени брака меньше года, детей нет, а совместная жизнь невозможна, тогда присуждают мужа к уплате стоимости растраченного имущества.

409. Едут смотреть невесту мать и жених. Если дело идёт на лад, невестины родители едут смотреть женихово житье-бытье. Назначается время «поручин». Здесь идёт угощенье. Когда невеста подает вино жениху, а одна из её родных подаёт ему подарки, — принявши и то и другое, жених кланяется; невеста обращается в сторону отца и матери и начинает плакать:

Привёл, родитель-батюшка,
Ты чужих гостей, незваных,
Пропили, прозакладали
Мою буйную головушку,
Прозакладали за винную за чарочку.
Ты, родитель мой, батюшка,
Видно, я тебе принаскучила,
Из засиков хлеб весь выила,
Из колодцев воду выпила.
Буйны витерки навияли,
Добры люди-то набаяли,

Что услышал ты, мой батюшка,
Видно, славушку худую-то
Про свою про дочь родимую... и т.д.

Потом, обращаясь к подружкам, плачет, прощаясь с ними, просит их последней вечерок «посидеть с ней, побеседовать, погулять, да попеть песенок». Уже когда гости станут разъезжаться, невеста снова плачет:

Поручили, да просватали,
По рукам, видно, ударили... и т.д.

На другой или на третий день, смотря по тому, как успеют приготовиться в доме, назначается «девишник», а у жениха – «мальчишник», — прощанье со свободной вольной жизнью при родителях. Накануне свадьбы топят баню у жениха и у невесты. Когда баня истоплена, одна из подруг приходит звать невесту в баню со следующим плачем:

Положу я руку на тягу —
Отворяйся, дверь дубовая,
На петлях ты да на мидных,
На крюках ты на железных!
По порожку дверь катилась,
На петли остановилась.
Войду я, молодёхонька,
Во свитлую-то свитлицу.
Вы раздайтесь, расступитесь,
Дайте мистечка малешенько:
На полу да половничинку,
В потолки потолочинку.
Вы сусиды, вы сусидушки!
Вы поджалуйте во баенку!
Обращаясь к соседям, она причитает:
Не прогнивайтесь, пожалуста!
Не про вас-то байна топлена,
Не про вас она готовлена,
Про свою милу подруженьку
Я топила молодёхонька,
Уж я парненькую баинку
Уж тремя дровам да разным:
Первым дровам берёзовым,
И берёзой-то не здишною,
А березой билозерскою;
Другим дровам дубовым,
Что третьим дровам кленовым,
Кленовым, новгородским.

Славно баня растопляется,
Высоко-то дым здымается.
С трёх колодцев ключеву воду
Я нашла-то, молодёшинька:
Во первом колодце молодец,
Он коня поил, поглаживал,
Тут уж воду я не черпала;
Вот пришла я на другой ключок:
Красна дивушка умывается,
Она в брюньги снаряжается —
Тут воды я не почерпнула.
Я пришла на славно Волхово,
Вижу, утица купаетца
Со малыми со утятами —
Отошла я, да раздумалась:
То не уточки купаются,
То не сиры умываются, —
Тут купаетца-смываетца
Вольна волюшка дивическа,
Со алыми да со лентами —
Тут воды я и почернула.
Уж я грила волховску воду
Тыим камушкам завитным,
Что с горы в гору катаются,
Жемчугом да разсыпаются.
Уж ты милая подруженька!
Как от горенки до баинки
У нас мостички кленовыи,
Перекладинки дубовыи,
На добрых да конях вожены.
Как во нашей парной баинки
Три косячатых окошечка:
Как на первом на окошечки
Лежит гребень с мылом бильим,
На другом-то на окошечки
Тонка билая рубашечка,
А на третьем на окошечки —
Твоя вольненькая волюшка.
У чужого-то чужанина
По колино грязи чорныя,
Да по пояс снигу билово,
Уж его-то парна баинка

На сырых волчищах вожена,
Об одном она окошечки.
Уж ты милая подруженька,
Приизжал-то к нашей баинки
Красавец добрый молодец,
У меня ль у красной дивушки
Он расспрашивал так ласково:
«Говорят, у вас есть дивушка,
У вас дивушка продажная,
Руса косынька закладная?»
Отвичала, не боялася,
Говорила, не стыдилася:
«Поизжай-ко, добрый молодец,
Ты во город Нову-Ладогу:
Там е дивушка продажная,
Руса косынька закладная».
Уж ты милая подруженька!
Приизжал ко парной баинки
Добрый молодец с орихами,
Привозил три пуда пряников,
Сто аршин да алых ленточек.
Уж и я ли, молодёшенька,
Я не ила сладких пряников,
Ни разгрызла ни оришинки,
Не брала я алых ленточек.
Мои мильи подруженьки
Оны или сладки пряники
И дилили алы ленточки.
Уж ты милая подруженька!
Просим милости, пожалуста,
Ты во парную во баинку».
Теперь невеста оплакивает подруг:
Ты спасибо, благодарствую,
На твоей на парной баинки:
Потрудилась ты над баинкой!
Потом, обращаясь к отцу, матери и брату:
Вы спасибо, благодарствуйте,
Ты родитель родной батюшка,
Ты родима моя матушка,
Дайте мни вы провожатого,
Позади за сторожатого!
Ты желанна моя матушка,
Дай мне тонкую рубашечку,

Что в три строчечки прострочена
И три ноченьки просижена:
Перва ночинька — Рождественская,
Друга ночинька — Христовская,
Третья ночинька да Троицка.

Затем она сдаёт волю сестре на сторожение, причитая ей:

Ты сестрица, ты голубушка,
Карауль ты вольну волюшку,
Пока я хожу во баинку!

По возвращении из бани чешут невестё голову, она причитает:

Уж спасибо, благодарствую,
Моя милая подруженька!
Причесала ты головушку,
Потрудилася, подруженька,

В крестьянской семье. Рисунок, без даты

Над головушкой победною.
Ох ты, милая подруженька!
Волос к волосу не ладится,
Прядки к прядочкам не глядятся...

После бани бывает угощенье: чай, закуска, ужин, — глядя по достатку родителей.

Всё время до венца жених и невеста обязаны вести себя строго прилично; пустого слова не допускает жених, чтобы не прослыть

Красный угол в избе. Х. м., 1869

пустозвоном. В назначенное для венчанья время «дружки» едут за невестой. Им загораживают дорогу, они откупаются деньгами или водкой. У дверей дома опять застава: здесь девушки не пускают дружек к невесте в дом, — опять выкуп деньгами. Невеста дарит платками приехавших за нею дружек. Одета к венцу, невеста плачет, прощаясь «с родным гнездышком», просит у матери и у отца прощенья и благословения:

В путь-дорогу неизвисную,
На житьё с чужим чужанином...

Жениха перед венцом также благословляют родители.

Невесту повезут к венцу, а «постельницы», — её сестры, невестка, либо кто-нибудь из близких родных отправляются в дом жениха с приданным. Здесь «постельницы» украшают избу полотенцами, сколько есть их у невесты; стелют, убирают парадную постель, готовят в клети или в задней избы другую постель, на которой предстоит молодым спать первую ночь. Сундуки ставят в клеть. С невестой едут в поезде: дружки, крёстный отец, крёстная мать, иначе «брюньга» (её обязанность подостлать подножку перед аналоем); остальная родня — по желанию. С жениховой стороны в поезде: дружки, молодая девица, родня жениху, так называемая «приставница», и пр. родня.

Свадебный поезд везде загораживают, дружки откупаются. По приезде в дом встречают молодых жениховы отец и мать с хлебом-солью. Сироты венчаются с распущенными волосами.

410. Свадьба. Свадьбы правят обыкновенно в зимнее время, очень редко летом. Родители сами всё закупают, всё приготовят к свадебным празднествам, а за почётным столом после венца угощеньем заведуют дружки. Как только гости собрались, их рассаживают по степени родства за стол; молодых ставят в красном — большом углу. Хотя они во время стола обязаны стоять, но для почёта им кладут на лавку подушки. Дружки вызывают сперва отца и мать молодого князя, и речистый дружка говорит им приветствие. Они пьют, поздравляя молодых словами радости, молодые целуются, По очереди подносят родне молодого князя; каждый, отведав водки, говорит: «Горько!». Молодые целуются, а народ кричит: «Криво!»; поцелуй повторяется, пока обносят мужнину «породу». Когда поставят блюдо, нацелуются вдоволь молодые, их выводят из-за стола; за ними выходит мужнина родня, садится родня молодой княгини. Пир делается общим... Во многих местностях в это время является колдун за наградой, его встречают с хлебом-солью, одаряют деньгами — и уже спокойны за молодых, что не «испортит» их колдун. Молодых кормят где-нибудь в укромном углу всеми лучшими кушаньями, и они незаметно

удаляются в приготовленное для их спанья помещение. Новая родня: сваты, сватья знакомятся, крестные отцы и матери всегда занимают почётное положение в свадьбе. Когда нет в живых крестных отца и матери, а также и родителей, тогда берут из близкой родни или чужого, но почётного человека в «посаженные отцы», и ему воздается та честь, которой удостоиваются отцы: родной и крестный.

С попом сговаривается отец жениха или заступающий его место посаженный отец. Плата за венчание от 5 до 8 руб., за обыск — от 50 коп. по 1 руб.

На другой день, утром, поднимают молодых, поздравляют с законным браком, и прежде, чем покормить молодых, свекровь даёт невестке в руки веник, говоря: «На-ка, молодича, подмети пол». Она начинает мети, а кто-нибудь из гостей бросит на пол горшок с мякиной, в котором положены деньги; гости бросают на пол деньги вместе с овсом, с мякиной, а от порога гость-шутник идёт на четвереньках с горшком на голове; дружка говорит: «Надо нечистую силу убить» и разбивает горшок, из него валятся деньги вместе с мякиной. «Молодича клад нашла!» — кричит дружка. Эта церемония продолжается до тех пор, пока гостям не жаль бросать на пол деньги. К полудню собирают обед, садятся за стол мужнина родня. Это называется «даровой стол». За последним кушаньем молодой обносит гостей вином, а молодая в это время первых одаряет свёкра и свекровь, потом остальных родных. Даря, она причитает:

Не год я копила,
Не два сберегала,
Пришла пора-время
Я в час раздарила...

Средним счетом расход на свадьбу и т.д. обходится: жениху в 60 руб., невесте — 50 руб.

411. Девственность новобрачной. В этот же день вечером едут молодые с родней к тестю «на яичницу».

Садятся гости за стол, пьют, едят, девчата поют песни, гости им дают деньги. Ставят на стол яичницу, подходит к молодому свояченица (женина сестра), дарит ему платок, он кладёт деньги на яичницу. Встаёт молодой и обращается к тестю и теще: «Батюшка и матушка, благословите начать яичницу!» — «Бог благословит», — отвечают они. От способа, как начать яичницу, зависит вся будущая совместная жизнь новобрачных. В доказательство, что новобрачная сохранила девственность, зять берёт нож и едва заметно приподнимает тончайший краешек яичницы,

отрезает едва заметный кусочек, кладёт на стол перед собой и делит его пополам. Часть отдаёт жене, а другую сам съедает. Затем эту яичницу передают тестю и теще и подают новую, которую и едят все гости. Внимание всех присутствующих так напряжено, что малейший шёпот слышно... Когда яичница благополучно начата, все разом заговорят, вдруг развеселятся. Начнутся пляски, песни. Тесть и теща откалывают на радостях трепака, часто сваты в это радостное время порядком перепиваются, и оба плачут, целуются. Большинство молодых мужей, приехавши к тестю на яичницу, не подают вида, что новобрачная оказалась не сохранившей девства, и, почином яичницы вышеуказанным способом перед посторонними людьми доказывают своё полное удовольствие. За такую деликатность новобрачная благодарна молодому мужу: с этого дня привязанность ее к молодому мужу возрастает, и она живет честно.

Когда отец не примет во внимание просьбу сына женить его на девушке, которую он любит, а женит сына по своим личным расчётам на ненавистной ему девушке, а тесть и теща не уладят дела с зятем ни уговорами, ни подарками раньше, чем он приедет к ним на яичницу, — зять сразу осрамит и своего родного отца и родителей молодой жены, чтобы навсегда получить право жить вольно. Поданную на стол яичницу он ложкой всю перемешивает и с хохотом потчует всех, говоря: «Ешьте, ребята, на здоровье!» Этим он покажет всенародно, что его жена не сохранила девства. Пир кончается дракой. Жена остается у родителей, а он едет с колокольчиками в деревню, где живет его «засноба». Такой случай был недавно в д. Волькове (Михайловской вол[ости]. При обычном ходе всего свадебного ритуала, после яичницы веселые гости разъезжаются по домам, просят

Утром. Х.м., 1882

молодых не забывать их. На третий или на четвертый день после венчания молодича топят баню. Истопивши, зовёт свекра и свекровь, подаёт им белье, мыло, веник и шайку, затем просит мужа в баню и также подаёт ему белье, потом зовёт всю близкую родню мужа, живущую в одной деревне, называя каждого по имени и отчеству. После бани готовят угощение, зовут соседок-баб на беседу «попряхсть, угоститься да попеть песенок». Соберутся бабы с прядками, и свекровь вынесет молодиче, в виде шутки, огромную куделину или охапку шерсти. Хохот, песни, выпивка — и молодича введена в новую жизнь. В последующие дни ездят по гостям. Спустя неделю-две молодича приезжает гостить к отцу, собирает девушек-подруг (мужчин и вообще никого посторонних нет), и поёт она им такую песню:

Мои милья подруженьки!
Рассказать ли вам, мои милья,
Про свою жизнь про замужнюю?
Как на сёму только я ноченьку
Полюбила я своего мужа милого,
Прижимала его ко груди крепко-накрепко,
Цаловала у ево всяко местечо...
Ни разочку он-то, мой лапушка,
Не отвернётся, всё цалуется,
Цалуется, свое дило дилае...

В Спасовщине почин яичницы для некоторых зятьков служит средством вымогательства добавочного приданного: «Давай, — говорит он, — мне то-то и то, а не то осрамлю вашу дочь!» — и дают. Тогда дело обходится складно, муж не покажет и вида, что его молодая жена «не соблюдала себя до брака».

412. Вступление в брачный союз вдов и вдовцов. У богатых вдовцов и вдов обрядовая сторона свадьбы не отличается от первовступающих в брак, только или совсем «плачей» нет, или их мало. Яичницы обрядовой не подают, а просто устраивается вечерняя пирушка. Не раньше полуночи вдова решится выйти замуж и не выходит из дома ранее 6 недель: народный обычай никто не подумает нарушать. Оставшись беременной после мужа, вдова ни в каком случае не выйдет из дома, если её даже будут гнать, — обратится к суду, зная, что суд постоит за неё: она должна родить у себя в доме. Сына ли родит, или дочь, — все равно, она приобретает права на часть в доме. Без поверий избегают, если нет крайности, выходить или жениться во второй раз: пойдут дети. Если вдова и детей имеет, но ещё молода, ей советуют выйти замуж: «того гляди

какой грех случится, ведь дьявол-то силён», — и она выходит второй раз, найдя подходящую партию. А то бывает, что вскоре или деверь, или свёкор начнут за ней ухаживать: поневоле вдова от них выходит замуж за первого сделавшего предложение.

413. Брачная жизнь. Несоблюдение девственности стоит на первом месте, муж допытывается, кого она первого любила. Не сознается с доброй воли, — побоями доймёт муж. При искреннем раскаянии жены дело налаживается, особенно когда баба окажется хорошей хозяйкой и ретивой работницей, только уж баба должна держать себя в отношении других мужчин очень строго. Всего скорее сживаются без помехи свекрови и золовухек, которые из ревности: одна — к сыну, другие — к брату, стараются натравить на жену мужа, замечая за невесткой самый малейший недостаток, раздувая этот недостаток в целое преступление.

Опять буянит. Х.м., 1898

А то и наврут на невестку, лишь бы вызвать в муже озлобление. Половое бессилие мужчины — одна из причин нелюбви. Посрамление женщины на яичнице, хотя бы они и жили вместе, но это примирение — видимое: затаённая злоба женщины сказывается постоянной ворчливостью, переченьем, нежеланием дорожить ничем в хозяйстве, — мотовством и тайным развратом.

Вторые браки разнообразны по летам. Выходят за богатых старых вдовцов, — таких старых, что в отцы годятся, — и живут скромно.

414. Муж обязан спать с женой, чтобы не надо было бабе заглядывать на чужого мужика, и равно жена должна отвечать на ласки мужа лаской. Муж обязан кормить, поить, одевать, — вообще, содержать всю семью, а жена — беречь хозяйство, «соблюдать дом». У богатой жены бедный муж всегда в послушании, кроме случаев, когда он ловко приберет женино добро к своим рукам.

Опять буюнит. Рисунок, 1869

415. «Не всё свистом, а ино и смыслом». Власть мужа над женой до сих пор очень велика. «До смерти не бей, а учи, пока сам не устанешь». «Бить смертными побоями» за какую-нибудь вину муж, по народному взгляду, вправе, и вмешиваться в их ссору не станут, коли это происходит в избе. Послушают соседки, покачают головой, пожалеют, при встрече приберут «бедную бабёнку», а помешать побоям не постараятся. «Не наше дило разберать мужа с женой», — скажут мужики, а на самом деле оттого не вмешиваются, что сами делают не лучше соседа. В последнее время жёны стали менее терпеливы к напрасным побоям, чаще обращаются к суду, потому что судьи стали справедливее относиться к положению женщины в семье. От жестокого обращения мужей (о причинах ссор сказано выше) жёны уходят к родителям и стараются получить законное право на отдельное житье; поступают в работницы в господские дома или к таким хозяевам, которые заступятся за них в случае появления мужа с недобрим намерением.

Пот Порфирий. Рисунок, 1894

В д. Гутове (Иссадской волости) крестьянин Фёдор Сорока за разные провинки жену свою запряг в борону и боронил на ней вместо лошади; работавшие рядом соседи только посмеивались, а никто не решился отговорить мужа от такой проделки. Стегал он свою бабу кнутом, словно ленивую клячу, пока она, выбившись из сил, не упала в обморок. Вскоре, однако, муж и жена помирились.

416. Не в старину, а есть примеры (правда, как исключение) и в настоящее время отдачи мужьями жён на подержание прикащикам, за известную плату (д. Лопино, Михайловской волости).

417. Отклонения от законного брака. «Чужие мужья не потишка, — одна насмишка».

В редкой деревне нет такой бабёнки, которая бы «не пошаливала»: коли муж «леява — слюнотокий, не скити (не догадается) поцеловать, когда хочется, а молодец за тобой ухаживает, — неволя согришит. Да ведь

Мечты о будущем. X. м., 1868

я и мужа не отпихиваю!». Вот чем оправдываются бабы, за которыми водятся грешки. В Спасовщине, где мужья живут полгода на чужой стороне, и живут не без греха, как они сами говорят, иные бабёнки и вольничают. Мужья, положим, не хвалят за это, но и не истязают: «Все мы люди, все чоловіки; ишо, слава Богу, хоть дити все на меня помахну (похожи)! Благо нит баловства, как самы домой воротимсе!» Если бабенка сбалуется с посторонним и явно, без стыда бегаёт к любовнику, — тогда муж, не жалуясь начальству, сам выгоняет бабу, оставляя у себя детей. Мужу трудно без хозяйки и без матери, приходится брать какую-нибудь старуху. В этом случае вся деревня, не исключая баб, на стороне мужа. Так же строго относится народ и к мужчине, когда он гуляет от жены, называя его «кобель».

418. Бесплодие считают наказанием Божиим за свои или за родительские грехи. Муж и жена ходят на богомолье, но никаких иных мер не принимают. Чаще всего берут какую-нибудь сиротку от родных или совсем чужую и усыновляют себе.

419. Всякое уклонение от брачной жизни народ осуждает, в особенности, связь со свояченицей (сестрой жены), которая почитается в народе наравне с кровной роднёй. Например, не оказать помощи нуждающейся свояченице — то же, что бросить без призора свою сестру.

Иногда жена знает о связи мужа с чужой бабой, но что она может сделать, чтобы образумить мужа? Ничего: терпеть связь и быть довольной, что не тащит из дома. Если от старика-мужа станет с другим жить его жена, старик примиряется, — детей от такого сожития он воспитывает как своих (в д. Чернавине пример — Дмитрий Ефимов).

420. Народ, или вернее, близкие соседи, зная причины побега жены к родителям (лихая свекровь, напрасные побои мужа, его распутная жизнь и т.п.), совершенно оправдывают такую женщину и находят, что родители иначе не могли поступить. Если нет родителей, пошла к чужим, — она, по взгляду народа, права.

421. Когда женщина брошена мужем с детьми, посторонние люди всегда советуют ей обратиться к начальству, — иногда начальство задерживает выдачу мужу паспорта, требуя от него присылки денег для семейства.

Оставленной без детей предоставляют поступать по её доброй воле.

422. Муж почти никогда не обращается с жалобой на жену к мирскому сходу, в волостное правление или к земскому начальнику, старается добром или лихом кончить дело по своему рассудку. Женщина, прежде всего, обращается к однодеревенским соседям, собирая сходку. На такие сходки призывают мужа, пожилые люди советуют ему жить с бабой без греха, но наказанием никогда не угрожают: «Наше дило постороннее: кто вас, мужа с женой, рассуди. — помиритеь лучши!» Иногда, обращаясь к мужу, говорят: «Иван, видь грех тебе обижать бабу». Ежели после сходки пойдёт слух, что муж бабу побил, и она жалуется деревенскому старосте, тот советует ей идти в правление, где он, как очевидец, докладывает о деле подробно. Смотря по обстоятельствам, иногда присуждают мужа к наказанию, выдаче отдельного вида, к обеспечению детей, — даже устраниают мужа от большины в доме за его распутство, упущение в хозяйстве.

Материнство. X. м., 1871

Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности

423. Роды. Если любая молодница беременна, за ней ухаживают все семейные: не дают ей тяжёлого поднять, вообще, старшие остерегают. Соседи смотрят с особенным уважением на молодницу. «Ну, что, Анна-то все ишо качается?» Однако, лёгкую работу она работает до первых приступов боли. От дома её дальше огорода не пускают. При появлении болей, молодница дома; около неё свекровь или другая какая старушка, опытная в этих делах. Мужчинам и детям подыскивают дело вне дома, а не то просто выгоняют. Мужу при родах жены присутствовать не положено, он должен быть только близко около дома, чтобы всегда его можно было позвать в случае надобности. Когда роды затрудняются, зовут мужа, снимают с него рубаху, и в эту теплую мужнину рубаху ждут ребенка, а мужу надевают другую рубаху, чтобы он её нагревал за какой-нибудь работой: рубкой дров, тесанием дерева и пр. Если роженица мучится вторые сутки, идут к священнику, просят его отворить «райские» (царские) двери и помолиться у престола Господня. Ежели и это не поможет, обращаются за земской акушеркой. Кроме близких женщин, в наших местах никого к роженице не пускают и никому вида не подают, что делается в доме: узнают чужие — тяжелее родить, не ровен час лихой человек или дурной глаз! К нелюбимой женщине и даже к женщине, рожающей от незаконного сожительства, одинаково хорошо относится народ вообще, кроме лиц, лично почему-то ненавидящих рожающую. Обыкновенно роженица встаёт с постели на третий день для легкой домашней работы, а через неделю идёт на все работы; перворождающей дают больше льгот.

424. Русский человек, как бы ни был беден, никогда не жалуется, не клянёт появление ребенка: «Бог даст детей, Бог на детей и прибыль пошлёт», — верит народ. О двойнях говорят: «Одного дал Христос, другого — Богородица», «Одному хвати молока, другою хлибом выкормим». Рождению мальчика больше рады: «Девчонка — чужая корысть». Через 3 дня после родов бабка топит роженице баню, её ведут туда; она предшествует с кочергой в руке, на которую опирается. Ослабевшую от банного жара роженицу ведут домой под руки.

425. Крестины. В крёстные отцы берут ближайшего родственника, на которого укажет роженица: родного брата, деверя, деда, — так же и крёстную мать. На близкую родню выбор падает потому еще, что

крёстные отец и мать имеют значение на случай смерти родителей. Молитву ребёнку дают, как только «уберут» роженицу; имя избирает роженица девочке и отец — для мальчика. После отбытия священника приходят деревенские женщины с поздравительными гостинцами: блинами, пирогами, пряжениками — у кого что есть. Это называется «идти в навиды». Крестят летом в церкви, а зимой на дому. На крестины, кроме крёстных отца и матери, родителей роженицы и родителей мужа и своей семьи, редко приглашают посторонних. Только у богатых делают пир. Дарят роженицу деньгами. Повитуха подносит поздравительную чарку, в которую принимающий бросает монету. Через 6 недель после родов первый раз роженица идёт в церковь. Она становится у входной двери, священник подходит к ней с крестом и читает молитву, она прикладывается к местным иконам и стоит обедню. Бабушка или сестра роженицы держат ребенка за обедней; его приобщают.

У колыбели. Х.м., 1860-е

426. Детская жизнь. Пока у роженицы не припало молоко, т.е. не начало отделяться в достаточном количестве, ребёнку дают соску (жёванный крендель в тряпке); затем уже мать даёт ему грудь, чуть ребенок заплачет. Перекармливание ребенка ведет к болям желудка. Ребенок корчится, плачет, — его sprыскивают с уголька через дверную тягу: думают, что кто-нибудь сглазил. Колыбель («зыбка») бывает двух видов: во-первых, продолговатый четырехугольник, обтянутый холстом, свешивающимся внутри на 5 или на 6 вершков; привязанные к углам веревки связываются вместе на расстоянии полутора аршина к крюку, крюк задевают за петлю веревки, привязанной к шесту (очепу), продетому в кольцо, ввинченное в потолок; во-вторых, зыбки, гнутые из тонкой липовой или осиновой доски. Последние гораздо удобнее потому, что дно такой зыбки прямое, — ребёнок лежит на ровной подстилке. Зыбка занавешивается какой-нибудь материей (это забота бабушки). Занавеску эту называют огибкой. Мать, качая, припевает ласковые слова, на какие

Этюды детей. Рисунок, 1866

только способна её изобретательность. Бабушка припеваёт пожелания всяких благ, не забывая и себя, напр (имер):

Бай, бай, ба-а-ай,
 Баю, баюшки, баю!
 Уж ты спи, засни,
 Угомон тебя возьми:
 Вырастешь велик,
 Станешь господа хвалить,
 Нас, стариков,
 Почитать и уважать.
 Баю, внученька,
 Баю, миленького... и т.д.

Девочка-нянька от скуки напевает надоевшему ей ребенку всякие страхи:

Баюшки баю,
 Колотушек надаю.

Когда выпишься —
 Не куражишься... и т.д.

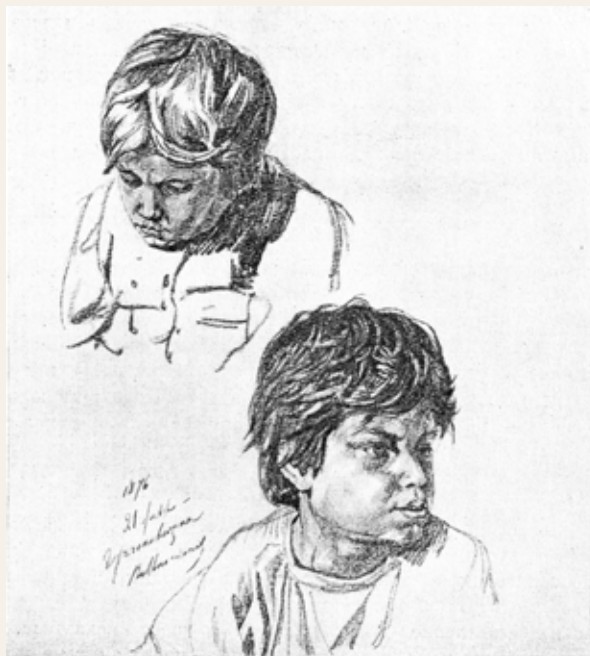
Деревенская женщина кормит своего ребенка до полуторах лет, не желая скоро вновь забеременеть. Старухи-няньки для своего спокойствия поят детей отваром мака, хотя знают о вреде этого средства. Младенцев моют очень редко, недельного ребенка бабки берут с собой в баню и здесь, на полке, их парят, «выпаривают со спины щетинку».

Часто дети умирают от молочницы: в народе не знают о средствах, предупреждающих развитие этого грибка. Смачивания водкой они боятся, — считают грехом.

427. Воспитание детей. Пища детей, как только они перестали сосать грудь — та же, что и для взрослых; в сколько-нибудь достаточных семьях варят манную или жидкую пшённую кашу, кормят мочёными в молоке кренделями, включительно до двухлетнего возраста. Одежда детей до семилетнего возраста, в огромном большинстве, состоит из одной рубашки, которую нарочно шьют длиннее; на седьмой год в именины одевают первый раз портки, а в захолустьях и до сих пор дети вплоть до посещения школы бегают: мальчики без порток, а девочки без сарафана. У богатых крестьян рано начинают одевать на детей порчёнки, сапоги и шапку. Спасовщина и приволховские жители вообще довольно рано сполна одевают своих детей. С любимыми детьми, «с одинакушками», взрослые играют в прятки для своего удовольствия. Подрастающие девочки играют в больших: стряпают, кормят детей, стирают и т.п.; мальчики запрягают лошадь, сеют, веют, молотят, а иногда вместе, мальчики и девочки, играют в свадьбу. Родители от раннего возраста к детям строги. «Учи, — говорят, — пока поперёк лавки лежит, а ляжет вдоль — тогда учить поздно». По мере взросления детей бьют реже и реже, но это зависит от характера родителей и от природы детей. Крестьяне говорят, что как только дети станут ходить в школу, в плётке

У колыбели. Х.м., 1860

Наброски голов. Рисунок, 1876

нужды меньше. Матери детей наказывают розгой, выдернутой из веника, редко бьют рукой, отцы же под сердитый час, за большую вину бьют и кнутом. Летом дети живут настолько самостоятельно, что иногда на большую деревню есть 1–2 старухи, такие старые, что им «впору только с себя мух гонять». В каждой семье стараются выучить молиться раньше, к 5 годам чтобы знал «Богородицу» и «Отче наш». В церковь к обедне водят, когда сами идут, с самого раннего детства. Нарочно не внушают поверий, а говорят при детях: о бывальщинах, небывальщинах, поверьях, приметах, о снах — какой сон к чему. На вопросы детей отвечают также, как когда-то отвечали им их родители, поэтому дети у крестьян — плоть

от плоти, со всем хорошеством и дурностью.

428. В деревне уже трехлетний мальчик помогает матери: чистить картофель, мести пол, подать ей такую-то вещь, отыскать отцовский кушак, собрать в чашку рассыпанный по полу горох и другими подобными услугами. «Поди-ка, Митя, — говорит мать, — отгони куриц от корюшки, что сушится на улице». Малыш послушно ковыляет туда. Может быть, он в кур бросает вместо щепки тою же корюхой, но он сознает, что сослужил службу матери — отогнал кур. Тысячами — подобные примеры. Крестьянский ребёнок 8 лет, оставленный дома во время сенокоса, сам поест оставленную пищу, гуляет, резвится; а придут коровы, овцы — он их загонит во двор, как ему наказала мать. Он знает, что «наша корова белоголовая, другая — чёрная, один рог сломан у ней, белые ноги». По приказу матери покормит цыплят, он всегда отличит своих кур от чужих.

Наблюдаем общекрестьянскую среду, — о ней и ведём речь. У богатых мужиков дети также, как у господ, на помочах. Зато мальчик к 10 летам в крестьянском быту — помощник отцу: сходить за лошадью,

обратно согнать её в стадо, сборонить такую-то и такую-то полосу (а полос в поле сотни, а он отличит между ними свою полосу). Двенадцатилетний сын крестьянина отцу такой помощник, что стоит очень смыслёного взрослого работника. Тяжёлой работы мальчик не работает, он не пашет землю, не нарывает навоза, зато на лёгкие работы — незаменим. «Ваня, поди, купи дёгтя», — он купит, не ошибётся принять сдачи, 10 раз её пересчитает.

429. Совершеннолетие. Совершеннолетие не празднуется подобно тому, как в городах. В день именин, вообще, порядок такой: парень, или девушка, идут в церковь (коли есть в тот день служба), подают просфору «о здравии», случатся деньги — служат молебн. Дома — чай с кренделями и прибавка к рядовому обеду в виде каши, калиток, пирогов. Отец, поздравляя сына, скажет: «Ну, Михайла, теперь ты в совершенных летах, можешь и на сход вместо меня идти». Нерадостны бывают именины для совершеннолетнего сына, не имеющего льгот по воинской повинности. Поскучает отец, поплачет мать, — особенно, когда сынок, после обеда, возьмёт в руки гармонию, да затянет удалую песню; что не возбраняется в его положении. Дочь невестой считается по исполнении ей 16 лет. Она свободнее ходит на беседу, к ней садятся парни, одевают её лучше даже по будням, предпочтительно перед младшими сестрами. Дочь, слишком долго засидевшаяся в девушках, в 30 лет уже считается незамужницей; на неё смотрят окружающие с сожалением. Под сердитый час мать погрозит купить ей шайку, мыло и мочалу «покойников мыть». В деревне есть обычай звать к умершей девушке старых девиц для обмывания тела усопшей, шитья савана и положения в гроб. Одевается такая девица в тёмные цвета, в хоровод и, вообще, на гулянье не ходит, подсаживается к замужним. Её невозбранно отпускают на богомолье, в семье она очень часто заправляет всем женским хозяйством; невестки всегда у ней в подчинении. На неё долго продолжают сеять лен и обрабатывать его сообща, ткёт она в свою собственность, и только с доброй воли может дать в семью свою новину или другое какое изделие. При разделах старая девица имеет право требовать равной доли во всём имуществе; в виде отступной ей должны, если она пожелает, построить избушку «на устороньи» с печью и всеми принадлежностями бобыльного хозяйства. Суд всегда на её стороне, по обычаю.

Выходящие из ряда обстоятельства

Общественные бедствия

437. Теперь, когда среди крестьян проживает много солдат, побывавших на турецкой¹ войне, часто слышатся рассказы о солдатском житье на чужой стороне, о тамошних местах и о народах, там живущих. А перед войной только и речи было, что требуют всех солдат и что после, как их перебьют, придётся всем здоровым идти «на турку», что «немец и англичанка за турку стоят, а нашему государю трудно». В захолустьях очень долго не слыхали ни о победах, ни о поражениях, кроме случаев, когда в церкви служат благодарственный молебен, да и то многие думали, что это, значит, царский день². В Усадищской и Михайловской вол[остях] много грамотных, бывалых и торговых людей; они находятся в постоянных сношениях с Питером и Новой Ладогой; богатые крестьяне получали в это время газеты. Газеты ходили по рукам и с жадностью читались при большом многолюдстве. сколько пролито горьких слёз при чтении о поражении русских, сколько радостей, что наша взяла, — трогательно было смотреть! И далеко, по всем захолустьям разносились эти вести. Манифест объявления войны³ произвёл громадное впечатление на народ, ходили к священникам с просьбой ещё раз его прочесть. Народ так предан Царю, так глубоко верит в Его справедливость, — народ убеждён, что уж ежели наш Государь объявил войну, значит, воевать будем за правду, за православную веру, за каких-нибудь обиженных...

438. Вести о голоде в хлебородных губерниях сюда доходили, но т.к. в здешних местах постоянный недород, и сами они каждую весну живут впроголодь, то оставалось только поохать да поохать; сборов между крестьянами в пользу голодающих не было произведено. Когда у нас, здесь, в начале этого десятилетия был «дорогой хлеб» (крестьяне не говорят: «У нас был голод»), бедные мужики помогали друг другу, продавая заветное добро; о многих девушках рассказывают, что они продали свои

¹ Вероятно, имеется в виду Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

² День восшествия на престол царствующего монарха, коронации, а также тезоименитства императриц и членов царствующей семьи; государственный праздник.

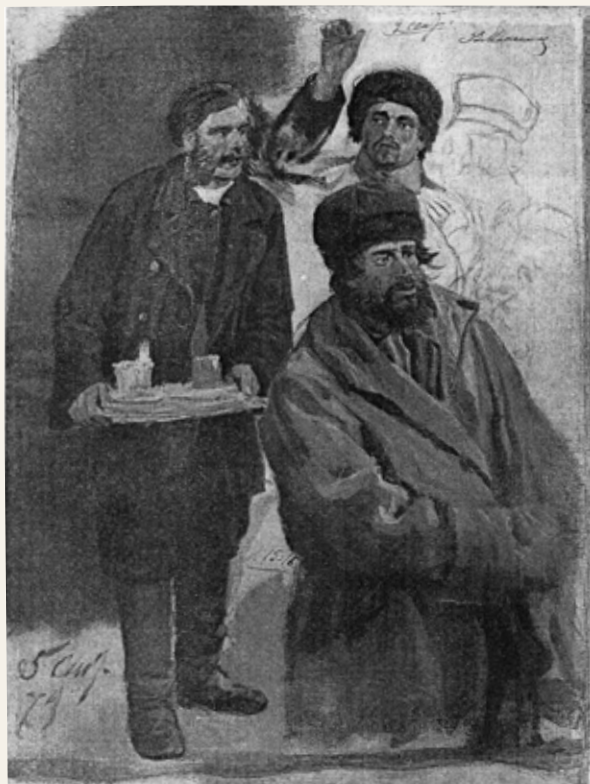
³ Торжественный акт, подписанный Александром II, о вступлении в войну с Османской империей, объявленный 12/24 апреля 1877 г. после парада русских войск в Кишинёве.

Этюд (4 женщины). Рисунок, 1871

жемчуга на поддержку семейства; люди богатые, торговые делали взносы в земскую управу, но не слышал никто о их благодеянии, а о наживе на счёт голодающих все знают. После голодного года прибавилось несколько «скоробогатых»: в д. Симанкове — Герасим, в д. Кускове — Михайла Лащихин, в с. Михаила Архангела — Александр Мирнов и мн. др. Вспомоществование было организовано скверно: выдавали всем крестьянам одинаково, не исключая имущих, которые сбывали полученный хлеб за высокую цену или под отработку бедным соседям. Никакого буйства, краж и возбуждения против богачей не было, хотя втихомолку поговаривали, что надо бы разобрать у Шарапова и у других богачей их амбары.

439. «Холеру, как бедствие, посылает Бог за нашу неправду, чтобы мы опомнились, от неё избавить доктор не в силах, — а умереть всё

Этюд к картине «Аукцион за недвижки». Х. м., 1879

Поверья относительно повальных болезней в здешнем крае нет: не было случаев убийства докторов, колдунов, беглых солдат даже в те предыдущие страшные холерные эпидемии 1831 и 1848 гг. Свирепствовавший 4 года назад тиф не вызвал также ни одного противодействия ни лечением, ни мерами, предупреждающими заражение.

Общественный разлад

441. На памяти стариков не было ни одного случая волнений в 5 окрестных волостях: Усадищской, Михайловской, Хваловской, Иссадской и Песоцкой. Старики слышали от своих отцов, что когда первый раз роздали мужикам для посадки картофеля, — народ взбунтовался, не желая сажать в матушку-землю «чёртовых яиц». Приходили на постой казаки, стояли долго, разорили вконец мужиков, дождалось, когда картофель при них посадили, выкопали, когда стали его есть, — тогда только ушли казаки с постоя.

равно надо, — привёл бы только Бог умереть с покаянием», — так смотрит наш народ на подобные бедствия. К докторам обращались при заболеваниях, лекарства принимали, советы слушали, но в предупреждающие меры не верили. Пишущий эти строки в то время был выбран санитарным попечителем. Очистить от всякой мерзости свой двор, содержать в чистоте избу и себя самих, пить кипяченую воду, вместо сырой, не есть сырых овощей и т.п. советы разбиваются условиями, в которые искони поставлен крестьянин, и не было попыток исподволь начать внушать пользу иного распорядка. Грянул гром в виде холеры, скотского падежа, страшного пожара, — экстренно назначают для народа 7 няnek. И то хорошо, что этих няnek не приколошивали — оставляли целыми!

442. «Бунтовать», по народному воззрению, значит, не повиноваться властям, поставленным Государем. Идти против власти — идти против Царя. Поляков у нас здесь называют «бунтовщиками» (сюда много приходит канавщиков из Витебской губ., их-то и назыв[ают] поляками, т.к. большая часть из них — католики). В здешнем крае кого ни спросишь о том, могут ли быть сходбища запрещённые, — даже и вопроса такого не понимают. Отдельные кражи бывают, но о воровских шайках не слышно.

443. В волостях Усадищской и Михайловской очень много раскольников: «поморы»¹ и «федосеевцы»² по преимуществу. Целые деревни живут своей жизнью, не ссорясь с православными соседями. О совращении из православия в раскол нет слуху, а о переходе из раскола к единоверию зачастую слышно. В самой середине раскола, на р. Волхове, в порогах есть единоверческая церковь Петра и Павла³; староста этой церкви — просвещённый человек, крестьянин

Этюд к картине «Аукцион за недвижки». Х. м., 1879

¹ Одно из направлений в старообрядчестве; «Поморское согласие» — одно из самых многочисленных обществ беспоповцев. Официальное название — Древлеправославная поморская церковь.

² (Федосиевцы) — религиозно-опозиционное течение в России, возникшее в конце XVII–начале XVIII вв. среди старообрядцев. Проповедовало нетерпимость к государству и официальной Православной Церкви, строгий аскетизм и безбрачие. Основателем первой общины Ф. был бывший дьякон д. Крестецкий Ям (ок. Новгорода) Феодосий Васильев (1661–1711), из старинного рода бояр Урусовых.

³ Единоверие — часть официальной Православной Церкви, утверждённой в 1800 г. императорским указом по представлению митрополита Платона. Создавалась для старообрядцев, готовых подчиниться Свящ. Синоду, но при этом

Иван Матвеевич Набоков, он много сделал для примирения раскольников с церковниками, и близко время, когда единение совершится без всяких проповедей наших не в миру ретивых попов, желающих выслужиться своею деятельностью перед начальством. В д. Бёзове раскольниковый «отче» говорит: «С вами, мирянами, — жить просто, а вот с вашими попами — уж лучше не говорить: продажный народ».

444. Переселение. Из описываемых волостей переселений нет.

Местные бедствия

445. Пожары. При начале пожара тот, у кого загорелось, так растеряется, что, не случись никого из посторонних, целая семья, при возможности многое спасти, не спасёт ничего ценного, а будет таскать всякую дрянь. Ближайшие соседи стараются спасти своё добро, однодеревенские, хотя бы их избы стояли далеко и в полной безопасности, стараются сперва выносить из дома своё имущество и только тогда идут к месту пожара. Дадут сначала разгореться, до невозможности подступиться, после и мечутся без толку, как угорелые. Заводят в деревнях пожарные трубы, не справясь, есть ли достаточное количество воды, удобно ли доставать её из колодцев, — поэтому неудивительно, когда слышишь жалобы крестьян, что: «Депа эта вся сгорела до тла, опять на ей на проклятую стану собрать, а нам и самым нигди жить». Вследствие пожара у мужика полное обеднение, особенно, когда сгорит скот, что нередко, если это случится ночью. О поджогах не слышно, а всё больше от своей неосторожности, от которой он сам первый страдает; поэтому потерпевшего и не наказывают, выдают ему страховую сумму по оценке. Если в деревне уцелеет несколько домов, в них живут погоревшие, вплоть до постройки своих жилищ; помещаются в банях, ригах, а для скота строят из соломы временные шалаши. К погорельцам относятся весьма сочувственно крестьяне и помещики, дают не только ненужные вещи, но делятся и нужными, потому что редкий не знает по опыту, как трудно вновь обзавестись хозяйством. Главным пособием к устройству жилища и обзаведению служат: страховая сумма, сбор на погорелое, помощь родных. Вскоре после пожара на место пожарища выезжают: страховой агент, волостной старшина и землемер. Все они стараются уговорить крестьян-хозяев не строиться скученно, но привычка к старому пепелищу, косность так

соблюдать обряды, существовавшие до реформ патриарха Никона. Единоверческая церковь Св. апп. Петра и Павла находилась в с. Петропавловском (ныне окраина г. Волхова); впервые упомянута в 1621 г.

велики, что долго власти возятся с мужиками и редко могут настоять на положенных правилах о постройке деревень после пожаров: хоть «сажёнку», да утянет мужик в пользу старины. Где не дорог лес — через год времени, глядишь, опять вырастет деревня, но уже иного характера: новые постройки, нет тех украшений, какие бывают, если строятся не наспех, а с доброй воли, «сподволья».

446. Буря. Наводнение. Бури в описываемых волостях причиняют вред отдельным хозяевам, с этим справляются скоро. Наводнений бедственных в волостях Усадицской, Михайловской, Песоцкой, Иссадской — не бывает. Вследствие ливней размываются дороги в Спасовщине на несколько дней, но дороги там, вообще, так скверны, что крестьяне привыкли на неделю — на 2 засесть в своих краях

447. Экономическое расстройство. «Это было не так давно. Видят мужики, что хлеба не добыть с поля, стали собирать, пока было время,

Печальные вести (Вести с войны). Х. м., без даты

всякие грибы, ягоды, а с огородов — всё годное для еды. Овса и жита в тот год только семена воротили. Обмолотили вместе, жито и овес, да невяное и смолоти: хлеба вышло много. Испекут — есть нельзя! Картофель тогда хоть и родился, да в земле ещё почти весь сгнил. Стали печь хлеб из этой муки, с прибавкой гнилого картофеля, да серого кроштива — такой хлеб все ели. К великому посту не стало ни картофеля, ни грибов, ни кроштива, — остался один мякинный овсяный хлеб — и тому были рады! Детей этим хлебом без молока нельзя было кормить: не глядели на пост, давали с молоком. Не дюжи стали работать от голода, просить милостинку не у кого: у всех одно и то же. Старики лежали на печи да плакали. Бывало, ни из-за чего начнётся перебранка, только и браниться-то были «не дюжи»- бессильны. На деревне все, с кем ни встретишься, — все молчали, как немые. Уж на что бабы говорить бедовы — и те ходили,

Эскиз к картине «Герои Севастополя». Рисунок, 1886

как мокрые курицы». (Рассказ крестьянина д. Лопино, Михайловской волости. Ивана Антипова).

448. Неурожай. Старик девяностидесяти лет, крестьянин д. Лопина Степан Савельев Кроха, сохранивший прекрасную память о прошедшем, рассказывал «о пьяном хлебе». Рассказ этот подтверждают многие, ныне здравствующие старики. «Весна была в тот год тёплая, ранняя, всходы радовали, рожь выколосилась, стала наливаться, — все радовались благодати, думали, что уродится хлеба столько, что в год не приесть! Как зашли дожди к Иванову дню, как зашли, — да так вплоть до Покрова без переминок и лили, а время жаркое стояло: душно, словно в избе. Мокрую рожь жали, сушили на ригах, в избяных печах, в банях; как смеют бабы на жерновах — мука серая. Уж очень много было в хлебе спорыньи (*Lekale cornutum*). Поешь этого хлеба — заболит голова, сделаешься как пьяный. Так и ходили мы все очумелые, а силы работать не стало. Бывало, еле-еле лошадь запряжёшь. Осень в тот год случилась сухая, бесснежная, обе деревни пошли на сенокос, опчиной (общиной). Травы тогда много было, время стояло сухое, холодное, морозное. Старались, работали, и до Кузьмы-Демьяна накопили корму столько, что хватило до весны. В тот год у всех брюха болели, а никто не помер»

Градобитие здесь бывает, но местами или, как говорится, «узенькой полоской». Годов 20 с лишком (когда куль хлеба продавали за 22 руб.) была такая засуха, что с вешнего Николая до Успеньева дня капли дождя не выпало, а грозы были страшные, во время грозы брызнет, «как у попа с кропила», на одну минуту несколько крупных капель, и опять перестанет. Служили молебны, ходили вокруг полей, — нет, не смиловался Господь! Зерно было такое мелкое, что едва глазом разглядишь. Тоже много бедствовали в тот год!

449. Падёж скота, лошадей. Падёжи скота только в последние 15 лет ослабли, а прежде свирепствовали со страшной силой. На 5–6 лошадях... работала вся деревня, покуда не обзавелись лошадьми потерпевшие от падежа соседи. Нарядила губернская земская управа в здешние места ветеринарных врачей, главный из всех был Валентин Федосеевич Нагорский; он первый постановил санитарное дело правильно, вследствие чего эпидемия год от года стала ослабевать. У него было несколько студентов-медиков помощниками. Крестьяне до сих пор помнят этого деятельного человека. В Новолadoжском у (езде). каналы:

старый — Петровский ¹, новый — Александровский ² и 2 Сясьских ³ требуют для тяги множество лошадей, поднятие судов через волховские пороги — также. В общем итоге, лошадей надо считать тысячами. Но об этом будет сказано особо, а здесь расскажу о санитарных мерах. Павших от сибирской язвы лошадей зарывали неглубоко, чуть покрывали землёй, явно заражённых лошадей пускали в стадо, запрягали в тягу тяжёлых судов по паре лошадей, где надо было запрягать четырех; подпрягали, без осмотра, к здоровым лошадям заражённую и т.п. порядки были до Нагорского. Он настоял на следующих мерах. Осмотр тягловых лошадей и удаление больных, запрягать вдвое большее количество лошадей под гонки и тяжёлые суда, заболевших в пути лошадей удалять в загоны, павших — немедленно закапывать на глубину не менее двух арш (ин), обливая раствором извести, а где её близко нет — раствором купороса; пришедших из канавной тяги лошадей не пускать в стадо, выдерживать несколько суток отдельно и т.д. 2 года неустанного труда принесли свою пользу — эпидемия сократилась значительно. Нагорского прозвали «тележный барин» (он был постоянно в разъездах по всему уезду, где только появится зараза). Коновалов спасовских он хвалил за их удивительную смывлённость, за отсутствие косности и точную исполнительность приказаний. Замечательно, что все санитарные меры в отношении скота мужик принимает на веру и выполняет, не задумавшись; в отношении же охраны себя самого — полная беспечность.

450. Появление вредных животных. Когда появятся на полосе черви, у нас немедленно перепахивают это место, накладывают в борозду соломы, сжигают её; потом вновь засевают. Но эти случаи редки.

451. Ссоры и драки между крестьянами. На волостных сходках много шума, но драк никогда не бывает. На базарах, в кабаках «пьяные драки» возникают по недоразумению, проспится в будке, и всё забыто. На сходках, в деревне, когда дело идёт, напр., об отводе нового места под

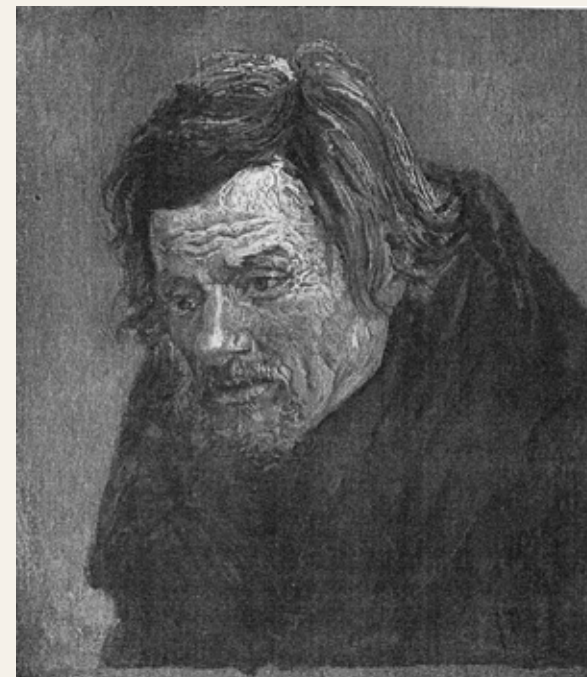
¹ Канал Императора Петра Великого между реками Волхов и Нева. Строился с 1721 по 1731 гг.

² Канал Императора Александра II; прорыт в 1861–1866 гг. на смену обмелевшему Староладожскому (Петровскому).

³ Каналы Императора Александра III (Свирский), соединявший реки Сясь и Свирь, длиной 46,61 км, и Императрицы Александры Феодоровны (Сясьский), между реками Сясь и Волхов, длиной 10,6 км. Первый построен в 1878–1880 гг., второй — в 1883 г.

ободворок отделившемуся от семьи крестьянину спорят упорно, т.к. под новый ободворок часто приходится отделить часть полевой земли, а никто не желает поступиться одной четвертью удобренной земли, в общем огороде надел также у всех изменяется. Споры из-за городьбы полей, сенокосов, споры из-за канав: одни хозяева находят нужным осушку известного места в поле, ибо весной целый участок земли вымокает, другие нет; споры о порубках в лесу, о колодцах, о взимании поземельных денег с поселившихся на крестьянской земле посторонних жителей и т.д. Упреки семейными неурядицами вызывают взаимную ожесточенную ругань: драться не дадут на сходке, — староста пугнёт ссорящихся арестом за нарушение порядка на сходке, и брань прекратится. Мужик не должен, по мнению крестьян, трогать при народе чужую семейную жизнь, — это крайняя обида. «На то бабы есть, чтобы ругаться из-за чужих дел». Выражение «гнилой ...й» — крайне обидно. Мужики ругаются до зуботычин, но умеют скоро помириться, а иные бабы по целым годам не глядят одна на другую. Оплеуха, данная за оскорбление семьи, сносится легче, чем клевета. Семейные драки народ оставляет без внимания: «Свои собаки дерутся, чужая не приставай». Если чужой мужчина сорвёт с замужней женщины или со вдовы повойник, это считается больше самой тяжкой отборной ругани. Когда обнаружится, что 2 любовника ходят к одной бабе, они сговариваются наказать её так: режут одну из кос и стригут волосы на п..., чтобы муж лучше за ней смотрел. Мажут дегтем двери у изменившей любовницы, — все равно, девушка она или женщина.

Кулачных боев давным давно и в помине нет. Драки и ссоры между деревнями нет, дерутся молодые ребята одной местности с другими за оскорбление на беседе какой-нибудь девушки: срыванием с головы платка, рваньём передника и т.п. Кулака-мужика из д. Кускова (Иссадской вол.)

Этюд к картине «Аукцион за недвижки». Х.м., 1879

Михайлу Васильева Лашухина побили так сильно, что он захворал и через 5 лет умер от чахотки.

452. Ссоры в домашнем быту.

Ссоры в домашнем быту происходят от неуживчивости женщин. Если муж по любви женился на красивой и живёт с ней в мире: шепчется с ней, милуется, покупает ей самое необходимое, — его упрекают: «Взял голую, теперь ей обновки покупает за нашу работу». Наряжая на работы кого-нибудь из семейщиков, он, хозяин, встречает отпор: «не пойду, пошли свою жену, ты ей обновки покупаешь». Вот и пошла ссора в ход. А если в семье есть 2 некрасивые золовки, за которых никто не сватается, они, из зависти к красоте невестки, всеми силами постараются поселить раздор между мужем и женой, — на

это женщины мастерицы: откуда у них и ум возьмётся! Мать всегда будет на стороне дочек — и найдут они повод к ссоре мужа. Где бы матери радоваться счастьем сына, она её сердит: «перестал меня слушаться, советуется с женой, мать уже дура стала». Разными неправдами раздражат мужа, он побьёт жену, после увидит, что побил напрасно — с ней помирится, но зато в семье начнутся ежеминутные препирательства, ссоры, а там и драки. «Бабы лады — до первого попрёка». Часто старухи и старики «дерзки на руку», — за пустяки в рожу лезут. Хозяин воротился пьяный, его по злобе натравят на того, кто не заслуживает побоев, — после раздор. Мужик в семье, вообще, дерётся чаще. Слишком много поводов, кроме семейных, для раздражения: недостатки по дому, общественная несправедливость, неудачи в купле и продаже, вечная забота, все и всё с него теребят, — терпит, переносит, пока не пьян; пьяному всё кажется в преувеличенном виде: чуть что не по нём сказано — драка. Частые ссоры и драки доводят женщин до побега, а мужчин — до полного пренебрежения хозяйством и всеми обязанностями. В домашние ссоры вступаются, по обычаю, свои

близкие родные, стараясь уладить дело миром, а «мир» самовольно не входит ни во что, пока к нему не обратятся с жалобой. На жалобы семьи миру ответ готовый: «Кто вас, родных, может рассудить? Сами побранились, сами и миритесь!» Отец или мать могут выгнать сына из дома «за непочтение», и суд, по обычаю, признает такой поступок без критики, как волю родителей; судьи только уговаривают, усовещивают поступившего, по их мнению, несправедливо, но обязать поступить сообразно их мнению — не могут. Несправедливый поступок отца и матери — лишение наследства — народ осуждает, а при ссорах — это первый упрек. Лишить благословения, по взгляду народа, родители могут также, как лишить наследства, а проклинать — не могут: «Это великий грех — зачем лишать счастья своих детей? Душегубцев и то нынче не проклинают». В давнее время с проклятым родителями человеком не ели из одной чашки, не входили ни в какие сделки, не выдавали за них замуж дочерей, — теперь ничего подобного нет. Братья делятся между собой при посторонних свидетелях, ими самими избираемых. На делёж, произведённый при трёх свидетелях жаловаться некому.

453. Полный разлад в брачной жизни, внебрачное сожительство. Прежде бывало и теперь бывает, что вследствие постоянных ссор происходит полный разлад между мужем и женой, и, если нет детей, они расстаются без сожаления; если есть дети — детей присуждают тому из супругов, поведение которого не запятнано. На мирской приговор суд обращает особенное внимание, т.к. близким соседям более известны подробности семейной жизни; если со стороны мужа нет согласия на

X. м.,

выдачу отдельного вида, волостной суд, рассмотрев дело, может своей властью выдать жене отдельный вид¹. После того, как супруги заживут отдельно, любовная связь которого-нибудь из них уже не осуждается соседями. Мужчины чаще делают проступки из ревности, чем женщины. Если ревность мужа подтвердилась — он расправляется с женой свирепо. В подтверждениё сказанного приведём примеры.

В с. Ильинском муж, убедившись в любовной связи своей жены с деревенским соседом, бил свою жену до смерти; убедившись, что мертва — сам объявил об этом своим соседям. Уже ранее было упомянуто, как крестьянин д. Гутова, Фёдор Сорока, запрягал в борону свою жену. Вышедшая замуж из д. Лопина в д. Лопатицы девица Варвара Михайлова, отличавшаяся дурным поведением, была бита мужем и запрягаема рядом с лошастью в телегу; — она покушалась на самоубийство, после чего разошлась со своим мужем навсегда. Народ не одобряет ни ту, ни другую сторону за неумение прощать друг другу слабости: «Хвалить — погодить, которого хошь: один неспустиха, друга — задержиха». В д. Ивановском Острове, Михайловской вол. 9ости), 5 лет назад жена, сговорившись с любовником, убила своего мужа, хотя он ей нисколько не мешал предаваться разврату. Молодые свёкры, особливо вдовы, сплошь и рядом ухаживают за невестками, но сынки в здешнем крае распоряжаются с отцами решительно. Так, в д. Волькове сын отца, сонного, связал (дело было на покосе), снял с него портки и рубахи и положил его в кучу муравейника, погрозив тем и жене, ежели она склонится на подговоры свёкра. Отец и не жаловался, а только выгнал из дома, не давши сыну ни куска хлеба.

Развод

454. Из расспросов крестьян и из дел семейных, имеющих в волостных правлениях: Усадищском, Михайловском и Иссадском, неизвестно за последние 18 лет ни одного случая полного формального развода. Расходятся просто, как выше сказано, жена в одну сторону, муж — в другую; реже случаи, что детей бросает мать, чаще всего отец оставляет жену с детьми и живёт на стороне другим домом, а жена растит ребят, иногда

¹ Вид на жительство — удостоверение личности, выдававшееся в волостном правлении крестьянам, отлучавшимся на промыслы на расстояние более 30 вёрст и на срок до полугода. Согласно Положения «О видах на жительство» (Устав о паспортах) от 3 июня 1894 г., неотделённым членам семьи вид на жительство выдавался только с согласия хозяина двора или по распоряжению земского начальника.

У колодца. Рисунок, 1881

«Христовым именем», не требуя судом помощи от забывшего её мужа. Подобные мужья, уходя из дома, не берут с собой ничего, — оставляют на волю жены всё: и детей, и имущество, как своё собственное, так и женино приданое. Бывали случаи возвращения таких мужей и отцов в свой дом, когда дети, достигнувшие совершеннолетия, самостоятельно вели

хозяйство. Мир отказывает отцу в праве жить в доме, не только в пользовании имуществом. Мир предоставил жене и детям поступать по их доброй воле.

Разврат

455. Потеря невинности, хотя и совершеннолетней, по народному воззрению, ещё не разврат, — это несчастье, глупость по молодости лет (винят родителей за недосмотр). Только мужа к этому относятся строго, из опасения, что, если она раз согрешила, может и ещё и ещё повториться и кончится разгулом. Девушки всегда жалеют такую слабохарактерную, податливую на обман подругу; этому парню-обманщику не поверят, сколько он ни не клянись в любви той или другой из подруг обманутой. Если девушка забеременеет от парня, родители стараются, чтобы он женился на ней; когда никакие уговоры не действуют на парня, а есть возможность доказать, что ребенок от него. — прибегают к суду. Суд сначала настаивает на женитьбе, а в случае решительного отказа — присуждает к сведению из дома парня коровы и известной плате деньгами, единовременно или в рассрочку, но не обязывает давать до совершеннолетия. К девушке, которую постигнет такое несчастье, подруги при людях холодны, — боятся, что родители станут бранить за дружбу с павшей девушкой. а потихоньку, чем могут, помогают ей во всём.

456. Веселое балагурство, шутки даже одобряются в молодом парне, а насмешников, сквернословов народ очень не любит: «похабный парень» — плохая слава, такой парень в ближних деревнях не высватает хорошей девицы. «Насильников» девушки и молодые женщины боятся, с ними никуда не пойдут одиночкой в дорогу или на работу, не отворят двери, коли никого нет дома. Народ с омерзением слушает его похождения, и при удобном случае стараются подвести его под суд. В Песоцкой вол (ости) за изнасилование своей жены муж со своим приятелем зазвал «наильника» в баню и повредил ему часть полового органа, отпустивши его, зимой, голого. «Насильник» не умер, он взял паспорт, уехал в Питер; с тех пор о нём ни слуху, ни духу. Народ одобряет такой поступок, говорят: «Ловко он его обработал!»

В д. Кускове (Иссадской вол.) есть молодой мужик, отличающийся развратным поведением, он не пропустит ни одной красивой женщины, часто в нетрезвом виде ходит на беседу. Однажды, возвращаясь с беседы, он догнал ранее его вышедшую девочку сироту 15 лет и изнасиловал её. Она бросилась к богатой тётке, вдове кулака Михайлы Лащихина,

а тётка кончила миром из своей выгоды: мужик у ней год работал бесплатно. Соседи тайно довели до сведения судебного следователя, но тётка дело замяла. Однако «наильнику» не прошла даром эта пакость: сговорились молодые ребята и артелью ужасно его поколотили, несмотря на то, что он очень здоровый мужик. Народ говорил после: «Убить бы его надо, пакосника».

457. Среди приволховских жителей, кой-где по деревням есть бабёнки, вдовы и замужние распутницы, отдающиеся за деньги прикащикам, квартирующим в приречных деревнях. Зимой эти дамы живут на скопленные летом гроши, по необходимости, скромно: на них нет спроса. К ним в дома стыдятся вьявь заходить даже мужчины, не только женщины и девушки. Вообще, народ на таких женщин смотрит как на потерянных людей. между женщинами встречаются скудоумные ветреницы, которые, хотя сами «не блудят», а не прочь способствовать продаже чужого тела. «Любить его (имярек), да было бы за что? С него нечего взять». «Любить — любила, да уж побрала жо она с ево и денежок и подарков!». Или так: «Дура, — люби! А сама ему с дому таскае!» Живы в памяти народа воспоминания о многих помещиках, пользовавшихся своими правами для удовлетворения сладострастия. Василий Петрович Караулов, владелец большой вотчины, не пропускал случая «первой ночи», а когда не было свадеб, рассылал старост и преданных ему старух для выбора молодых красивых девиц и женщин, — всё ему с рук сходило! Только один раз пугнул его молодой муж, ответив старосте: «Скажи барину, что ежели он возьмёт мою жену, я не пожалю себя, убью его; в солдаты сдаст — из солдат убегу, а убью!» Побоялся староста доложить такую речь барину, — остались целы и муж и жена. В его вотчине множество мужчин и женщин, как 2 капли воды на него

После обедни. Х.м., 1891

похожих. Богданов Александр Николаевич, из мелкопоместных, также любил «прихватывать чужинки», но от него просто бегали девушки, хоронились, и он успокаивался. Не так поступал владелец имения «Карпово», по р. Волхову, Александр Алексеевич Бестужев. Будучи холостым, он окружал себя крепостными девицами и жил по-турецки; если которая из них упрямылась, не отдавалась ему по первому желанию, её секли розгами до тех пор, пока она могла кричать, а затем замертво клали на рогожку и уносили в людскую. Состарившись, он не оставлял своих привычек брать во двор хорошеньких девушек: замужних он не трогал, а любил от времени до времени собирать их у себя в доме и устраивать вечеринки с пляскою под игру балалаек. Таковы же были 2 помещика: в д. Обухове, тоже по р. Волхову, Нагорный. и князь — фамилии его народ не мог сказать, — оба с молодых лет и до старости жившие одним сладострастием.

С введением всеобщей воинской повинности в здешнем крае положение солдатских жён ничем не отличается от положения всех невесток, мужа которых в отлучке: те же любезные приставаания свёкра, охотника до баба, та же должна быть осторожность относительно чужих, чтобы не дошла до мужа худая слава и т.п.

458. Ничего подобного здесь никто даже не слышал.

459. Кровосмешение почитается настолько тяжким грехом, что народ, узнавши о такой ужасной связи, вероятно, поступил бы и нынче так же, как 50 лет назад: отца и дочь сбросили с кручи в самый большой порог на р. Волхов, и следы были скрыты, не смотря на розыски полиции. Снохачество, при отсутствии мужей, по местам захолустным встречается; народ насмехается в лицо снохачу, особенно на деревенских сходках, а бабы изводят упрёками молодичу. Не говоря о кровных братьях, сёстрах, не допускается сожительство даже между троюродными. Кум с кумой — как брат с сестрой. А если случится между кумовьями такой грех, то ради срама и исправления бабы обливают их водой у колодца; обливают водой также мужика и бабу, которых застанут спящими вместе во время обедни в двенадцатые праздники.

460. За 40 лет ничего подобного не слышал.

461. Незаконнорожденные дети. Мальчик или девочка, незаконнорожденные. на деревне и в семье всегда за всё виноваты первые. По наущению старших ровесники избегают с ними играть, их дразнят,

повторяя за старшими, складывают прозвища: «загуменный», «подъельняжный», «подсенник», «поповская добыча», «прикащик» и т.п.; всё выносят со слезами бедные малыши... Вырастая среди насмешек, они озлобляются; войдут в силу, станут понимать оскорбительность клички — за малейшее оскорбление — в рожу. Хорошо, ежели родители матери живы, не спихнули на сторону павшей дочери, — они этих несчастных внуков жалеют, любят и, когда где можно, за них заступаются. Мать принижена, не смеет рта разинуть в защиту ребенка. Отчество незаконнорожденного — по крестному отцу, фамилию носит той семьи, в которой воспитывается. При жизни родителей дочь с ребёнком остаётся при них; бывает, что от стыда уходит в работницы. Женатые братья такую сестру с ребёнком не держат в семье, строят ей отдельную избёнку, и живи как знаешь! Мать ходит по работницам, а сын подрастёт, так пасёт овец, потом тоже ходит по работникам. Случаи незаконных рождений не часты: в обществе из 220 душ за 22 года всего один случай. Народ и жалеет таких детей и в то же время легкомысленно их оскорбляет. Всё же, народ лучше смотрит на тех девиц, которые оставляют ребенка при себе, чем на отдающих в воспитательный дом, называя последних «зайчихами». Нередко девушку с ребёнком берёт замуж вдовец, тогда ребёнок со временем приобретает все права родного сына. Такие браки большей частью счастливы — за верность и домовитость матери отец её незаконного сына усыновляет.

462. Подкидыши. За последние годы о подкидышах не слышно, а 30 лет назад это было обыкновенным явлением. Обыкновенно

Птицелов. Рисунок, без даты

подкидывали к состоятельным бездетным людям; они это считали Божиим благословением и, не допытываясь, чье это дитя, усыновляли его. Случаев обратного требования таких детей здесь не знают.

463. Детоубийство. Изгнание плода. В настоящее время не слышно о детоубийстве и изгнании плода, а за 30 лет в 3 волостях: Усадицкой, Михайловской и Иссадской известно несколько случаев. В д. Чернавине крестьянская девица Матрёна Петровна, дочь богача, забеременела, родила и в подполье удушила своё дитя; помогала ей мать. В д. Кускове девица Лащихина, 17 лет, вытравляя (на 7 месяце) плод, само отравилась и умерла в страшных мучениях; мать всё знала. В д. Златыне крестьянка Федосья задушила рождённого живым ребенка; с Ильинского вдова бросила в прорубь своего ребенка; в Старой Ладоге была мещанка, старуха, занимавшаяся изгнанием плода, у ней практика была значительная: монастырь девичий бок о бок с этим селением. Средства для вытравления

плода: в жаркой бане мнут и растирают живот, потом дают пить порох, потом снова баня, и так до появления кровей. Поят собираемыми знахарками травами (говорят, это средство действительно на третьем месяце беременности, а какие это травы — не удалось узнать). Есть такие бабки-повитухи: пригласят их к беременным от незаконного сожительства, — при них рожают мертвых, а у законных жён дети рождаются живыми. Народ относит это к случаю, но повитухи эти свои деревенские всё-таки не приглашают.

464. Народный взгляд таков. Убить ли взрослого, рождённого живым, младенца или убить его внутри матери, когда он стал шевелиться — всё равно. Кровь человеческая падёт на убийцу и на его детей. Сколько ни старайся, такой

Добредёт ли

человек счастья себе не устроит. Указывали нам на много случаев детоубийства и рассказывали последующую жизнь этих женщин — поразительно подтверждается составившееся у народа понятие, что людей, загубивших жизнь, Бог карает даже в потомстве. Все вышеуказанные женщины кончили жизнь свою скверно, — у бабки-повитухи дочери — потаскухи, сыновья — пьяницы бездомные.

465. Безбрачие и отшельничество. Нередко дети рождаются слабыми, неспособными к тяжкому крестьянскому труду; таких детей незаметно готовят заходящие люди, странники к посвящению себя на служение Богу. Держатся такие дети (всё равно, мальчики или девочки) особняком от ровесников, дома и в школе и, наконец, поступают в монастырь. Народ смотрит на них с уважением, беспрепятственно даёт увольнение мальчику из общества. Известен один случай в д. Вёготе: девушка, дочь зажиточного крестьянина, не захотела выйти замуж до 30 лет и постоянно уходила в баню ночевать, и там предавалась молитве (она православная); в монастырь же поступать не желала.

466. По взгляду людей, ищущих уединения, жизнь в мире, среди суеты такова, что не уберечься от соблазна, — поэтому для спасения души лучше всего бежать от мира и поступить в монастырь, что для женщин очень легко. В с. Ильинском в богатой благочестивой семье были 2 сестры, Парасковья и Авдотья Ивановны, очень красивые; за них много женихов сваталось, но оне отличались удивительной набожностью и готовностью помогать ближним своими трудами, от замужества отказались, посвятив себя на служение ближним. Так, напр (имер), оне, вставши очень рано, до рассвета, уходили в поле, жали сначала у нуждавшихся в помощи — у бедняков, где женщина одинокая и больная; а когда появлялись в поле люди, оне бегут на свою полосу и жнут своё, как ни в чём не бывало. Пойдут за грибами ли, за ягодами — всегда занесут половину собранного бедным, бездомным. Помочь соткать, спрясть, сшить (а оне были рукодельницы) — оне считали своей обязанностью. Отец и мать не запрещали им делать добро — хвалили за это. Собирались оне поступить в какой-то дальний монастырь (родители их не отговаривали, позволяли им раздарить бедным подругам своё довольно хорошее приданое), — и с наступлением весны отправиться в путь. Случилась в ту зиму тифозная эпидемия, обе эти девицы, ухаживая за больными, заразились и умерли. Народу на похоронах этих добрых девушек было страшное множество, из Староладожского Успенского девичьего монастыря

По примеру старших. Х. м., 1864

по распоряжению настоятельницы Дионисии послан был на похороны весь правый клирос¹. Лет 20 назад померли их родители, родных, даже дальних, никого нет, — а на их могилах постоянно есть знаки памяти народа — любимые ими полевые цветы. Недавно одна бездетная молодая вдова взяла паспорт, чтобы поступить в работницы, а сама ушла в монастырь. Жила она в деревне безбедно и чрезвычайно скромно. Для взрослого мужчины поступить в монастырь на всегдашнее житьё гораздо труднее: необходимо сдать свой надел земли, уплатить вперёд подати, получить увольнение от общества, а по паспорту жить в монастыре, «трудиться ради Бога по обещанию» может всякий, и таких примеров много.

467. Умалишённые. Большая разница, в глазах народа, между родившимися слабоумными-дурачками и сошедшими с ума в зрелом возрасте. К дурачкам привыкают и их не боятся, а сумасшедших боятся, бегут от них, стараются связать, заковать и посадить на цепь. Безумный от рождения всюду находит поддержку: в одежде, пище и уходе за собой — во имя своего безумия. «Дурачок», «блажененькай», «провидец» — будто бы нарочно принявший на себя блажь во имя Господа, он, по мнению народа, всегда говорит правду, только эту правду надо понять, и понять её могут только «достойные». Народ не прочь, ради забавы, пошутить над слабоумным, но подшутит добродушно и тотчас же постарается загладить свою вину каким-нибудь добром, опомнившись, что «над ним смяться грех, над Божьим человеком». Ребятишки, в отсутствие старших, потешаются над «божьими людьми», иногда зло потешаются, но родители никогда не поощряют

¹ Участники хора и чтецы, стоящие на правом клиросе — возвышении перед иконостасом с правой стороны.

такой потехи, часто даже наказывают детей за злые шутки.

Больных от рождения жалеют меньше, чем их родителей, которым такие дети — страшная тягость. Глухонемой не находит столько сочувствия в народе, как «дурачок» и «блаженный», — он, большею частью умен, все видит, наблюдает, озлоблен на себя и на всех; ко всему этому, очень силен физически: будучи рассержен, он зачастую калечит не только сверстников, но взрослых, здоровых людей. Его опасаются. Сошедший с ума сразу делается отрезанным ото всех людей — в понятиях народа, он хуже скота. «Видь ништо, как Бог, его наказал быть ровным со скотом: уж, вистимо, за чьи-нибудь грехи наказал — ум отнял!» В д. Кускове крестьянин Андрей Иванов, после смерти единственного сына, взрослого парня, стал задумываться, уходить без всякой цели от людей в лес, принося оттуда всякую дрянь. Однажды он пропал 4 дня, его нашли сидящим в шалаше, устроенном рабочими для ночлега на сенокосе. Долго окликали его, не смея подойти к нему близко, наконец, он встал, подошёл к одному из мужиков и велел ему лезть на дерево. «Ты, — говорит, — будь белкой, а я собакой», и с этими словами бросился на людей, оскалая зубы, — все от него побежали, а он, ослабевший от голода, упал. Вечером он явился в дом и велел жене затопить печь, жена велела дочери бежать к соседям, — однако она его послушалась, затопила печь, думала сварить голодному мужу картофеля. Она не заметила, как Андрей вышел с топором на улицу, увидел на задворке чужую нетель, — хватить её топором — убил, отрубил от неё заднюю часть и принес жене для варки; жена видит — дело плохо, сказала соседям, те пришли, связали его и начали нещадно бить, потом заперли его в чулан. Под утро он развязался, через потолок вылез из чулана, вбежал в избу и хотел зарезать жену; она через окно бежала к соседям. Кой-как

Старик-крестьянин. Х. м., 1879

его связали и отправили в больницу, где он вскоре умер. Жена его, также сильно скучавшая по сыну и во время болезни мужа жившая в тревоге, после смерти мужа стала тосковать: не ела, не пила, всё плакала и, наконец, сошла с ума. Сумасшествие выразилось необыкновенной веселостью. Однажды рано утром соседки услышали развеселую песню, вошли к ней в избу, а она, голая, сидит за столом и продолжает петь. С ней заговорили, она отвечала, что теперь в раю и завтра свидится с мужем, а дочь свою, четырнадцатилетнюю девочку Сашу не узнавала, называла её ангелом, приставленным к ней варить кушанье. Её отправили в больницу, где она жила, не приходя в сознание, 3 месяца, требовала, чтобы ангел был с ней; принимала пищу и вообще слушалась только одного своего ангела. Перед смертью часто приходила в сознание и умерла в памяти.

Катание с горы. Рисунок, 1868

В д. Пали у мужика умерла молодая жена, остался он с тремя малыми детьми одинёхонек; уговорили его жениться, он женился и стал скучать по первой жене, которую очень любил. Мачеха ненавидела пасынков, била их, не давала есть — пошли ссоры из-за детей. Муж видит, что с бабой не сладить, отдал детей на воспитание тётке, но с той поры стал задумываться, отвечать невпопад, забывал о деле и начал ходить на могилу жены чуть не каждую ночь — и ходил всю зиму. Жена его жаловалась, что муж с ней не спит, а всю ночь что-то про себя болтает, называя себя старшиной. Никто на её слова не обращал внимания. Вот около Николина дня, собралась на деревне сходка по мирским делам, этот мужик пришёл на сход с медным образком на груди, стал ко всем соседям придирается, ударил одного, другого. Тут его скопом поколотили и посадили в амбар, да не оглядели, что в амбаре были косы; он там бился, кричал, а поутру нашли его зарезавшимся... Обходятся с сумасшедшими безжалостно: бьют их, кормят скверно, связанного держат по неделе и больше, ожидая, что он придёт в разум, и только после долгих мучений отправляют в больницу.

468. Самоубийство. Мужик только успел отстроить новую избу, не успел её застраховать — она у него сгорела. Нанялись они с женой в работники в Успенский девичий монастырь. Его любили там за тихий нрав, обещали помочь устроиться снова в деревне. Жена его стала баловать и дошла до того, что уходила к любовнику на сутки. Весной стала она проситься на богомолье к Александру Свирскому, он её отговаривал, она не послушалась, ушла; 3 дня он страшно скучал, а на четвертую ночь повесился в монастырской гостинице.

Пожилой мужик, бездомный с детства, нищенствовал, проживая где день, где ночь; летом, во время сенокоса, он уходил на Ладожский канал и там побирался у судорабочих, которые, не жалея хозяйского хлеба, подают большие куски. В конце июля он уже пробирался к Новой Ладоге и вот на пустыре догоняет его прохожий молодой человек, одетый бедно, но по-господски, и просит у нищего кусок хлеба: «я, — говорит, — не ел трое суток, просить Христа-ради стыдно, украсть не хочется, а у тебя, дед, хлеба — полная котомка. Нищий ему отказал. Прохожий озлился на нищего, отнял у него корзинку с кусками хлеба, убежал вперёд, куски разложил по карманам, а корзинку бросил в куст. Нищий с горя, что отняли у него дорогую ему корзинку, свернул с лесок и здесь на своём кушаке повесился. Молодой человек пришёл в Новую Ладогу, остановился на ночлег на постоялом дворе и рассказывает этот случай, а погонщик,

видевший всю эту сцену на канаве, случился тут же на ночлег и дополнил, что он после слышал от судовщиков, будто этот нищий повесился. Дали знать полиции, молодого человека задержали; он подтвердил все обстоятельства. Скоро нашли брошенную молодым человеком в куст корзинку — стали её осматривать. Она была обтянута черной клеёнкой внутри и снаружи: между клеёнками оказалось денег 700 руб. Сразу всё стало понятно, и молодого человека освободили.

«Самоубийца — чёрту баран», «от денег сбисится и повисится», «вокруг бедного один чёрт для соблазна, а вокруг богатого — 10; вот они его и смутят». Самоубийцу не жалеют, удивляются, зачем их хоронят на кладбище: по мнению народа, самоубийц следовало бы сжигать. В здешних местах самоубийцу считают грехом вносить в избу — его надо нести на ночь в церковь.

469. Нищенство. В неурожайные годы многие крестьяне посылают детей, и сами ходят за милостыней: ходят по миру вдовьи дети, бессемейные старики и старухи; от великой нужды ходят здешние, местные по рождению жители просить Христовым именем. В здешний край много приходит женщин с незаконнорожденными детьми из других губерний на заработки: детей девка пустит «в куски», а сама ходит в подёнщину — на перегрузку дров, полоть гряды у огородников, на сенокос и другие летние выгодные работы. Осенью землячки тихвинские и боровичские скопляются партией, поджидая одна другую, и идут на зиму домой, некоторые остаются здесь зимовать, продолжая ходить по миру врозь от детей и сходясь с ними только к ночи. Приживают такие нищенствующие у какого-нибудь осевшегося здесь нищего, по преимуществу из белорусов, этих замечательных «христорадников» по ремеслу. Из Тихвинского у. очень много калек: слепых, хромых, сухоруких; из Олонецкой губ. ходят по 3 слепца с «поводырями», и надо отдать справедливость, поют они так хорошо, что будь они даже вполне зрячие — им не жаль подать за их искусство. Поят они: о бедном Лазаре, об Алексее Божьем человеке, о книге голубиной¹, о хождении Богородицы², поминовении ро-

¹ «Стих о книге Голубиной» — одно из важнейших и распространённых произведений русской духовной литературы, в котором даются ответы на вопросы о мироздании. По преданию, эта книга упала с неба в Иерусалиме во времена царя Давида. Впервые о ней упомянуто в Апокалипсисе. Голубь является символом Святого Духа.

² «Хождение Богородицы по мукам», или «Апокалипсис Пресвятой Богородицы» — перевод и отчасти переделка греческого апокрифа «Откровение

Нищий под окном избы. Рисунок, 1882

дителей, — с ними не сравнятся гнусавым, бесслухим тихвинцам. Слепцы, как олонецкие, так и тихвинские, бродят только летом, да и то всего по 2 — по 3 раза заходят в одни места; зимой живут дома.

Много ходит нищих стариков из николаевских солдат. Нищенство довольно много приносит барыша; ежели который не пропивает всего сбора в кабаке, то живёт не только безбедно, а у каждого есть скоплена

Пресвятой Богородицы». Основная тема — посещение Богородицей ада, описание мук за соответствующие прегрешения, совершённые людьми в земной жизни, молитвы Богородицы о снисхождении к грешникам и дарование Господом мучающимся в аду покоя на семь недель — от Великого четверга до Троицы. Древнейший русский список относится к рубежу XII–XIII вв., основная масса — к XVII–XVIII вв., когда «Хождение» становится особо популярным среди старообрядцев.

не одна сотня рублей денег. Недавно в д. Лопине умер восьмидесятилетний старик — нищий, уроженец Витебской губ., Невельского у., Александр Порфирьев, оставивший капитал более 1000 руб. своей жене Софье и детям. Дети переехали на житье в Старую Ладогу, построили себе хорошую избу и живут, не побираясь по миру. Слепцам подают они хлеб и яйца, а обыкновенным нищим подают только хлеб. Самый ленивый взрослый нищий насобирает в день 30 фунтов хлеба, дети насобирают по полупуду, а старик-нищий, усердный, которого в окрестностях знают и любят за словоохотливость, всезнайство, насобирает: по праздникам — около двух пудов, по будням — 1,5 пудов. Осенью, в урожайный год, когда у мужиков свой хлеб, куски продают по 1 коп., в остальное

Слепой хозяин. Х, м., 1884

время — по 1,5 коп.; в годы неурожайные во всякое время хорошие куски по 2 с половиной коп. за фунт.

В среднем вывод, нищий (считая и детей) насобирает в день 22,5 фун. Считая по средней за год цене за 1 ф. — 1½ коп., заработает в день — 37,5 коп. Жадный нищий насобирает в среднем в день 70 ф. Считая по средней за год цене за 1 ф. — 1½ коп., заработает в день — 1 руб. 16⅔ коп.

470. Артелями, как выше сказано, живут приходящие на летние заработки девки с незаконнорожденными из других губерний и уездов.

471. Обычай давать странникам, странницам и разным прохожим ночлег соблюдается в народе свято: «Оборонить от тёмной ночи надо кажинаго человека». В каждой деревне есть такие хозяева из бедных, дающие приют всем странникам, странницам и прохожим; богатые пускают только странников и странниц, умеющих наказать разных небылиц о святых местах, показать песочек из киевских пещер, масло из лампы чудотворной иконы Успения Божией Матери, камешки с Валаама, портреты разных святых людей, картинки, фотографии монастырей, портрет Иоанна Кронштадского, которым вообще теперь торгуют бойко. Для примера расскажу подробно жизнь одной странницы, которая на стороне морочит людей, не знающих её.

В д. Лопине живет смиренный, но исправный мужик, крестьянин Петр Михайлович Боляка. Жена его, Александра, ещё в девках любила вольную жизнь; вышла замуж, родила троих детей и стало ей скучно жить в порядке, изо дня в день. Связалась она с плотником и при муже начала принимать его у себя; получился ребёнок, которого муж не признал, а она не стала отрицать, что дитя от плотника. Муж, по ее желанию, выдал ей паспорт, она повезла ребенка в воспитательный дом, а после стала ходить по богомольям, святошествовать, не оставляя привычки переменять любовников, сбывая детей в воспитательный дом. Эта странница, Александра Ивановна, умела втереться к Иоанну Кронштадскому, получала от него подачки и его именем до сих пор собирает в Петербурге и других городах деньги и всевозможные вещи для раздач бедным крестьянам. Уйдет на месяц — на 2 и привезёт с собой целый транспорт вещей: платья, бельё, шубы, пальто, обувь и пр., которые продаёт здесь очень выгодно. Построила здесь хорошую избу, поместила в ней двадцатишестилетнюю беременную дочь, сбитую с толку матерью до распутства, — а сама ушла в другую сторону, где её меньше знают, и там

успела, неподалеку от Зеленецкого монастыря¹, построить ещё отличный дом-келью. Здешний народ, ознакомленный с жизнью этой странницы, стал подозрительно относиться и к другим странницам. Наряду с другими нищими, подаст кусок хлеба — и только. Когда приходит здоровый мужик или баба к мужику в дом, просит: «Поддай ради Христа» — «Больно рожа толста!», — отвечают таким здоровьякам, и всё же, хоть маленький кусочек, да подают.

472. Пьянство. В приречных местах ни одна нагрузка или выгрузка судна не обходится без «литок», когда берут подряд; (при подряде на 25 руб. выговаривают четверть водки на 8 человек, потом прибавят ещё столько же, — вот и назюзятся). Во время работы по сороковке на человека перед обедом и перед ужином выпивается постоянно. Кончили работу — опять выпивка при получке денег с хозяина, и так целое лето. У многих образуется привычка к выпивке, переходящая в пьянство. Семья страдает в материальном и нравственном отношении от пьянства домохозяина: редко пьяный муж обойдётся без ссоры с женой, побьёт её, побьёт детей, выгонит их дома, а наутро голова болит, жена упрекает, денег нет на похмелье, дети дичатся отца, — новые ссоры. Отпуская такого мужа на базар, на мельницу, жена не ждёт возвращения его с радостью, а всегда приготовлена ко всяким ужасам. Деревенские порядки не могут не влиять на распространение пьянства. Напр., есть общественные доходные статьи: отдача в пользование береговой земли под склады дров, брёвен (говорим о приволховских жителях), за право пользования выгонами и пр., — за всё это получается сумма деньгами не более 100 руб., зато круглый год они получают приплату водкой с пользующихся их землёй, пьянствуя по праздникам и будням. В пьяной компании не обходится без ссоры и драки, — на миру ли, в трактире ли — найдётся повод к крупным разговорам или у душевным излияниям с подобными себе любителями весело проводить время. Зовёт такой приятель в гости — надо идти, а там опять и опять, — и как-то спиваются в конец несчастные бесхарактерные люди. И никакого действительного лекарства нет от этой язвы! Деревенские знахари употребляют такие средства: поят водкой, смешанной с мочой жены и детей, настаивают водку на костях мертвеца, на пауках, заговаривают от запоя — и ничто не помогает.

¹ Троицкий Зеленецкий мужской монастырь (или Мартириева Зелёная пустынь) основан в 1565–1570 гг. иноком Тихвинского Новгородского монастыря Мартирием.

Больной муж 1881 г. Третьяковская галерея

Пьяница-муж под весёлый час принуждает выпить водки и жену; иные входят во вкус и пьют не хуже мужей, но это почитается в женщине постыдным: такую бабу ставят наравне с распутной. Не так давно, собирая женщин «на помочь», совсем не угощали их водкой, а теперь, коли нет водки, бабы идут неохотно. У кого «на помочи» есть водка, там работают лишних 2–3 ч[аса]. С мужиками бабы не напиваются допьяна, а на помочи бабьей, на чистке льна пьют не меньше мужиков. Брань, драку, даже преступление, совершённое пьяным человеком, народ не судит строго: «Не он бранится, а вино проклятое».

473. Болезни и их лечение. Крестьяне приволховских деревень страдают больше всего от простуды: ранние работы на реке, выгрузка

Пережил старуху. Х. м., 1896

сплавных дров, весной и осенью ловля рыбы, сбор клюквы, ночлег в болотных местах во время сенокоса; у мужчин поранения топором, а у женщин серпом во время жнивы. Поранения лечат своей мочой. Чахотка уносит много жертв. Из заразных болезней — тиф, дифтерит, скарлатина и менее всех болезней приносит вреда оспа. Сифилис преобладает в тех деревнях, откуда мужчины ездят в Питер в извоз, и в деревнях, находящихся вблизи каналов, а в Спасовщине, несмотря на частые отлучки мужчин, эта болезнь очень слабо заметна. Несколько лет назад тиф и дифтерит свободно разносились из одной деревни в другую и дальше. Теперь своевременно принимаются меры, и болезнь вскоре прекращается. Крестьяне начинают оценивать советы врачей и помощь сестёр милосердия, посылаемых земством на места начинающихся эпидемий. В насто-

ящее время крестьяне за помощью обращаются к фельдшерам, к докторам, в больницу ложатся без прежнего страха, хотя в то же время не прочь полечиться и у своей знахарки при болезнях, которые она удачно излечивает. От простуды — баня и натирание перцовкой, питьё — липовый цвет, сушёная малина, земляничник; от боли желудка ставят горшок и потом растирают; от ревматизма — натирание муравьиным спиртом. Во время болезни мужик едой не стесняется, ему дают чего бы он ни захотел. Поют богородицкой травой¹, святой крещенской водой; детские и женские болезни лечат заговорами. Нервные болезни почти всегда лечатся знахарями, и только когда невмоготу станет — идут к доктору. К больным относятся терпеливо домашние и посторонние в свободное

¹ Тимьян, семейство Губоцветные.

время, но по невежеству своему ухаживают плохо, держат грязно, воздух не очищают. Кормят чем попало. В голодное время пищу обильнее получают работники в семье и дети, стариков однако же не морят с голода. В рабочее время за больными присмотр плохой, оставляют больных на попечение детей, которые уходят на улицу играть и не вспомнят, что приказано было подавать пить и есть лежащему без движения больному. Зато в деревне не так боятся смерти, как продолжительной болезни, «лёжки». К взрослым больным часто зовут фельдшера, доктора, а детей лечат знахарки кой-как. Грудных детей кормят коровьим молоком в случае смерти матери.

474. Умиравший, мёртвое тело, поминки. Соседи к умирающему ходят прощаться. Когда умрёт, зовут старух «прибрать тело», обмыть и порядком уложить в передний угол, на лавку. Зовут читальщика читать псалтирь, а женщины шьют саван, если не приготовлен заранее. Саван одевают, когда кладут в гроб, а до тех пор покойник закрыт холстом. Мертвецов, вообще, боятся; бабы заходят часто смотреть мертвеца, очень боязливым советуют подержать мёртвого за ноги — и боязнь, говорят, пропадёт: не будет он им мерещиться. Приготовление к поминкам начинается, как только умрёт человек. Дети и родня ходят плакать, собирая вокруг себя слушателей. На вынос приходит священник, и после панихиды выносят тело в церковь. Отпоют после обедни и опустят в могилу. А в доме, по выносе покойника, моют пол, стены, у которых он лежал, лавки и пр.; воду грязную уносят, относят далеко от дома, а солому, на которой лежал покойник, сжигают на реке или в поле. На поминки, кроме родни, зовут соседей, с которыми покойный жил в ладу и тех, кто копал яму; кормят нищих; водки подают очень мало. Траур весь состоит в том, что не одевают слишком яркого цвета платков; когда хоронят девицу, одеваются во всё светлое. Жизнь налаживается скорее, если схоронили не хозяина и хозяйку.

475. Находка, клад. Нашел крестьянин д. Ивановский Остров Иван Гаврилов на большой дороге ящик красного дерева, наполненный столовым и чайным серебром и женскими украшениями. Всю находку он доставил в полицейское управление, составлен был акт, а через 2 дня нашёлся владелец, доказавший принадлежность ему этого серебра. Крестьянину Гаврилову выдано 50 руб. награды.

В д. Лопино. крестьянин Семён Антипов, возвращаясь из города с ярмарки, поднял мешок с разными печными приборами и принадлежностями

вновь устраивающегося хозяйства; зная, что недалеко от их деревни устраивается вновь выделенный из семьи крестьянин, нашедший пришёл к нему и сначала сторговался, а потом уже возвратил найденное. По понятиям народа, третья часть находки принадлежит нашедшему. Несколько лет назад одна помещица, возвращаясь из гостей, уронила дорогую турецкую шаль и маленький саквояж. Скоро она схватилась этих вещей, поехала обратно, но ничего не нашла и известила полицию и деревенские власти, но ничего никто ей не возвратил. Через несколько лет она увидела на женщине отрезанную часть своей шали, заявила об этом полиции. Оказалось, что подняли находку трое и разделили поровну как деньги, так и шаль, хотя слышали, что о потерянных вещах заявлено и обещана награда. Нашедшие были наказаны, а вещи от них отобраны.

В д. Чернавине был старик, крестьянин Иуда Елисеев, который всю жизнь искал кладов, уходя из дома иногда на неделю и на 2, но никогда ничего не находил. Оставил сыну Якову запись о кладках и наставление,

Тверь. Рисунок, 1881

как их добыть, полагая, что они ему не давались за его усердие к церкви. Сын его не верил в возможность находки клада и рассказывал следующее. «Есть, по словам отца, в болоте клад, зарытый разбойниками «на сто голов и на сто годов» (т.е. надо загубить 100 голов, и через 100 годов клад дастся) — так неизвестно, на человеческие или какие иные головы «заречён» этот клад». Каждую ивановскую ночь отец его, говорит, видел на этом месте огонёк, но только лишь станет подходить — всё скроется. Пробовал убить 100 мух, 100 белок, 100 котят — ничего не пошло в пользу! Другой клад лежит с таким «зарёком» (условием): тому он дастся, у кого есть 12 сыновей, 12 дочерей и по 12 внуков от сыновей и дочерей, и надо идти к кладу не лицом, а спиной, перед самой Христовой заутреней¹. Клад этот самый большой в свете. Один раз отец почти взял клад, да должно быть чего-нибудь не исполнил, как надо «по зарёку», — и воротился клад угольями. В народе есть уверенность, что клад дастся только простому человеку, случайно, который его не ищет.

В версте от Старой Ладоги есть деревня Княщина, тамошний мужик нашёл клад очень ценный (представляю одну из монет). Случилось это так: весной он пахал землю неподалеку от деревни, полоса его была крайняя в поле, и межа принадлежала ему же; он вздумал впусе лежащую землю поднять, проехал борозду, другую, а на третьей борозде упёрлась соха; он ударил лошадь, лошадь дёрнула, соха изломалась. Стал он осматривать соху и увидел на земле серебряную монету, величиной с четвертак. Покопался в земле, нашёл таких монет больше 10; сходил домой за заступом и давай копать на этом месте. Откопал разбитый им горшок и набрал

Старик. Х. м., без даты

¹ Пасхальная заутреня, начинающаяся перед закрытыми дверями храма.

полную шапку серебряных монет и каких-то палочек, тоже серебряных; снёс всё это домой, запер в сундук и снова пошёл на поиски, а в это время набежало много народу и разобрали все небольшие остатки клада. Не зная цены находки, он продал большую часть жиду на сплав, часть монет купил у него сосед-помещик, Орест Сергеевич Балк, за цену втрое дороже жидовской. Мужик до сих пор называет себя дураком, а жида подлецом. Серебра было 6 ф[унтов]. Монеты были сосонидские¹, времён самостоятельности Новгорода², немецкие, арабские и др. Найден так же случайно клад 20 лет назад лопинским крестьянином Иваном Евстратовым. Он копал около большого камня ямку для очага и выкопал небольшой глиняный горшочек, полный маленьких серебряных монет времён царя Ивана III Калиты³. Отставной фельдфебель Яковлев копал глину для

Этюд к картине «Всё в прошлом». Х. м., 1880-е

переделки своей печи, близ самой деревни, и нашёл 40 екатерининских рублей. Есть предание, что на берегу р. Волхова, на сенокосном лужке, в заплывшем колодце положены всякие драгоценные церковные вещи: чаша, дарохранительница, звезда, кресты и др. предметы, но никто не пытался достать эти редкости. Лужок принадлежит причту Васильевской церкви.

Воровство

476. Мелкое воровство, как и присвоение взятых на подержание вещей, слишком обыкновенны, чтобы о них говорить, хотя народ к таким людям потом относится крайне недоверчиво, из нужды воровства честные мужик или баба не допустят, а из нужды украдёт только такой, у которого «коли плохо лежит — брюхо болит, мимо пройти — дураком назовут». «Кажина деревня своим вором обходится». Так, в д. Чернавине есть мужичёнка Ванька Блохин, он воровством только и живёт, однако у своих деревенских, а также и в ближних деревнях не крадёт, не оттого, чтобы его укрывали, а из какой-то ему одному понятной честности. Зато ни одного базара, ярмарки не пропустит без кражи. Только однажды он оплошал и попал под суд, а то всё отвертывадся, а т.к.: «не пойман — не вор», то его иногда, хотя и поколотят, но принуждены отпустить, не имея улик. В д. Турковщине есть молодец, который ворует с господских мыз всё, что плохо лежит, — а на мызах многое лежит без призора: хомуты, топоры, верёвки, ломы и пр. Всё ему надо, особенной ловкостью отличается он в краже леса из реки. Отец и сын поедут ночью на рыбную ловлю, навяжут на веревки тяжёлые камни и затопят сплавляемый лесопромышленниками лес на дно реки, в глубоких местах, — зимой оттуда вытаскивают, как свой собственный. Народ дивится находчивости, но никому в голову не придёт донести об этом начальству. Селение Старая Ладога населено мещанами, они безземельные, есть у них одни огороды, живут

Старушка. набросок к картине «Бабушкины сказки». Рисунок, 1867

Старый служака. Х. м., 1880–1881

рыбной ловлей, подённой работой и воровством дров с костров, сложенных на берегу реки для погрузки в барки. Заедут 2–3 ловких вора, уронят костёр в воду, а сами отъедут подальше; другие воры-соседи в это время подъезжают на лодках, нагружают в них выловленные из воды дрова, везут к себе и здесь складывают в костры. Владельцы дров обязаны платить за переём по 50 коп. за короткие и по 2 руб. за девятичетвертовые, с сажени дров. Мещане этим способом и деньгами и топливом запасаются на всю зиму.

Разбои редки, но всё же есть и теперь. 2 года назад мужик, плотник из Спасовщины, работал в д. Быльчино, на р. Волхове, у двух богатых стариков. Окончив работу и рассчитавшись с хозяевами, он по их предложению остался ночевать. Ночью он их убил спящих,

обшарил все закоулки, денег нашёл всего около 40 руб. наличными. Чтобы скрыть следы, он зажёл свечку и поставил её под кровать, на которой лежали убитые им старики, а сам ушёл домой. На пожар сбежались люди и открыли преступление. А убийца, идучи домой, завернул к знакомому мужику, охотнику играть в карты, и, проигравши ему все деньги, пришёл домой и лёг спать. Пока он спал, к ним явился урядник и арестовал убийцу. Топор, его одежда и руки оказались в крови — он тотчас сознался.

Домашний вор крадёт: яйца, масло, мелкие деньги, скопляя себе на обновки и лакомства. Водится такой порок за невестками и свекровушками; ребята молодые воруют хлеб, а иногда сено — на пьянство.

477. «Значит, украл — коли без спроса взял». «Видь ты сад не садил, зачым жо ты без спроса в чужой сад ходил?» Надаёт оплеух хозяин, заставший вора в саду, хотя с одним яблоком — и прав! Никто не подумает ни жаловаться, ни пенять на суровость хозяина. «Сризала баба качан капусты, накопала корзинку картошки на чужой гряды, либо на

полосы, — застане хозяйка на месте — бей, бей, сколько сила возьме — и взять ничево». «Видь ежели своим вора спускать, так на чужих и пенять ничево». «Береги сусида, а сусид тебя побереже». Вынуть из чужой мерёжи рыбу, из силков птицу, увезти чужое сено — это не называют воровством, а плутовством, и при всяком сборище потерпевший станет язвить такого человека, чтобы наперёд знали люди о нём и опасались его. За потравы без умысла народ слаживается меж собой миром, а ежели кто с намерением привяжет лошадь на чужой подмежек, разбирают дело на деревне и соседи накладывают штраф. Заставший ночью на своей полосе чужой скот, запирает его и оповещает хозяина, который выкупает скот за деньги, по соглашению. Обойдённый медведь составляет собственность обошедшего, он может даром рассказать и дать право убить зверя, а если, не получивши права, охотник обойдённого зверя убьёт, — он виноват и обязан уплатить за труды. Охотник подстрелил лисицу или волка, а не нашёл в тот же раз, а рассказал об этом другому охотнику, а этот пошёл и поднял зверя — по обычаю он должен уделить часть от продажи.

478. Украсть какую-нибудь вещь, хотя бы из незапертой на замок клетки, и на вырученные от продажи краденного деньги купить обновку — считается, по обычаю, наравне с кражей со взломом. Украсть вещь из избы в отсутствие хозяев не считают настолько позорным. Украсть у богача и вообще нанести ему какой-нибудь убыток — не считается большим грехом; соседи, заставшие вора на месте, смолчат, да еще скажут: «Так ему и надо, мироеду!»; у бедного всякая кража считается преступной. «Какой, — говорят, — он человек, не постыдился у нищего

Портрет. Х. м.,

дубинку украсть». Из чужой изгороди взять меченую жердь, кол и перенести в свою считается постыдным; потерпевший имеет право разорубить всю изгородь у такого соседа при понятых, а соседи тут же, на месте, отхлещут вора здоровой палкой по плечам. «Сходить под замок» — тяжкое преступление, за которое всякий имеет право всенародно упрекать вора, и он навсегда лишается доверия крестьян: его не выберут в старосты ни в сельские, ни, тем паче, церковные. «Не пойман — не вор». «Воруй, да не попадайся». На ловкого вора народ смотрит почти как на героя, признавая за ним вину, до известной степени оправдывает его, как оправдывает прикащика, умевшего ловким мошенничеством в короткое время нажить деньги. А ни того, ни другого не любят — радуются, коли ловкого вора поймают, а скоробогатый обнищает. Ежели во время бескормицы нуждающийся в корме скоту увезёт с покосов «волочугу» (небольшой воз) сена, во время голодовки из незапертого амбара возьмёт ржи, муки или какого другого съестного для семьи — за такие поступки такого человека постыдят на миру и присудят при урожае

Телёнок. Рисунок, 1868

возвратить взятое без спроса. Такое же похищение с мельницы почитается уже воровством.

479. Дневной грабеж проезжего, трезвого человека считается против ночного грабежа более тяжким преступлением, ограбить днём и ночью пьяного — преступлением меньшим. Грабежом называют тогда, когда грабитель только угрожает убийством, но не убивает, разбоем — когда убивает. По взгляду народа, что убил, что погрозил убить — всё равно, раз вышел с ножом на дорогу; в этих случаях не принимают в расчёт и нужды. Относительно случайных воров есть поговорка: «Украл — что нашёл, а буде твоё — возьми назад». О ворах ведомых говорят: «У ево всегда две заботы: украсть, да штобы и не замитили». «Вор ворует, да не богатие». «мужик землю паше, да живе краше».

50 лет назад ходил здесь по Волхову от Гостинопольской присани до Новой Ладogi разбойник Подойкин, грабивший богатых хозяев и прикащиков; водились за ним и убийства. Он свободно расхаживал, высматривая денежных людей, а постоянно проживал в д. Запольке, у своей красавицы любовницы, Маши. Подойкин, беглый солдат, был красавец собой: высокого роста, силы непомерной, белолицый, чернобровый, тёмные кудрявые волосы, борода — что смоль, а голос — всё бы и слушал! Одевался в красную шёлковую рубашу, плисовые штаны, козловые сапоги, шляпа низенькая поярковая с павлиньими перьями, короткий кафтан суконный. Станет, бывало, говорить при встрече с незнакомым мужиком, всегда держит руку под кафтаном (у него под полой находился большой кинжал). Боялись его здесь все, от мала до велика, и днём и ночью, а между тем он никого из здешних никогда не трогал, нередко помогал бедным деньгами на покупку лошади,

Крестьянская девочка. Х.м., 1865

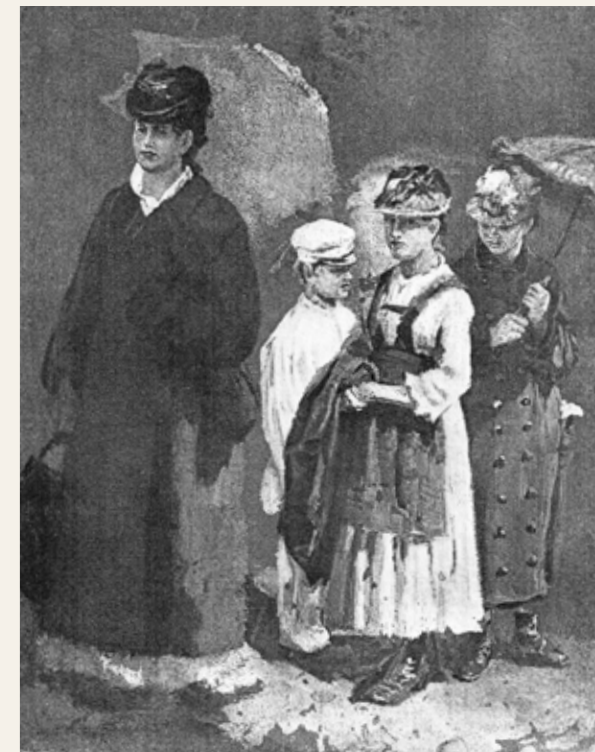
на постройку и т.п. нужды. Рассказывала одна старушка о себе. «Когда я, — говорит, — была молода, шла я под вечер из гостей, догнал меня какой-то красивый мужик и сказал: «Мир дорогой!», я ему: «Спасибо», — идём мы по перелеску, он меня и спрашивает: «А что, молодница, ты не боишься идти так поздно?» — «Боюсь, — говорю, — родненький, Подойкина!» Он дошёл, почитай, до нашей деревни (Чернавина), я худого слова от него не слышала — а тут и говорит: «Я и есть Подойкин, которого ты боялась!» У меня ноги подкосились, а он только засмеялся». Запольских мужиков он держал в страхе, угрожая, в случае выдачи его, «пустить петуха», перерезать всех, либо пойти самому сдать в полицию и указать на них, как на своих сообщников. Раз было его взяли. Иссадские мужики связали его, но он рванулся — и все веревки оборвал; не зарезал никого, а деревню спалил. Запольским мужикам надоело быть под страхом. Один из приятелей Подойкина, Цыба, зашел в гости к любовнице Подойкина, Маше, и начал с ним пить да гулять; напоил он разбойника до положения риз, потихоньку от Маши взял от него кинжал и стукнул в окно. Пришли

Украинский этюд. Автолитография, 1870

мужики и связали крепко-накрепко разбойника, а Маше велели собирать всё добро и бежать, ежели не хочет разделять участь с любовником. Маша пожелала быть с Подойкиным. Когда его повезли в Новую Ладугу, он сказал мужикам: «Я буду жив, убегу, а убегу — всех вас, как баранов, зарежу!» Но Подойкин больше не появлялся.

В сороковых годах появлялось очень много беглых солдат, они не вредили крестьянам, приходили по ночам за пищей то к тому, то к другому мужику, а по зимам укрывались в ригах. Летом часто приходили на сенокос помогать мужикам работать за еду. Молодые бабы их опасались, очень уж до них охочи были эти беглые.

Этюд к картине «Первый хлебный караван в Рыбинске». Х.м., 1883

480. Пристанодержательства нынче нет, а скупкой краденного в одной деревне занимают 2 богатых мужика в д. Лопине: Матвей Потапов и Иван Антипов. Ворам выгодно: не купит один, — купит другой. Церковный вор всегда и всеми осуждается, особенно когда украдёт что-нибудь с икон, из алтаря — с жертвенника или с престола, — это почитается святотатством; а ежели обокрадёт сборные кружки, казну — разницы нет от кражи со взломом, угона лошади у бедного человека. О кражах в церкви доводится до сведения полиции и передаётся дело судебному следователю; этих воров, даже за малую кражу не судят в волостном правлении. Кражу у попа нисколько не отличают от кражи у богатого кулака.

482. Лесные порубки. Мужик озлобленно смотрит на всякого казённого или частного лесного сторожа. Очень часто порубщики бьют лесников, привязывают на ночь к дереву, привязывают руками к длинному шесту, — «распинают», чтобы он не мог свободно выйти из леса.

Портрет

Государственные крестьяне¹, особенно старики, никак понять не могут запрета нарубить лес для своей надобности из казённой дачи, и окончательно становятся в тупик перед правилами, запрещающими охоту на зверя и дичь в казённых лесах, ограничение права рыбной ловли в больших реках и озёрах. Только заповедной заказник, посаженные рощи, деревья на меже — крестьянин считает неприкосновенными. Бывший крепостной крестьянин смотрит на леса и уголья бывшего своего барина так же, как государственный крестьянин на казённые леса и воды. Пахотную землю, луга, даже выгоны старик-крестьянин признаёт за собственность, и только к лесам и водам так относится. Поэтому, если старику-крестьянину удастся тайком воспользо-

ваться запрещёнными угольями, он этого не почитает воровством и на доносителя-соседа смотрит как на несправедливого человека. Среди молодых мужиков, выросших при новых порядках, уже иные понятия о собственности: всякая порубка в чужом лесу — кража. «Сруби-ка, — говорят, — в нашем лесу господские рабочие хорошее дерево, — что мы на это скажем?» Несмотря на такие рассуждения, красть продолжают и молодые мужики. Многие лесовладельцы старались войти в соглашение, за известную плату и льготы, с соседними крестьянами, но сделки не состоялись: не могут мужики поручиться за целостность леса частного владельца. Леса же, принадлежащие крестьянским обществам, сохраняются хорошо: у них порубки — редкость.

¹ Сословие в России (XVIII – первой пол. XIX вв.), сформировано по Указу Петра I из незакрепощённого крестьянства (черносошные крестьяне, однодворцы и т. д.). Жили на казённых землях, несли повинности в пользу государства и обладали личной свободой.

483. Конокрадство. В здешних местах, по отзыву крестьян, угоном лошадей занимаются свои же люди, цыгане только помогают сбыту в дальние места. Кражи происходят летом с пастбищ. Недавно умер один старик, который знал конокрадов на большом пространстве и предлагал свои услуги к отысканию лошадей за небольшую плату. Крестьяне уверены, что он был сообщником краж, но никогда не могли этого доказать и всегда принимали его услуги. В прошлом году одна спасовская девица угнала трёх лошадей, сбывая их крестьянам, промышлявшим тягой судов по приладожским каналам; её присудили к трехмесячному тюремному заключению. Конокрадов народ боится, старается жить с ними в ладу, не доводит до суда каждую кражу, в случае скорого возврата лошади; поэтому и не прекращается этот промысел. По взгляду народа, конокрадов легко наказывает суд, следовало бы ссылать в дальние места за этот промысел, а не оставлять их на родине по отбытии тюремного заключения.

Растрата. Мошенничество

484. Присвоение опекунами имущества опекаемых, присвоение находки, растрата сельскими старостами общественных сумм, растрата хозяйских капиталов доверенными — явления обычные, народ к ним относится строго и не мирится с этими поступками, обращается к судебной власти или в волостной суд. По определению сельского схода имущество старосты назначается к продаже для возмещения растраченных им сумм, и его лишают права занимать выборные должности. В волости же разбираются и дела о растрате частных лиц, с обязательством возврата денег или имущества.

485. При продаже лошади очень часто крестьяне бывают обмануты: сбывают запаленную лошадь, или с ящером, или с разными зароками. При продаже сена в стогах владелец старается поставить больше подпор, сметать как можно рыхлее. В продаваемый овёс льют кипяток для увеличения веса зерна, при насыпке в меру зерна стараются сразу наполнить четверик, чтобы зерно стояло; при отпуске на вес обвешивание крестьян на десятичных весах¹ совершается сплошь и рядом. Укоризны крестьян мало действуют на мошенников-торгашей: «Не обманешь — не продашь», — говорит поговорка.

¹ Весы, устройство которых основано на принципе неравноплечевого рычага, т.е. взвешиваемый предмет уравнивается гирей в 10 раз более лёгкой.

Единственный учитель. Х. м., без даты

486. Промышляющие торговлей мясом нередко околелую корову или овцу сбывают мужикам за доброкачественную, в соленую рыбу сыпят мышьяк, чтобы дольше не портилась; чай продают спитой, с подмесью «иван-чая», подкрашивают его сандалом, жжёной винной ягодой. Народ, терпя от обмана, редко возбуждает преследование, разве когда отравится какая-нибудь семья, как это случилось в с. Михайловском (отравление коренной рыбой).

487. Большею частью женщины восстают против торговли водкой в деревнях и побуждают мужей доносить о корчемстве¹, о подделывателях и сбытчиках монет здесь нет слухов.

488. Самоуправство. С конокрадами и иными ворами крестьяне расправляются своим судом: бьют до полусмерти, т.к. идти судиться — одна «волокита» (проволочка времени), а присуждают виновных, по мнению крестьян, к очень малому времени ареста. К проступкам малолетних и женщин относятся снисходительнее, обвиняют их родителей и мужей. Если кто донесёт на бедного мужика, укравшего что-нибудь у богача, такой донос, а также доносы о порубках леса считаются действиями неблагоприятными, говорят: «Что — тебе чужого стало жаль?».

489. Поджоги. Обидел чем-нибудь сосед соседа: соблазнил жену, дочь, причинил убыток в хозяйстве, — глядь, у обидчика сгорел стог сена! Народ знает, кто мстит за обиду и никогда не пойдёт в свидетели против мстителя, как бы признавая право отомстить врагу. Ежели кто

¹ Тайное производство и торговля водкой, а также рядом др. предметов, составляющих монополию государства.

вздумает мстить врагу поджогом его дома, стоящего в деревне, — это вина ничем не оправдываемая, потому что может пострадать не повинно сосед его врага. Приходилось слышать о поджогах любовницами жилищ изменивших им любовников, чтобы обездолить его с семейством. Поджоги имущества богача: отдельного гумна, стогов сена, ржи, отдельных холостых строений, леса — не считается преступным действием, лишь бы огонь не задел бедного.

490. Преступления из суеверия. Есть в народе поверье, что при вскрытии реки требуется человеческая жертва, и были случаи неподания помощи утопающему только потому, что «надо же кому-нибудь потонуть, без этого не может река освободиться ото льда». При постройке новой водяной мельницы, при каждой капитальной переделке плотины «хозяин-водяной» требует жертвы, взрослого или ребенка, и всегда, говорят, он её получает, а как получает — того народ не рассказывает. В с. Ильинском колдунья Алексеевну каждый раз при появлении эпидемии, бездождья собирались «убрать со света», но не решались на этот поступок столько же из-за боязни уголовного суда, сколько потому, что считали невозможным им, грешным людям, совладать с той громадной нечистой силой, которая её стерегла.

Если враг желает расстроить семейную жизнь, он старается подложить под постель супругов заколдованный нож, и кто первый из супругов возьмёт в руки этот нож, тот почувствует ненависть — и в семье пойдёт раздор. Для устранения разлада надо этот нож держать на божнице и потом, узнавши, кто его подкинул, постараться этим ножом оцарапать до крови подкинувшего; тогда всё колдовство обратится на него самого. К колдунам и колдуньям обращаются для открытия краж: они приходят на место пропажи

Торговка. Х. м., 1881

Сад при доме Третьяковых. Х. м., 1877

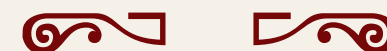
вещей и, лёжа на земле и выслушавши, откуда доносится стон земли, определяют места нахождения украденных предметов. Бабы становятся на ночь на божнице вниз головой медные створцы, чтобы узнать измену мужа: икона придёт в прежнее положение, если муж не изменял. Служат также и молебны: св. Ивану Воину, св. Власу, Флору и Лавру — при кражах.

491. Убийство. Увечья. Убийство с подкупом и убийство с целью грабежа — равны по тяжести преступления; убийство любовника или любовницы из ревности на месте преступления народ считает «несчастьем», достойным только церковного покаяния. К двум девицам ходил один парень, обещая и той и другой покрыть грех свадьбой; оне сговорились и убили не-

верного любовника — народ, по совести, оправдывает девиц. На убийство во время драки народ смотрит не особенно строго: в свалке, говорят, никто из дерущихся не рассуждает, — бьёт чем попало и по чему ни попало; и такое убийство называют нечаянным. При защите собственной жизни, а также жизни кого-нибудь из ближних, или даже своего имущества — в убийстве тяжкого греха нет, достаточно человеку самому покаяться. Увечье в драке не считается даже преступлением, потому так часты между крестьянами мировые сделки за небольшое денежное вознаграждение. Примирившиеся обязываются не мстить и даже никогда не вспоминать о происшедшем.

Содержание

Художник В. М. Максимов	5
«Русский американец» князь Тенишев	13
Физические и природные свойства крестьян	21
Местные условия жизни крестьян	22
Общие указания об образе жизни крестьян	26
Тараканчики	32
Мешочники	34
Изворотливость	35
Бахвальство	35
Верования. Знания	36
О колдунах	36
Примечание	57
Рассказы крестьян о колдуне Шабаре, и моё знакомство с ним ..	58
Язык крестьян	64
Поговорки, пословицы, присказки и пр.	64
Выражения	67
Местные слова	67
Рыбная ловля	74
Обзаведение рыбака	75
Сближение полов. Брак. Отклонения от законного брака	101
Обстоятельства, предшествующие браку	104
Рождение детей, воспитание, обучение, доведение до самостоятельности	132
Выходящие из ряда обстоятельства	140
Общественные бедствия	140
Общественный разлад	143
Местные бедствия	144
Развод	152
Разврат	152
Воровство	172
Растрата. Мошенничество	178

**ХУДОЖНИК
ВАСИЛИЙ МАКСИМОВ
корреспондент
«Этнографического бюро»
князя Тенишева**

170-летию со дня рождения художника посвящается

